зала 18 3У
шкафъ 15.
полка 1.
№ 8. 1

2
68

45
51-3

• БИБЛІОТЕКА •
Русскихъ и Иностранныхъ Писателей
1905 г.—Книга 4-я.

МОШКАРА

РОМАНЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ

(Окончаніе).

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ.—МОСКВА

Съ этой книгой «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей» гг. подписчикамъ разсылается № 4 «ВѢСТНИКА ЛИТЕРАТУРЫ».

Стараясь не глядѣть на Глѣба, онъ мрачно нахлобучилъ по самыя брови свой выгорѣвшій отъ солнца и времени картузъ съ поломаннымъ козырькомъ и двинулся къ дому.

Но почти дойдя вплотную до бѣлаго, въ тонъ фабрикѣ, выкрашеннаго конторскаго зданія, Маркъ рѣзко отвернулся отъ него и, угрюмо насупясь, пошелъ обратно черезъ мостъ, къ городу, гдѣ, замирая по-вечернему, теплилась жизнь.

Мысль объ отцѣ и пощечинѣ погнала Марка отъ фабрики. Онъ не хотѣлъ и не могъ видѣть отца.

V.

Онъ шелъ по кривымъ и тягучимъ улицамъ, по берегу канала, въ которомъ однозвучно билась замкнутая въ шлюзахъ вода. Вечеръ темнѣлъ, понемногу. стушевываясь и отдаляясь отъ природы и въ то же время невидимо и непонятно уходя въ нее. Расплывчатый и тихій, онъ умеръ въ воздухѣ, какъ-бы растаялъ навстрѣчу ночи, пугливой, какъ птица, и глубокой, какъ скорбь.

Дневные звуки замерли и на смѣну имъ родились новые, то тихіе, чуть слышные, то смѣлые, важные, цинично заявляющіе свои права на эту ночную тишь...

Дома стали какъ будто выше и громаднѣе. Призраки ночи дѣлали ихъ такими. Дорога молчала, бѣлѣя пыльнымъ налетомъ, уходя далеко, далеко впередъ отъ одного края города къ другому.

Марку казалось, что и ночь и дорога—все это продолженіе какого-то сна, который онъ видѣлъ когда-то, но который, перейдя къ дѣйствительности, потерялъ все свое обаяніе грезы и сталъ далекимъ; сна, въ который онъ заключилъ себя съ той минуты, какъ почувствовалъ въ себѣ близость Лизы.

Бѣлая, вьющаяся широкой лентой дорога казалась ему рельефной картиной на фонѣ ночи и Маркъ думалъ о ней, какъ о картинѣ, сейчасъ набросанной ему воображеніемъ.

И весь этотъ спящій маленькій городъ съ его каналами и шлюзами, съ уснувшей фабрикой и бѣловато-желтымъ бликомъ крѣпости у устья рѣки, все казалось ему такой же картиной сонной на полотнѣ.

Только когда онъ вышелъ по горбатому мосту на городскую площадь и разомъ обнялъ всю ее взглядомъ, съ ея скученными неуклюжими постройками, среди которыхъ преобладали трактиры и вертепы; когда онъ услыхалъ исторгавшійся изъ ихъ оконъ гулъ ругани и криковъ, онъ понялъ, что это не сонъ, а жизнь, кишащая всѣми своими бациллами порока.

Взглядъ его, перебѣгавшій отъ одного зданія на другое, достигъ длиннаго одноэтажнаго дома, похожаго на тюрьму или казарму, и онъ быстро пошелъ къ нему.

Горбатый, словно ощетинившійся звѣрь, мостъ остался за нимъ; притоны съ ихъ демонстративно протестующими тишинѣ спящаго города звуками—тоже.

Маркъ былъ теперь одинъ передъ безобразно длиннымъ зданіемъ, похожимъ на тюрьму или казарму, и, разомъ стряхнувъ съ себя остатки перенесенныхъ за день впечатлѣній, пошелъ къ входу.

Покосившаяся ржавая дверь жалобно заплакала, когда онъ, нажавъ мѣдную скобку, перешагнулъ порогъ и очутился въ длинной комнатѣ или, вѣрнѣе, сараѣ, скупо освѣщенномъ вонючей жестяной лампой.

Безконечные ряды наръ тянулись отъ потолка къ полу и вдоль стѣнъ, оставляя узкій проходъ между собою по серединѣ сарая.

Отовсюду доносился храпъ, зловѣщій и безобразный, похожій скорѣе на удушливое хрипѣніе смерти.

Люди спали вездѣ и всюду, на полу и на нарахъ, въ какомъ-то сплошномъ хаосѣ распростертыхъ, неподвижныхъ тѣлъ.

Всюду хранѣли эти неподвижныя тѣла съ измятыми лицами и всклокоченными волосами... И въ этой сплошной грудѣ, едва напоминающей о жизни, въ этомъ мертвомъ спокойствіи ея было что-то животное, безправное, тупое.

Зловоніе, исходящее отъ спящихъ, заключало общую тяжесть впечатлѣнія. Оно тянулось тысячами острыхъ, смрадныхъ потоковъ и безпощадно напоминало о себѣ, вонзаясь въ горло, въ носъ, во всѣ поры Марка.

Онъ чуть не задохнулся въ первую минуту. Потомъ побѣдилъ тошноту, стараясь не дышать носомъ, чтобы не впитывать въ себя эту сиradную специфическую кислоту пота и перегорѣвшаго спирта, идущую волной отъ тѣлъ, не чувствовать ея острой, гнетущей силы, шагнулъ къ серединѣ сарая,

гдѣ на полу стояла жестяная лампочка, и пятеро мужчинъ, сидя вокругъ карточной колоды, попросту положенной на землю, играли въ карты.

Рыжій, всклокоченный, громадный человѣкъ, съ добродушнѣйшимъ лицомъ ребенка, совершенно противоположнымъ его сильной атлетической фигурѣ, съ мутнымъ взоромъ, грязный, рваный и распоясанный, съ отстегнутымъ воротомъ на груди, сквозь отверстіе котораго выглядывало огненно красное волосатое тѣло, равнодушно взглянулъ на вошедшаго и, промычавъ что-то неопредѣленное, снова сосредоточенно впился взоромъ въ засаленныя фигуры картъ.

— Марку Артеміевичу!—процѣдилъ въ ту же минуту дурачливымъ фальцетомъ тоненькій, жидкій, съ бѣгающими по сторонамъ вороватыми глазами вертлявый человѣчекъ, казавшійся подросткомъ среди своихъ партнеровъ, одѣтый со щеголеватою тщательностью, убого проглядывающей сквозь жалкія нищенскія отрепья платья. Въ испитомъ лицѣ его, пронырливомъ, какъ у мальчишки, крылось что-то большее, нежели лукавство, что видѣлъ не каждый, и что было не легко уловить въ первыя минуты. И оно было по-своему красиво, это лицо, несмотря на невидимое что-то, поражающее и отталкивающее скорѣе, красиво, нежели безобразно, со всѣми его слѣдами короткаго и сквернаго пережитаго въ этихъ заострившихся, почти юныхъ чертахъ.

Трое остальныхъ игроковъ, ушедшіе въ свое занятіе, не обратили никакого вниманія на Марка. У одного изъ нихъ, стараго, грязнаго старика съ подшибленнымъ глазомъ, перевязаннымъ грязной окровавленной тряпицей, слѣды на лицѣ говорили о неизгладимой порочной болѣзни. Онъ былъ извозчикомъ по профессіи раньше и теперь еще ходилъ въ изодранномъ, неузнаваемомъ отъ старости и грязи армякѣ, похожемъ на лохмотья.

Двое остальныхъ, ободранные, съ вспухшими отъ лишеній и пьянства лицами, не имѣли опредѣленныхъ лѣтъ и физіономій. Ихъ звали близнецами въ городѣ и въ „ротѣ“, и они дѣйствительно походили другъ на друга, какъ два родные брата. То же голодно алчущее выраженіе у обоихъ, съ однимъ четко написаннымъ желаніемъ въ глазахъ—напиться до самозабвенія, тѣ же убогія лохмотья и похожія на куски растрепаннаго и слежавшагося войлока мохнатыя головы.

Маркъ безшумно приблизился къ играющимъ и присѣлъ подлѣ черненькаго вертляваго человѣчка прямо на земляной полъ казармы.

Тоненькій вертлявый человѣчекъ съ испитымъ мальчишескимъ лицомъ тихо захихикалъ въ его сторону, закрывая лицо картами и лукаво скашивая глаза на своихъ партнеровъ.

Онъ выигрывалъ. Ему везло.

Потомъ разомъ встрепенулся, точно вспомнилъ что-то, и по лицу его разлилось таинственно-радостное выраженіе.

— Онъ тутъ!—сказалъ онъ вдругъ тихо, даже слишкомъ торжественно, тихо для этой обстановки, съ лицомъ, засіявшимъ остатками радости, оставленной ему жизнью.

Маркъ встрепенулся, поднялъ разомъ свое просвѣтлѣвшее лицо на „вертляваго“ и, мгновенно блѣднѣя, спросилъ:

— Казанскій?

Дыханіе захватило въ его груди.

— Чернякъ! Загребай! Чего зѣваешь!—огрызнулся рыжій оборванецъ и присовокупилъ безсмысленную ругань къ своимъ словамъ.

Чернякъ весь какъ-то съежился, засуетился и съ виноватымъ видомъ, бочкомъ, потянулся за взяткой.

Теперь уже Маркъ не могъ оставаться спокойнымъ. Онъ безсознательно схватился пальцами за грязный, но франтовато застегнутый кафтанъ Черняка и, впиваясь въ него яркоразгорѣвшимися глазами, шопотомъ спросилъ:

— Пріѣхалъ! Вернулся! Ты говоришь вернулся?

— Пригнали!—пояснилъ хриплымъ басомъ Михайло Ивановичъ, какъ звали въ „ротѣ“ рыжаго оборванца...—пригнали-съ, по самой, значитъ, по Плюшемской гладкой... Вчерашнимъ этапомъ на безсрочную побывку, на вѣчное гощеніе-съ. Гранъ-мерси-съ при такомъ дѣлѣ-съ. На мерзавчика-бы съ вашей милости-съ не мѣшало-бы за такое наше сообщеніе.

— Пригнали!—еще разъ натянутымъ, неестественнымъ голосомъ произнесъ Маркъ въ пространство. И вдругъ ему разомъ стало невыносимо всякое невѣдѣніе ожиданія. Онъ весь сжался какъ котенокъ и, подергивая плечами, застѣнчиво, по-дѣтски, ни къ кому не обращаясь, спросилъ:

— Повидать-бы! Гдѣ онъ? Можно его видѣть?

— Успѣешь!—грубо обрѣзалъ его Михайло Ивановичъ.—Не растаетъ онъ тебѣ и завтра... Приходи завтра и увидишь.

— Сюда приходить?—тѣми-же робкими звуками срывалось съ губъ Марка.

— Хошь сюда, хошь къ „Оленю!“—отвѣтилъ за Михайла Ивановича „Извозчикъ“, и досадливо отмахнулся отъ него рукой, какъ отъ надоѣдливой мухи.

— Къ „Оленю“ пожалуйте!—произнесъ одинъ изъ близнецовъ, прозванный среди товарищей Первымъ, такъ какъ онъ казался старше и выше своего невольнаго собрата.

Михайло Ивановичъ свирѣпо взглянулъ на говорившаго и, краснорѣчиво погрозивъ ему кулакомъ, покрылъ козыркой засаленнаго червоннаго валета. Потомъ онъ, сосредоточенно нахмурившись, запустилъ громадную руку за пазуху и поскребъ ногтями на груди.

Свѣтъ лампы значительно съежился и потускнѣлъ: отъ нея сильнѣе запахло догорающимъ керосиномъ и стало замѣтно чадить. Чернякъ ловко сбросилъ только-что вышедшую изъ колоды пятерку и оставилъ „Извозчика“ въ дуракахъ. Михайло Ивановичъ и близнецы вышли раньше и съ жаднымъ тупымъ любопытствомъ слѣдили.

— Молодецъ, робя! — забасилъ на всю роту рыжій, и такъ сильно хватилъ ручищей по плечу Черняка, что тотъ весь съежился отъ боли,—экъ отхватался! За тобой косушка, милъ-человѣкъ! Мозглякъ этакій, вишь насобачился,—обратился онъ къ Марку,—колошмятитъ сво который ужь вечеръ!—И онъ подмигнулъ на обыграннаго.—Извѣстное дѣло, извозчикъ и есть! Кто на немъ не ѣздитъ!—И онъ сдѣлалъ циничное добавленіе и первый же загоготалъ во все горло надъ своей остротой.

— Кто тамъ глотку деретъ, лѣшіе?—Послышалось откуда-то сверху наръ и всклокоченная голова съ опухшими щеками появилась надъ играющими.—Разбушевалис... черти! прорва те дери! Старшинѣ пожалуюсь... Собаки, сна на ихъ нѣту.

— А ты, дяденька, полегше!—задравъ голову кверху, протянулъ со значительнымъ видомъ „Извозчикъ“,—давно тебя, дяденька, надо быть не дули? Заранортовался! Ишь форсу напустилъ! Дрыхни, Каиново отродье, цѣлъ покуда.

— Ктой-то Каиново отродье? Я што-ли?—неестественно громко взвизгнула всклокоченная голова и цѣлый потокъ грязной, отвратительной, какъ вонючая вода, смрадной ругани повисъ надъ ротой. И услышавъ знакомые звуки, отовсюду

потянулись подпухшія заспанныя лица, въ которыхъ почти не было ничего человѣческаго; нары закишѣли живыми существами, похожими на чудовищъ при тускломъ освѣщеніи чадящей лампочки. Отовсюду мертвенно-разлагающими нитями непроглядной паутины потянулась эта ругань, отталкивающая, циничная, животная и больная. Встревоженная перебранкой и разбуженная ею рота не могла уже успокоиться. Весь воздухъ или, вѣрнѣе, смрадъ, замѣняющій воздухъ въ этой огромной призмѣ помѣщенія для людей наполнился этими звуками, отдающими гніеніемъ заживо погребенныхъ, иной разъ безсмысленными и безтолковыми и еще болѣе обидными оттого.

Лампа почадила еще съ добрую минуту и потухла, распространяя вокругъ себя специфическій запахъ, насильно вонзающійся въ голову и наполняющій ее тѣмъ же чадомъ минутнаго безумія.

И въ темнотѣ черныя фигуры, все еще безтолково копошащіяся во мглѣ и изрыгающія свои проклятія, казались исчадіями ада, наполнившими тьму.

И вдругъ чей-то мощный, здоровый и гулкій окрикъ пронзилъ разомъ всю эту мглу безобразныхъ черныхъ рѣчей.

Маркъ не зналъ голоса, потому что никогда еще не слышалъ его. Но онъ смутно инстинктомъ почувствовалъ того, кому принадлежалъ окрикъ и кто вошелъ невидимый и неслышный въ темноту роты. Онъ почувствовалъ его всѣми нервами и сердце его застучало сильно и однотонно, мощно и опредѣленно въ одно и то-же время, какъ машина.

Со стороны двери потянулась легкая, чуть примѣтная струйка свѣжей лѣтней ночной прохлады и обезсиленная разомъ затерялась въ сгущенныхъ волнахъ зловонія. Но Маркъ успѣлъ захватить ее губами и отхлебнуть отъ ея облегчающей, отрадной, хотя и минутой свѣжести. И всѣ его мысли приковались къ этой свѣжей струѣ, только-что выпитой имъ. О другомъ, неожиданномъ и свѣтломъ онъ точно боялся думать.

Въ ротѣ разомъ стало тихо, какъ въ могилѣ.

Гулкій, сильный и мощный голосъ замеръ въ первыхъ-же его звукахъ... Но отзвуки его, казалось, еще наполняли темную казарму и дрожали въ ней. Маркъ вздрогнулъ отъ этихъ звуковъ и, обнявъ ихъ разомъ, принялъ въ себя какъ сокровище. Онъ понялъ сразу „кто“ вошелъ и крикнулъ и предъ

кѣмъ покорно замолчала и притихла эта безтолково-ругавшаяся, озвѣрѣлая, сонная толпа. Въ ту-же минуту кто-то быстро и не сильно схватилъ руку Марка и знакомый голосъ Черняка шепнулъ ему въ ухо:

— Это онъ!

— Онъ!—эхомъ повторилъ за нимъ Маркъ и весь обратился въ слухъ, безполезно впиваясь острыми глазами въ темноту „роты“. И вдругъ голосъ снова зазвенѣлъ надъ нею, но въ немъ уже не было того гнѣвнаго, изступленнаго перелива, который слышался въ первомъ окрикѣ.

— Дьяволы, право, ну, дьяволы,—уже безъ тѣни раздраженія ронялъ голосъ, и звуки его, точно тяжелыя капли горячаго свинца, одна за другою падали на душу Марка, обжигая ее своимъ прикосновеньемъ,—взъерепенились среди ночи, какъ жулики какіе, право. Чего спрашивается? Что-бъ молчокъ у меня, рвань перекатная! Обходъ на носу, а они—въ галдежку! Дрыхнуть! всѣ дрыхнуть до единаго! Черти, право, черти! благополучія своего не знаютъ.

— Пьянъ?—чуть слышно шепнулъ Черняку Ларанскій, улавливая легкое дрожаніе въ голосѣ говорившаго.

— Онъ-то?—смѣшливымъ шопоткомъ переспросилъ Чернякъ и захихикалъ едва слышно.—Да развѣ онъ можетъ? Ужо завтра у „Оленя“ увидишь, какъ пьетъ онъ! Пьянъ, какъ-же! А теперь ступай! Ступай, тебѣ говорятъ,—присовокупилъ онъ, внезапно раздражаясь.—Обходъ будетъ скоро. Слышалъ! Ступай, баринъ! не до тебя тутъ!

Но Маркъ точно застылъ на мѣстѣ, точно замеръ. Душа его смутно жаждала прежнихъ звуковъ и вся тянулась на встрѣчу уже знакомаго голоса, казавшагося роднымъ.

Но голосъ молчалъ и Марку оставалось уйти.

И онъ пошелъ.

VI.

И опять длинная, бѣлая, какъ на картинѣ, на сонъ похожая дорога потянулась впереди его, пока онъ шагалъ отъ „роты“ къ фабрикѣ. И глядя на эту дорогу, Маркъ думалъ о томъ, кого услышалъ впервые и кого ждалъ столько времени и наконецъ дождался.

Теперь все пережитое и мучительное отошло куда-то отъ

него совсѣмъ, не только отъ сердца, но и отъ памяти, словно его заглушили металлическіе звуки того голоса, который онъ только-что слышалъ. На душу свѣтло и просто легла радость... Вошла и легла въ ней, покойная, легкая и ясно-свѣтлая заразъ. Она засіяла въ ней и освѣтила ее всю кругомъ своимъ сіяніемъ, какъ огромная лампа, дающая заодно и тепло и свѣтъ.

Маркъ ждалъ этой радости давно и долго, мучительно и упорно, а когда она явилась къ нему, онъ даже испугался сначала того, что она будетъ не полна и не совершенна, такъ какъ время ожиданій могло вынить изъ нея всю ея остроту. Но когда онъ услыхалъ и угадалъ въ ротѣ присутствіе „того человѣка“, то понялъ сразу, что все въ немъ полно.

Побои прежнихъ лѣтъ, мука оскорбленій, приниженное „я“ человѣка, еще не вылившагося въ форму опредѣленную, но давно созрѣвшаго; наконецъ, новѣйшія впечатлѣнія: поще-чина и Лиза,—все скрылось подъ сугробомъ чистой, ясной радости, освѣжающей его своей прохладой какъ снѣгъ.

Онъ тутъ, онъ пришелъ, онъ откроетъ ему, Марку, всѣ предстоящія истины, научитъ его быть тѣмъ, что подняло его самого надъ толпою, что заставляетъ трепетать и покорно склоняться предъ нимъ остальныхъ, онъ сдѣлаетъ его такимъ-же могучимъ и сильнымъ, онъ создастъ въ немъ образъ и подобіе свое,—для этого стоило ему, Марку, ждать и терпѣть цѣлые годы.

Кумиръ, поднятый высоко на его средою, недосягаемый и свѣтлый, показался вдругъ Марку близкимъ и какъ-бы доступнымъ. Но отъ этой близости сіяніе его не померкло, а разгорѣлось ярче, какъ божество: божество явилось къ смертному и смертный ослѣпъ отъ величія славы. А „тотъ человѣкъ“ былъ божествомъ для Марка.

Когда Марка отдали въ четырехклассное городское училище—отецъ нашелъ лишнимъ отдавать его въ какое-либо учебное заведеніе для дѣтей интеллигентовъ, заранѣе предугадывая въ немъ тупость и неспособность къ ученью—и такъ, когда Марка отдали въ училище вмѣстѣ съ остальными дѣтьми фабричныхъ, онъ сразу попалъ на дурной счетъ.

Замашки испорченнаго, воровataго, забитаго ребенка давали себя чувствовать и въ школѣ.

Маркъ „проявлялъ“ себя тамъ тѣмъ-же дикаремъ, какъ и дома, и тамъ его били такъ-же, какъ били на фабричномъ дворѣ его товарищи по играмъ, какъ билъ подъ пьяную руку отецъ въ помѣщеніи конторскаго домика.

Но тамъ его били по крайней мѣрѣ за дѣло. И это понималъ Маркъ и не питалъ къ школѣ никакого озлобленія, ни гнѣва.

Онъ лѣнился—его наказывали, онъ спалъ за уроками—его наказывали снова, онъ убѣгалъ въ классное время или не приходилъ вовсе—его драли опять, и это не поднимало въ немъ обиды и протеста, какъ нѣчто вполнѣ заслуженное.

Учился онъ вяло и съ трудомъ одолѣлъ грамоту. Дальше этого онъ не пошелъ и его прогнали изъ школы. Послѣ его исключенія отецъ уже не заботился о немъ и его развитіи и Маркъ былъ предоставленъ самому себѣ, какъ дикая птица. Онъ работалъ на фабрикѣ когда хотѣлъ и какъ хотѣлъ, присасываясь къ той или другой машинѣ, къ тому или другому отдѣленію, не получая ничего за свой трудъ, не состоялъ даже въ спискѣ рабочихъ, какъ сынъ конторщика и какъ „свой“ „служащій“ былъ терпимъ надсмотрщиками и поденщиками въ рабочихъ камерахъ.

Онъ толкался среди нихъ то бездѣльничая, то вдругъ, съ внезапнымъ озвѣреніемъ энергіи накидываясь на работу и перегоняя быстротою работъ всѣхъ завзятыхъ работниковъ.

Въ первый-же годъ по исключеніи изъ школы онъ сошелся съ Чернякомъ, фабричнымъ малымъ, испорченнымъ до мозга костей, успѣвшимъ побывать и въ исправительной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ за какую-то кражу со взломомъ. Когда Черняка прогнали за нерадѣніе и пьянство съ фабрики и онъ попалъ въ „золотую роту“ какъ безпаспортный и „колонистъ“, Маркъ не прервалъ съ нимъ своей дружбы. Онъ сталъ навѣщать его въ „ротѣ“, знакомясь съ его товарищами и невольно вынося изъ ихъ среды тотъ „запахъ ея“, который присущъ каждому слою общества.

А эти отщепенцы общества, призрѣваемые въ большой вонючей казармѣ „золотой роты“, имѣли свой собственный законъ, свой строй, свой бытъ, свою собственную обособленную жизнь и идеалы. Да, даже идеалы.

„Золоторотцы“ составляли особый классъ населенія ма-

ленькаго города. Въ нѣдрахъ маленькаго города крылись большія задачи. Маленькій городъ намѣревался оберегать большой городъ, на протяженіи 60 верстъ отстоящій отъ него, отъ голодной, рваной, сѣрой толпы пролетаріевъ, которую препровождали сженедѣльными этапами изъ большого города въ маленькій, въ вонючую, желтую казарму.

Маленькій городъ, давъ помѣщеніе пригнаннымъ ссыльнымъ „безпаспортнымъ“, предоставлялъ имъ полную свободу выбора какъ и чѣмъ зарабатывать свой хлѣбъ.

И администрація города, во главѣ съ дамами патронессами, испоконъ вѣковъ учредила субботній заработокъ этимъ несчастнымъ.

Еженедѣльно, по субботамъ, вся эта рваная, нищая и алчущая братія сновала по домамъ болѣе или менѣе зажиточныхъ горожанъ, получая отъ нихъ утвержденную подачку. Этими получками жили сѣрые люди, виновные развѣ только въ томъ, что, слабые духомъ, они не могли побѣдить слабости тѣла и поддались безъ борьбы и усилій страшному звѣрю, который, разъ побѣдивъ и осиливъ, неуклонно велъ ихъ къ гибели.

Они были жертвы этого звѣря, жертвы алкоголизма, котораго осилить не имѣли силъ.

Они жили впрочемъ и не однѣми подачками и субботнимъ поборомъ, они стремились заработать свой хлѣбъ какъ могли, свой хлѣбъ или свою водку вѣрнѣе, потому что она одна давала имъ забвеніе гораздо болѣе нужное, чѣмъ хлѣбъ.

Цѣлыми толпами ожидали они прибытія пароходовъ на городской пристани и рвали кладь изъ рукъ пріѣзжихъ, готовые разодраться какъ звѣри изъ-за каждаго гроша.

Шли на фабрику и предлагали свои руки и силы наподенный трудъ. Но ихъ брали неохотно, потому что болѣе близкая народонаселенію толпа „честныхъ“ тружениковъ фабричныхъ могла остаться изъ-за нихъ безъ хлѣба. И такъ уже, съ развитіемъ капитализма въ связи съ западной цивилизаціей, желѣзная сила процвѣтала здѣсь въ ущербъ ручной.

Желѣзныя руки замѣняли людскія, и число голодныхъ, ищущихъ труда, возростало съ каждымъ днемъ.

Нечего и говорить, что „честнымъ“ труженикамъ давалось предпочтеніе, а сѣрые люди изъ желтой казармы должны были довольствоваться отбросами съ того жалкаго, скуднаго пира, который задавали другимъ.

И все-таки это былъ пиръ или казался по крайней мѣрѣ пиромъ жалкимъ пролетаріямъ, въ сравненіи съ ихъ прозябаніемъ въ желтой казармѣ и на углахъ улицъ.

Многіе изъ нихъ, конечно, отвыкли отъ труда и нашли свое „забвенье“.

Но нѣкоторые еще боролись, отстаивая свои призрачныя права безправія, но среди этихъ послѣднихъ было меньшинство.

Маркъ зналъ всѣ интересы „золотой роты“, зналъ и ея жизнь мучительную и больную, какъ кошмаръ.

Въ предпраздничные и праздничные дни кишѣли они толпою у оградъ часовенъ и церкви, единственной церкви маленькаго города, и нарочно жалобными голосами, жуткими по хриплости и дикости звука, взывали о милостынѣ.

Они имѣли на это право, потому что имъ отказывали въ трудѣ.

Нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось обмануть администрацію—уйти „убѣгомъ“ въ большой городъ, который въ силу запрета казался имъ особенно желаннымъ и соблазнительнымъ, какъ райскій плодъ.

„Счастливецъ“ закладывалъ свой казенный кафтанъ у кабатчика за ведро водки, угощалъ товарищей на „отвальной“ и уходилъ по хорошо знакомому каждому золоторотцу тракту. Случалось это зимой,—бѣглецъ жестоко отмораживалъ себѣ ноги и чуть не ползкомъ добирался до желанной цѣли, но все-таки добирался, упорный, какъ маньякъ. Его тянуло туда не потому, что въ большомъ городѣ жилось вольготнѣе ихъ брату безпаспортному бродягѣ, нѣтъ. Просто большой городъ—былъ его „цѣлью“, цѣлью жизни, присущей каждому человѣку. И безправный бродяга создавалъ себѣ эту цѣль, наполняя свою жизнь ею. Безцѣльная жизнь была-бы могилой для него.

Въ каждой жизни долженъ быть идеалъ, стремленіе къ цѣли. Такъ рѣшили люди. Такъ должно быть.

Идеаломъ сѣрыхъ людей изъ желтой казармы являлся большой городъ и борьба съ администраціей въ силу воздвигнутыхъ властью къ тому преградъ; ихъ поджигало это препятствіе и распаляло ихъ жгучее стремленіе къ ихъ идеалу. Они шли на-проломъ, лѣзли, какъ лѣзутъ муравьи, устойчиво и упорно, на свои кучи, и снова ихъ водворяли въ желтую

казарму маленькаго города, чтобы снова зажить тамъ неудовлетвореннымъ желаніемъ стремленія къ ихъ цѣли.

Какъ и у каждаго человѣка, какъ у сѣрыхъ людей, такъ и у Марка была цѣль... Она появилась въ немъ съ той поры, когда Чернякъ сказалъ ему о Казанскомъ.

Случилось какъ-то однажды, что Маркъ, будучи мальчишкой, сдѣлалъ Черняку сознательную гадость.

Чернякъ, несмотря на свои 20 лѣтъ, казался вдвое слабѣе сильнаго, коренастаго четырнадцатилѣтняго Марка и Чернякъ не сумѣлъ отплатить ему обидой за обиду: онъ только вскипѣлъ, заметался какъ раненый и, взглянувъ съ ненавистью въ самые зрачки Марка, прошепталъ:

— Вотъ погоди ты, узнаетъ Казанскій!

И съ этой минуты все чаще и чаще стало слышаться это имя Марку. Чѣмъ больше входилъ онъ въ строй жизни своихъ новыхъ друзей, чѣмъ больше знакомился съ ними, тѣмъ яснѣе выплывалъ изъ тумана неясный и загадочный образъ того человѣка, о которомъ говорили всѣ не иначе какъ съ уваженіемъ среди сѣрой безправной семьи.

У золотой роты повидимому былъ еще идеалъ, помимо стремленія къ большому городу, и еще болѣе ясный и опредѣленный.

Такимъ идеаломъ являлся Казанскій.

„Казанскій придетъ. Казанскій скажетъ. Казанскій разсудитъ. Погоди, скажу Казанскому“,—слышалъ Маркъ постоянныя фразы отовсюду изъ устъ сѣрыхъ людей. О Казанскомъ всегда говорили пониженнымъ тономъ, умышленно смягченнымъ голосомъ, какъ о чемъ-то, что имѣетъ власть, силу и подчиняетъ уваженіемъ къ себѣ.

И отъ этихъ отзывовъ вѣяло чѣмъ-то хорошимъ и свѣтлымъ.

Слушая постоянные разсказы сѣрыхъ людей о Казанскомъ, Маркъ привыкъ думать о немъ, не зная его. Личность Казанскаго, невѣдомая Марку, плѣняла его тѣмъ обаяніемъ тайны, которой былъ оаруженъ этотъ загадочный человѣкъ. Его престижъ среди безправныхъ, сѣрыхъ людей, безпеляціонно признанный какъ авторитетъ Казанскаго, постоянные восторженные отзывы золотой роты о немъ, все это вмѣстѣ взятое не могло не повліять на впечатлительную душу Марка. И мало-по-малу въ душѣ его выросъ и сложился мощный и вполнѣ опредѣ-

ленный образъ гиганта-человѣка, какимъ представлялся ему Казанскій. Онъ зналъ, что идеалъ золоторотца никто иной, какъ бродяга, безпаспортный, дитя и вскормленный въ ихъ средѣ, но горячее, необузданное воображеніе юноши создавало образъ, полный своеобразной, таинственной силы,—силы, побѣждающей эту темную толпу, и сила эта рождала въ немъ, Маркѣ, чувство глубокой привязанности и нѣжности къ ея обладателю.

Не признающій ничьей силы, Маркъ, мало-по-мало, подчинился невольно обаянію таинственной прелести неизвѣстнаго ему еще человѣка.

Четыре года ждалъ его появленія Маркъ, смутно сознавая, что вліяніе Казанскаго отразится и на немъ и если не облегчитъ ему жизнь, то пояснитъ ее ему и сдѣлаетъ доступной.

Маркъ заблудился въ окружающемъ его съ дѣтства мракѣ и смутно инстинктомъ чуялъ существованіе свѣта, жаждая всѣми силами познать его.

Этотъ свѣтъ олицетворялся въ Казанскомъ, идеализированномъ по своему голодной, пьяной, сѣрой толпой, и Маркъ ждалъ его вмѣстѣ съ остальными, или еще больше остальныхъ, такъ какъ для него онъ былъ еще не извѣданъ и заманчивъ, какъ тайна.

И когда, наконецъ, Казанскій, отсидѣвъ четыре года въ столичной тюрьмѣ за какую-то провинность предъ начальствомъ, вернулся въ маленькій городъ, Маркъ понялъ, что жизнь получила сразу для него совершенно иную, новую и разомъ опредѣлившуюся окраску.

VII.

Весь слѣдующій день Маркъ избѣгалъ свиданія съ отцомъ, и все-таки имъ пришлось встрѣтиться. Въ ту минуту, когда юноша уходилъ изъ дома, исполненный проектовъ и мыслей о предстоящей встрѣчѣ съ Казанскимъ, конторщикъ Ларанскій входилъ на крыльцо, и отецъ съ сыномъ почти столкнулись на порогѣ дома.

Маркъ угрюмо посторонился, давая отцу дорогу, но Артемій Ларанскій пошелъ прямо на него, положилъ на плечо сына

свою тяжелую, красную руку и произнесъ хриповатымъ баскомъ:

— Повремени немного! Намъ надо съ тобой сговориться. Пойдемъ.

И прошелъ впереди него въ маленькую непривѣтливую столовую, гдѣ было темно среди дня изъ-за густо разросшихся кустовъ бузины у оконъ и гдѣ слѣпой щеголъ, добытый года два тому назадъ изъ лѣсу Маркомъ, распѣвалъ на подоконникѣ въ клѣткѣ. Артемій Ларанскій прямо подошелъ къ окну и впился безучастными глазами куда-то поверхъ кустовъ и сада, безсознательно постукивая пальцами по клѣткѣ слѣпого щегла. Маркъ остановился у порога и ждалъ.

Отецъ и сынъ были до смѣшного похожи другъ на друга. Только сынъ былъ ниже ростомъ и казался коренастѣе и сильнѣе. И потомъ у Марка черные глаза его горѣли пламенемъ, въ то время какъ у старшаго Ларанскаго они были темны, безъ блеска и казались тусклыми и сонными. За то у обоихъ былъ одинаковый контуръ головы, крѣпко посаженной на сильныя, чуть приподнятыя плечи, тѣ-же толстыя какъ у негра, вывороченныя губы и выпуклый лобъ съ сильно развитыми надбровными костями... И лица обоихъ выражали одну и ту-же упорную стойкость и желѣзную волю. Отецъ былъ лѣтъ на 30 старше сына.

Ларанскій старшій побарабанилъ еще нѣсколько секундъ пальцами по желѣзнымъ прутьямъ клѣтки и разомъ, неожиданно отвернувшись отъ окна, быстрыми шагами подошелъ къ Марку. Его встрѣтилъ взглядъ враждебный и горящій исподлобья... Маркъ былъ на-сторожѣ.

Конторщикъ молча усмѣхнулся; презрительная гримаса сморщила его губы.

— Чего ты боишься?—бросилъ онъ въ сторону сына и еще презрительнѣе оттопырилъ нижнюю губу.

Маркъ встрепенулся.

— Врешь!—съ видимымъ усиліемъ произнесъ онъ,—врешь! Ты знаешь, что я не боюсь ни тебя, ни другого. Я никого не боюсь въ цѣломъ мірѣ. И это ты знаешь тоже.

— Молчи! — закричалъ Ларанскій-отецъ, и кулаки его конвульсивно сжались,—молчи... Вѣрно не боишься, потому что развратничаешь и сбиваешь своими гнусностями съ пути другихъ.

— Врешь!—съ угрюмымъ усиліемъ проронилъ Маркъ,—и самъ знаешь, что врешь! Знаешь, что не такой я, и что меня оболгали...

Упорный горящій взоръ юноши точно присосался къ темному, не мигающему, тусклому взору отца. Съ минуту они стояли другъ передъ другомъ, оба сильные, какъ звѣри, и какъ звѣри ожидающіе борьбы, могущей рѣшить главенство одного изъ нихъ. Лица обоихъ поблѣднѣли разомъ и стали отъ этого значительнѣе и лучше въ захватившемъ ихъ аффектѣ.

Такъ длилось съ минуту, а можетъ быть и больше, и это казалась мучительнымъ для обоихъ.

Потомъ кулаки Артемія Ларанскаго какъ-то разомъ разжались и онъ отвелъ тяжелый взглядъ отъ лица сына. И Маркъ тотчасъ-же понялъ, что побѣда осталась за нимъ разъ навсегда.

— Желалъ-бы я знать,—проворчалъ себѣ подъ-носъ Ларанскій,—что могло побудить чистаго, нравственнаго юношу бѣжать къ купающимся бабамъ... Изъ любопытства скажешь? Знаемъ мы это любопытство, какъ оно прозывается,—и онъ прибавилъ циничную фразу, заставившую Марка вздрогнуть и насторожиться. И помолчавъ съ минуту, какъ-бы борясь съ охватившимъ его волненіемъ прибавилъ:—До 18-ти лѣтъ дожить дармоѣдомъ, на шеѣ у отца виснуть—да, тутъ еще не такая мерзость попретъ въ голову. Всякая гадость отъ бездѣлья выходитъ. Слушай ты,—сильнымъ энергичнымъ возгласомъ, весь какъ-то встряхнувшись бросилъ онъ сыну,—слушай! Я говорилъ о тебѣ съ управляющимъ и онъ обѣщалъ принять тебя въ штатъ постоянныхъ служащихъ. Можетъ-быть при машинѣ будешь, можетъ въ сушильнѣ или рѣзчикомъ. Все равно, еще не рѣшили. Гдѣ выйдетъ—тамъ и прикомандируютъ. Поилъ и кормилъ я тебя даромъ, потому что ты мнѣ сынъ все-же, хотя и отъявленный бездѣльникъ, потому что я нѣкоторымъ образомъ являюсь отвѣтственъ за тебя передъ закономъ, судомъ и обществомъ, но потакать тебѣ въ твоей разлагающей лѣни, которая ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ и нравственному растлѣнію, не намѣренъ, какъ и не намѣренъ подставлять тебѣ мой карманъ для произвола всякихъ фабричныхъ красавицъ. Вонъ сынъ управляющаго трясетъ отцовскую мошну въ свое удовольствіе, обзавелся любовницами, но за то это сынъ управляющаго,—его замѣсти-

тель и общая надежда фабрики. А изъ тебя не выйдетъ ничего путнаго да и не можетъ выйти. Не прыгнуть-же выше своей головы. Шею сломаешь. Довольствуйся малымъ, если не сумѣлъ завоевать себѣ большаго. А денегъ я тебѣ давать не буду. Такъ ты и знай... Работай и зарабатывай самъ. Есть извѣстный предѣлъ заботамъ родителей. Благодари еще, что не гоню изъ дому и кормлю, ни на что не глядя. И нравственности твоей я блюсти не буду... Дѣлай, что знаешь и какъ знаешь... Ты сталъ порядочной дубиной и если твой организмъ ищетъ женскаго общенія, сопрягай это съ собственными средствами. Да и вообще примѣняй все къ своимъ средствамъ и помни, что я за тебя не отвѣтчикъ.

Ларанскій кончилъ и тяжело перевелъ духъ. И Маркъ дышалъ такъ-же тяжело и порывисто, какъ его отецъ.

Съ первыхъ словъ отца въ немъ закипѣло негодованіе. Отецъ былъ не правъ и упрекалъ его несправедливо. Забитый, несчастный, озлобленный и озвѣрѣлый, онъ все-таки чудомъ сохранилъ въ себѣ ту чистоту сердца и тѣла, которая къ пятнадцати годамъ покидаетъ мальчиковъ его среды. Вслѣдствіе-ли этой самой одичалости или чего другого, но онъ и сохранился нравственно, несмотря ни на что. А можетъ-быть окружающій порокъ, безобразно и беззастѣнчиво обнаженный, не могъ содержать въ себѣ соблазнительной прелести новизны и тайны, могшей прельстить Марка. По крайней мѣрѣ организмъ его не чувствовалъ потребности тѣхъ ощущеній, которыя такъ естественны были въ его годы у прочихъ дѣтей. Женщина не была женщиной въ тѣсномъ смыслѣ слова въ его глазахъ. Она просто представлялась ему той живой машиной, то корпѣвшей на повседневномъ заработкѣ, то ругающейся и отталкивающей, безобразной на пьяныхъ гуляньяхъ въ праздничные дни. Даже тѣ чистенькія въ туго накрахмаленныхъ юбкахъ „порядочныя“ работницы съ пышными прическами и завитыми чубами, разгуливающія въ праздникъ по городскому бульвару, даже тѣ подчасъ свѣженькія и смазливыя не зажигали въ немъ желаній своимъ умытымъ, чистоплотнымъ видомъ. Онъ привыкъ видѣть обнаженный порокъ, привыкъ къ грубому и простому отношенію животныхъ-людей, которыхъ встрѣчалъ такъ часто въ средѣ товарищей и прелесть поэзіи была ему не понятна. Сейчасъ отецъ заронилъ

въ его сердце что-то, что не вполнѣ понялъ Маркъ. Не то сомнѣніе, не то мечту о доступномъ. Притомъ онъ намекалъ ему о правѣ нравственно трудящагося человѣка, о которомъ до сихъ поръ никогда не думалъ Маркъ.

Случись этотъ разговоръ два, три дня тому назадъ, Маркъ пропустилъ-бы его мимо ушей, но теперь, когда мысль его нѣтъ, нѣтъ, а возвращалась къ Лизѣ, юноша почувствовалъ, что отецъ сдѣлалъ прекрасно, позаботясь о его положеніи.

Завтра онъ начнетъ свою дѣятельность, завтра встанетъ у машины и какъ настоящій рабочій-фабричный будетъ работать собственными руками и потомъ заработывать свой хлѣбъ. И это дастъ ему среди рабочихъ престижъ и право человѣка, подниметъ его нравственный ростъ. Онъ перестанетъ казаться въ глазахъ окружающихъ тѣмъ мальчишкой Маркомъ, котораго они въ немъ видѣли до этихъ поръ. И потомъ, съ пріобрѣтеніемъ права работающаго и зарабатывающаго человѣка, онъ какъ-бы увидѣлъ открывшіеся передъ нимъ новые горизонты... Та же Лиза—казалась доступнѣе для него, Марка. Онъ проникъ инстинктивно въ смыслъ словъ отца и примѣнилъ ихъ къ себѣ. Деньги сила. Бѣдность — полное безсиліе. Если Лиза выходитъ за хромого калѣку-машиниста—значитъ, есть нѣчто большее, нежели красота. И этого большаго добьется и долженъ добиться онъ, Маркъ, благо онъ выносливъ и силенъ, такъ силенъ, что хромой Михайло не годится ему въ подметки. И Лиза увидитъ и пойметъ это. И Лиза откажетъ хромому и будетъ женой его, Марка.

Такъ думалъ онъ и не чувствовалъ уже прежней ненависти и обиды по отношенію къ отцу, которыя жили раньше въ его сознаніи.

Онъ даже ощущалъ въ себѣ нѣкоторую благодарность, хотя въ душѣ его еще чувствовался остатокъ протеста, протеста несправедливо заподозрѣннаго и оклеветаннаго человѣка.

Отецъ думалъ о немъ хуже, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и это волновало его.

Старшій Ларанскій какъ-бы понялъ чувства сына. Покорность Марка невольно смягчала его и помимо воли располагала въ пользу юноши. Ему все-таки по-своему былъ близокъ этотъ кудлатый взрослый мальчуганъ, дикій въ своей замкнутости, сильный и прямой.

Его несложныя отношенія къ нему до сихъ поръ сводились къ одному: къ возмездію за малѣйшій проступокъ этого дикаря. Такъ понималъ онъ воспитаніе. И порой въ силу принципа, порой въ состояніи аффекта или вліянія вина онъ билъ его по праву отца, билъ нещадно. Но говорить съ нимъ не говорилъ, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ заговорилъ сегодня впервые. Ожидающій протеста со стороны сына и не получившій его, Ларанскій вдругъ понялъ, что съ Маркомъ можно говорить и не одной плеткой и кулаками.

Что-то смутное, почти заглохшее за давностью времени встрепенулось въ сердцѣ Артемія Ларанскаго.

Въ тусклыхъ глазахъ его сверкнуло нѣчто, похожее на чувство участія.

Онъ потрепалъ его по плечу и произнесъ съ легкимъ намекомъ на улыбку, вызванную на его все попрежнему презрительно выпяченныя, губы:

— Ты, парень, вчера за дѣло получилъ и сатанѣть тебѣ незачѣмъ. Пришло твое время, дѣйствуй тихо, безшумно и скрытно, чтобы никому вреда не было, понялъ? И другихъ не смущай, слышь?

Маркъ вспыхнулъ и тотчасъ же подавилъ разомъ поднявшееся въ немъ волненіе.

Онъ зналъ, что не ему, извѣрившемуся въ правду, возстановить истину, запутанную клеветой. Онъ рѣшилъ оставить въ заблужденіи отца и разомъ почувствовалъ, что все проще и легче переживается на свѣтѣ, нежели онъ думалъ. И отецъ не имѣлъ уже въ его глазахъ того вида злодѣя-деспота, какимъ онъ представлялся ему постоянно. Отецъ просто былъ человѣкъ слабый и простой, подчиненный вполнѣ своей пагубной страсти. Марку даже показалось на одну минуту, что отецъ, захоти онъ только, могъ бы быть ему прекраснымъ товарищемъ. Ему, замкнутому и обособленному отъ всего міра, неудержимо захотѣлось имѣть такого товарища грубаго, но безкорыстнаго, совершенно противоположнаго по натурѣ продажному Глѣбу. Захотѣлось поговорить съ нимъ, открыть свою душу о Лизѣ и Казанскомъ, которые занимали теперь всѣ мысли и сердце Марка.

Но отецъ его не обладалъ чуткостью. Черезъ минуту онъ снова забылъ о сынѣ и, какъ улитка въ скорлупу, ушелъ въ себя. Опять между бровей конторщика Ларанскаго залегла

угрюмая, тяжелая складка и душа Марка, при видѣ этого знакомаго уже ему въ минуты злобы и ненависти выраженія лица отца, тоже замкнулась и ушла во внутрь себя.

Маркъ неловко потоптался у порога, потомъ угрюмо кивнулъ отцу головой и, нахлобучивъ картузъ на самые глаза, вышелъ изъ дома.

VIII.

Между восемью и десятью часами вечера у „Оленя“, въ самомъ дешевомъ и злокачественномъ трактирѣ маленькаго города, собираются его завсегдатаи.

Золоторотцы, покончившіе съ дневнымъ промысломъ, имѣютъ обыкновеніе по пути въ роту оставить у „Оленя“ всю дневную выручку. Тамъ ждетъ ихъ неизмѣнная косушка, а иной разъ и сороковка въ зависимости отъ финансоваго положенія сѣрой братіи, съ тарелочкой грошевыхъ грибовъ, плавающихъ съ кусочками лука въ постномъ маслѣ или рыночная селедка, болѣе требовательная закуска.

Маркъ вошелъ не одинъ къ „Оленю“, его сопровождалъ Чернякъ, захваченный на перепутьѣ по дорогѣ.

Первое, что бросилось въ глаза пріятелямъ, когда они переступили порогъ завѣтнаго трактира, было сѣрое клубящееся облако дыма, среди котораго туманно вырисовывались контуры всклокоченныхъ головъ успѣвшихъ „загулять“ завсегдатаевъ. Запахъ махорки, кислой капусты, пота и спирта, сильно ударялъ по носу, кружа голову въ первую минуту. Маркъ съ трудомъ добрался до стойки кабатчика и потребовалъ пару пива и сороковку водки для Черняка, бросивъ на прилавокъ монету, данную ему какъ-то отцомъ въ хорошую минуту.

Самъ Маркъ не пилъ, испытывая инстинктивное отвращеніе къ вину и пиву.

Некрашеный столъ, покрытый дырявой камчатной салфеткой, залитой пивомъ и насквозь пропитанной жирными пятнами, оказался единственнымъ не занятымъ въ комнатѣ. Оба пріятеля присѣли къ нему.

Въ первую минуту было трудно разобрать что-либо въ клубахъ дыма, застлавшихъ все помѣщеніе трактира. Но мало-по-малу глазъ привыкъ къ нему и можно было разглядѣть ближайшіе предметы.

Въ первой комнатѣ „Оленя“ за круглыми и четырехугольными столиками сидѣло нѣсколько человѣкъ извозчиковъ за мирной порціей чая; подальше, у окна два жандармскіе унтеръ-офицера изъ крѣпостного гарнизона угощали на перебой весьма подозрительную дѣвицу съ густо насурмленными щеками и взбитой чолкой на лбу. А еще дальше, за большимъ столомъ сидѣла кучка золоторотцевъ, среди которыхъ находились хорошо знакомые Марку „извозчикъ“, братья-близнецы и рыжій Михайло Ивановичъ. Кромѣ нихъ было еще четверо, которыхъ онъ не зналъ и не видѣлъ никогда. И къ одному изъ нихъ разомъ неотступно приковались черные глаза Марка жаднымъ испытующимъ взглядомъ. Сердце его сразу почуяло, что это былъ „онъ“. И даже если-бы ихъ было не четверо, а тысяча незнакомыхъ ему людей, Маркъ безъ малѣйшаго колебанія угадалъ-бы „его“ среди этой тысячи.

Не зная Казанскаго, онъ узналъ его силой инстинкта или чего-то большаго, что не имѣло еще опредѣленности въ его несложной душѣ дикаря.

Небольшого роста, худощавый и подвижной съ небольшими обвѣтренными руками, невысокій, слабый на видъ человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ ссыльныхъ золоторотцевъ привлекалъ неотступно къ себѣ все его вниманіе. У этого человѣка было замѣчательное лицо, прекрасное безъ красоты, могучее безъ власти. Тонкія очертанія орлинаго носа, нервныя, блѣдныя губы, землянистый оттѣнокъ кожи, подстриженная подъ гребенку голова, какая бываетъ у арестантовъ и свѣтлые глаза, глаза, изъ которыхъ глядѣла вѣчность.

Сѣрые, продолговатые, острые какъ сталь, блестящіе, они то загорались мгновеннымъ огнемъ и гасли въ одну минуту. Но и безъ огня въ нихъ оставался отблескъ пламени, цѣлаго моря пламени, которое стихійно бушевало въ душѣ этого человѣка. Оно глядѣло, колеблясь и разгораясь, изъ глазъ его, какъ изъ оконъ, и все-таки, несмотря на этотъ свѣтъ и пламя, въ этихъ свѣтлыхъ глазахъ было темно, какъ въ могилѣ.

Мечтая столько времени о Казанскомъ, Маркъ мысленно рисовалъ его образъ, рисовалъ богатырское тѣло, неимовѣрную силищу атлета и грозный взглядъ. Онъ слишкомъ цѣнилъ торжество физической силы чтобы не понимать ея главенствующаго значенія.

Только сила могла быть всепобѣждающимъ аргументомъ Марка и онъ бы не удивлялся тому, что обладатель атлетическаго тѣла, Казанскій, могъ держать въ своихъ рукахъ бурную, неустойчивую, разношерстную толпу полулюдей „роты“. Но когда онъ увидѣлъ человѣка съ вѣчными всеобъемлющими глазами, онъ какъ-то обрадовался, что тотъ не атлетъ, не силачъ и подумалъ, что это хорошо, когда помимо физической силы есть нѣчто большее, что покоряетъ толпу.

И ему показалось вдругъ, что Казанскій таковымъ и долженъ быть, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, небольшимъ и слабымъ.

И когда онъ пришелъ къ этому внезапному заключенію, ему вдругъ стало невыносимо оставаться здѣсь, не имѣя правъ на слова и близость этого человѣка. Огонь, пробѣгавшій по его жиламъ, сжигалъ его.

Маркъ невольно вздрогнулъ, встрѣтивъ эти глаза, остановившіеся на немъ, какъ въ пустомъ пространствѣ, безцѣльно и легко и въ этомъ трепетѣ, охватившемъ его, было счастье. Онъ конвульсивно схватился за руку Черняка и шопотомъ проронилъ завѣтное имя:

— Казанскій?

Чернякъ, съ наслажденіемъ тянувшій водку изъ грязнаго, тусклаго стакана, безсмысленно остановился взглядомъ на молодомъ, восторженномъ лицѣ Марка и не сразу отвѣтилъ:

— Онъ и есть. А что?

Но Марку не надо было отвѣта. Его вопросъ вылился зря, помимо воли. Онъ зналъ, что эти сѣрые, „вѣчные“ и безъ взгляда всевидящіе и всепокоряющіе глаза, эти блѣдныя, землянистыя щеки исхудалаго сѣраго лица, это слабое, хрупкое, но сильное своимъ безсиліемъ тѣло могло принадлежать лишь Казанскому, одному Казанскому и только.

И Маркъ, никогда не пившій ничего кромѣ воды, крикнулъ въ сторону стойки неожиданно громко и рѣзко, такъ рѣзко, что его захмѣлѣвшій сосѣдъ Чернякъ вздрогнулъ отъ неожиданности:

— Водки!

Половой въ пестромъ передникѣ предупредительно въ одну секунду поставилъ передъ нимъ новую бутылку и тарелочку

съ желтой икрой, лучшую закуску, имѣвшуюся въ „Олонѣ“. Сына конторщика Ларанскаго знали въ городѣ и, несмотря на его видимое опрощеніе, признавали въ немъ интеллигента.

Маркъ духомъ осушилъ полный стаканъ колючей и крѣпкой влаги. Вино разомъ бросилось ему въ голову и закружило ее. Дрожащей рукою онъ налилъ второй стаканчикъ и опрокинулъ его себѣ въ горло подъ тихое одобрительное хихиканіе Черняка. Потомъ всталъ, слегка пошатываясь на нетвердыхъ ногахъ, и медленно шагнулъ въ сторону стола, за которымъ сидѣлъ тонкій человѣкъ и откуда сіяли сѣрые, ясные и загадочные глаза навстрѣчу ему, Марку.

Шестеро золоторотцевъ съ удивленіемъ смотрѣли на приближающуюся къ нимъ нетвердымъ шагомъ фигуру Марка и о чемъ-то тихо переговаривались между собой.

Жандармскіе унтеръ-офицеры тоже выпучили глаза на смуглаго, коренастаго юношу, котораго они не разъ встрѣчали на бульварѣ и на рынкѣ по торговымъ днямъ.

А Маркъ съ внезапнымъ, радостно вспыхнувшимъ смятеніемъ въ сердцѣ и съ какимъ-то хаосомъ въ закружившейся головѣ приближался къ столику, смутно сознавая, что онъ будетъ дѣлать и говорить съ тѣмъ свѣтлоглазымъ.

Онъ былъ уже въ двухъ шагахъ отъ стола, когда до ушей его долетѣла фраза, сказанная кѣмъ-то изъ золоторотцевъ:

— Марку Артемьевичу! Изъ-за островскихъ шлюзовъ, изъ фабричныхъ камеръ! Намъ ваше нижайшее съ хвостикомъ...

Говорилъ хорошо знакомый ему голосъ, но кому принадлежалъ онъ—Маркъ не могъ разобрать; вино шумѣло въ головѣ и наполняло все существо юноши какимъ-то хаотическимъ и смутнымъ настроеніемъ, близкимъ къ безсознанію. Но когда говорившій вдругъ оборвалъ свою фразу и свѣтлые глаза „того человѣка“ приковались къ Марку, весь хмѣль выскочилъ изъ головы Ларанскаго подъ этимъ острымъ, протрезвляющимъ взглядомъ.

— Вотъ, вотъ оно! Начинается!—вихремъ пронеслось въ мысляхъ Марка и, весь трепещущій, онъ подался впередъ. И въ этотъ мигъ ему показалось, что вся его жизнь клонилась къ этой встрѣчѣ—конечной цѣли ея; и когда онъ наконецъ дождался этой цѣли, увидя Казанскаго, онъ приблизился къ предѣлу, за которымъ чудилось безконечное, потому что сѣрые

глаза открывали ему „безконечное", въ которомъ и жизнь, и смерть—все сводилось къ одной функціи грандіознаго мірового атома. Но сѣрые глаза склонны были скорѣе давать жизнь, нежели смерть—и глаза, и голосъ, сильный, но чуть вибрирующій на высокихъ нотахъ.

Этотъ голосъ сказалъ:

— Радъ познакомиться. Не побрезгайте компаніей.

Сказанное, безъ сомнѣнія, относилось къ Марку и Маркъ задрожалъ отъ счастья при первыхъ-же звукахъ этого голоса. Оно было до того огромно и пестро по оттѣнкамъ разнородныхъ ощущеній, это счастье, что онъ едва не задохся въ своемъ потрясающемъ порывѣ.

Какъ во снѣ увидѣлъ Маркъ, что кто-то пододвинулъ ему стулъ, и онъ безсознательно, машинально опустился на него тяжело и неуклюже.

Теперь глаза его уже не отрываясь были прикованы къ свѣтлымъ глазамъ Казанскаго. Чтобы оторваться отъ нихъ, надо было погрузиться во мглу, а во мглу Маркъ не хотѣлъ погружаться съ той минуты, какъ свѣтъ осѣнилъ такъ ярко и полно его, такъ долго блуждающаго во мракѣ.

Странное дѣло, ему показалось, точно онъ умеръ, и что этотъ столъ и полупьяная компанія и испитыя, порочныя, безформенныя лица и есть тотъ предсмертный сонъ, продолжающійся между агоніей и смертнымъ мгновеніемъ, ведущимъ въ безпредѣльность небытія. Ему даже сознательно мелькнула мысль о немъ на одно мгновенье, такъ несбыточно было его счастье на-яву. Но что-бы ни было, жизнь или смерть, онъ хотѣлъ выпить ее безъ остатка и наполниться ею сполна.

Золоторотцы пили и онъ, Казанскій, пилъ вмѣстѣ съ ними. Онъ механическимъ, безучастнымъ движеніемъ наливалъ стаканъ водкой и опрокидывалъ его въ ротъ просто, не морщась, какъ въ пустоту. И лицо его оставалось такъ-же трезво и спокойно, землянистое, блѣдное и худое, какъ у больного.

И въ то время, какъ другіе замѣтно хмѣлѣли, Казанскій оставался такимъ-же спокойнымъ и трезвымъ, какимъ пришелъ сюда, и въ то же время слушалъ внимательно, что говорилось кругомъ него, и глаза его, казалось, странно впивали въ себя впечатлѣніе слышаннаго, въ нихъ отражались попеременно то гнѣвъ, то презрѣніе, то радость.

И когда радость отражалась въ нихъ, побѣждая осталь-

ныя впечатлѣнія, все лицо страшно молодѣло и хорошѣло въ одинъ мигъ.

Что-то дѣтское, наивное загоралось въ глубинѣ темнѣющихъ зрачковъ, и они дѣлались большими и добрыми, какъ у тихой и вѣрной собаки.

Говорилъ одинъ изъ близнецовъ, тотъ, который казался старше и назывался Первымъ. Онъ замѣтно охмѣлѣлъ и это придавало нѣкоторую безпорядочную непослѣдовательность его несвязной рѣчи.

— Мы тебя ждали...—говорилъ „Первый“ заплетающимся языкомъ.—Вѣрно, ждали! Съ твоимъ уходомъ все пошло на изнанку... Народъ испугашился, народъ сталъ лихой. Въ ротѣ опять недочеты... Исправникъ вмѣшивался... Кражи пошли... При тебѣ не бывало. Вѣрно... Двоихъ взяли... въ городскую засадили. При тебѣ не было такого... Вѣрно говорю... И на пристани опять очереди не держутъ... Которые кладчики буксирные съ подрядчиками въ согласіе вошли... Взятку даютъ... Тѣ и рады... А мы отвѣчаемъ. Зачѣмъ не очередь?.. Ты очередь учредилъ, за то и хорошо было... Мирно, хорошо. Опять-таки кража... У земской самоваръ украли... Не хорошо! Туманъ на всю роту. Грязное дѣло... И такъ всякаго... довольно (онъ прибавилъ нецензурное слово). Ну, и бабы тоже... Раньше тише было, а теперь ошалѣли. Самъ увидишь... Съ городскими знаются. А намъ неладно опять-таки. Бабы наши, какъ будто того... А? вѣрно я говорю, что-ли?

И Первый обвелъ тусклымъ взглядомъ собраніе за столомъ, какъ-бы ища поддержки среди собутыльниковъ.

Кое-кто издалъ неопредѣленное „гмъ“, кое-кто крякнулъ значительно и однозвучно, кое-кто прямо отвелъ глаза отъ разсказчика, какъ-бы избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ той истиной, которой налита была его несложная рѣчь. Всѣмъ было какъ-то не по себѣ. И неловко и странно отъ того-же соприкосновенія съ гнилой тлетворной болѣзнью ихъ среды. Стыдились своихъ, стыдились себя, а больше всего стыдились передъ тѣмъ, кто вернулся къ нимъ и кто имѣлъ власть. Къ тому же „рота“ была одною семьею и интересы золоторотцевъ были общими. Вина сѣрыхъ людей, не присутствующихъ здѣсь, въ „Оленѣ“, какъ-бы цѣликомъ падала на присутствующихъ.

Взглядъ свѣтлоглазаго человѣка говорилъ не о презрѣніи, но о жалости къ этимъ жалкимъ, маленькимъ людямъ, не умѣвшимъ разумно воспользоваться собою и, пересоздавъ условія ихъ среды, встать выше себя и себѣ подобныхъ.

Маркъ видѣлъ огонь, загорающійся въ этомъ взорѣ, и не понималъ его. А мысль его напряженно твердила:

„Скажи... скажи хоть слово! Чтобъ было хорошо! Я понять хочу! Понять все и тебя!“

Но Казанскій молча налилъ новый стаканъ водкой, такъже опрокинулъ его въ себя просто и машинально, какъ въ пустоту, не проронивъ ни слова.

Тогда поднялся и „Извозчикъ“. Путаясь и захлебываясь, онъ сталъ разсказывать хорошо извѣстную всѣмъ исторію кражи самовара, оживляя мимикой свое безобразно изглоданное слѣдами роковой болѣзни лицо. И на Казанскаго онъ смотрѣлъ съ подобострастіемъ покорнаго и пришибленнаго раба, когда говорилъ съ нимъ.

На половинѣ рѣчи онъ спутался, осѣлъ и задохнулся, словно пристыженный и, крѣпко выругавшись, замолкъ на полусловѣ.

Маркъ инстинктивно перевелъ глаза на Казанскаго и весь поблѣднѣлъ отъ ожиданія. Губы Казанскаго открылись, блѣдныя, вялыя, слившіяся у угловъ губы, и онъ заговорилъ тихо и спокойно, обращаясь ко всѣмъ разомъ и ни къ кому въ частности:

— Ты говорилъ сейчасъ, что съ моимъ уходомъ все перевернулось. Аль солгалъ? Все было перевернуто до того, потому что когда ребятъ пугаешь темнымъ сараемъ, ребята прячутся подъ юбку няньки по ночамъ, а ночь пройдетъ и они гогочутъ надъ былыми страхами. Стращалъ я васъ и вы свою подлую трусость проявляли, скрывая похотливость во всякой мерзости... А ушелъ я, оставилъ васъ и трусость прошла, потому что мрака вы больше не видѣли, сами ушли въ него, въ самихъ васъ онъ вселился. А только чудно мнѣ, робя: ужли не нашлось ни одной такой овцы-вожачки въ вашемъ стадѣ, которая васъ повела-бы въ отсутствіе пастуха?

— Не нашлось такой овцы, старшина,—неожиданно прервалъ его рѣчь костенѣющимъ языкомъ Михайло Ивановичъ, который былъ нынѣ больше другихъ и едва держался у стола.—Ты зналъ, что не было такой, пошто оставилъ насъ?

— Дуракъ!—рѣзко оборвалъ его Казанскій и такъ ударилъ по столу кулакомъ, что стаканы жалобно звякнули и задребезжали.—Дуракъ, не перевирай писанія! Не дорось!—И потомъ добавилъ нахмурясь, отчего лицо его стало и лучше и значительнѣе: — А что кражи начались, это уже мерзость! Гной и тлѣніе. Послѣ того куда ужь? Дураки! не понимаютъ своей пользы! Я ненавижу васъ, какъ паршивыхъ овецъ, и жалѣю, какъ ребятъ несчастныхъ! Поняли? Жалѣю!.. Вотъ въ чемъ главная-то мерзость, что не убилъ я въ себѣ проклятой къ вамъ жалости. Чтобы справедливымъ быть, надо быть безпощаднымъ. Къ чорту милосердіе! для слабыхъ оно! Поняли? Нѣтъ, не поняли, потому что пьяны, какъ дьяволы, и ни чорта не слышали меня. Но ты, — внезапно обратился онъ къ Марку,—ты-то слыхалъ, кажись? Правъ я или нѣтъ?

Маркъ вздрогнулъ отъ неожиданности. Огонь пробѣжалъ по его жиламъ и опалилъ его съ головы до ногъ. Лишь только „тотъ“ обратился къ нему, Маркъ показался самъ себѣ такимъ маленькимъ и ничтожнымъ, ничтожнѣе чѣмъ когда-либо, и вся его дикая натура одинокаго, порабощеннаго и пришибленнаго человѣка встрепенулась въ немъ. Стыдъ, свойственный всѣмъ самолюбивымъ, сжигалъ ему душу, когда онъ отвѣчалъ, заикаясь, едва сознавая то, что стремился сказать:

— Вы знаете лучше меня... Лучше всѣхъ... Вы все. Я не знаю какъ... я такъ вѣрю! И люблю... самъ не знаю. Ей Богу! Прикажите умереть, умру. Я все ждалъ... съ ними вмѣстѣ ждалъ. Все думалъ: придетъ Казанскій—все пояснитъ и будетъ все легко и просто, ну, совсѣмъ, совсѣмъ просто... А вотъ увидѣлъ, обрадовался и напился, какъ скотина. И все смѣшалось и я не могу... Знаю одно: жду васъ и отъ васъ жду многаго, всего. Поймите... Самъ не знаю, что со мной, но все такъ надо и все хорошо. Я самъ знаю, что такъ надо. Ей Богу же!

Золоторотцы, сидѣвшіе вокругъ нихъ, взглянули на Марка въ замѣшательствѣ, сквозь которое краснорѣчиво проглядывало одобреніе ихъ ему. Унтеръ-офицеры и размалеванная дѣвица за сосѣднимъ столикомъ захихикали, сами не зная чему, потому что едва-ли поняли хоть слово изъ сказаннаго. Самъ Маркъ вспыхнулъ отъ стыда и радости, безконечной радости, захлестнувшей его новымъ потокомъ съ того момента, въ который онъ выразилъ Казанскому то, что хотѣлъ.

И едва только замолкъ онъ, Маркъ, какъ худая, слабая, почти женская рука протянулась къ нему черезъ столъ и свѣтлые глаза двумя горящими точками засіяли близко, совсѣмъ близко отъ его глазъ. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ разомъ, что „міръ“ Казанскаго открылся для него, какъ дверь въ заповѣдный чертогъ, откуда онъ можетъ вынести безчисленныя сокровища для себя.

— Спасибо тебѣ,—зазвучалъ надъ ухомъ Марка знакомый ему уже и безконечно близкій его душѣ голосъ, — спасибо, милый; когда иной прорветъ душу, душа оцѣнитъ все. Молодость не вретъ, потому что молодость отважна. Да! Вретъ только трусость. Вѣрно слово! И они врутъ,—съ чудной усмѣшкой кивнулъ онъ головой на собутыльниковъ.—И сами вѣрятъ въ то, о чемъ врутъ. Ты думаешь,—продолжалъ онъ Марку,—вѣрно, рады они мнѣ? И то пожалуй рады! Потому что чуютъ—не сдобровать имъ безъ „заступки“ моей. Имъ заступка нужна. И няньчанье мое нужно, потому что они себя забыли, а я имъ напоминаю и ихъ самихъ. Да и не больно-то можно имъ при мнѣ въ навозъ забираться по шею. И то рады.

И онъ засмѣялся свѣтло и ясно какъ ребенокъ, когда его тѣшитъ что-нибудь забавное.

Потомъ, успокоясь разомъ, продолжалъ:

— И они хотятъ служить мнѣ. А почему, думаешь ты? За мое тепло къ нимъ? Человѣкъ, кромѣ своей выгоды, ничего не цѣнитъ. И всякъ хочетъ службу легкую и они хотятъ того-же. А чуть что—Казанскій тѣснитъ. Было и такъ. Для ихъ пользы тѣсню. Когда надо... Лѣзутъ они въ гору, по узкой тропкѣ и все на камни жалуются да стонутъ: высоко де, ноги устали. Дай прямого пути, скораго. А нѣтъ того, чтобы гдѣ покруче да повѣрнѣе... Эхъ! Благо вѣрятъ только... Ну и веду. Можетъ и выведу. Чѣмъ лѣшій не шутитъ... Благо вѣра есть. Вывезетъ Казанскій. И то, правда, вывозилъ... Съ исправникомъ имѣлъ не разъ. Подъ отвѣтственность бралъ. Не подводили пока что, а тутъ... Слышишь кража... А почему? Ушелъ далеко, забыли, вырвались. Далеко Казанскій, озвѣрѣли. Идолы! Осрамили! Вотъ и команда! И работа многолѣтняя и отвѣтственность. У-у, проклятые! Прорва ненасытная! Тварь!

И глаза его сверкнули, охвативъ однимъ общимъ взоромъ

сидящихъ за столомъ. Потомъ, помолчавъ секунду, онъ снова обратился къ Марку:

— Ты мнѣ истину сказалъ, не глядя что молодъ: ждешь отъ меня и они ждутъ... А дождешься, выпьешь изъ меня сколько надо и подумаешь, что все это, и остатка нѣтъ и не нужно большаго! А не такъ это. Надо брать все или ничего не брать. Не знаю я, какъ и зовутъ тебя, и вижу тебя въ первый разъ, а только въ тебѣ есть толкъ. И это хорошо. Въ немногихъ я то же видѣлъ и ради этихъ-то я и рѣшился, на сколько силъ хватитъ, напроломъ идти. Народъ нашъ сѣрый, народъ недовѣрчивый и трусливый на добро. Надо много силы и труда положить, чтобы его приподнять сначала, въ уровень поставить съ настоящимъ человѣкомъ, а ужь тамъ-то раздувать въ немъ мѣха. Безъ права они, такъ пускай въ немъ душевное право засядетъ глубже. Пусть сознаетъ въ себѣ человѣка. Эка невидаль золоторотецъ. Я колодниковъ видывалъ и тѣ не „померзли“, а эти чуть что—въ „снивку“ да смертоубійство и ни рукой и ни ногой. Безпадежны они и безсильны безъ понуды, бѣдные, сѣрые людишки. Но презирать ихъ грѣхъ, потому что въ униженіи ихъ есть прямо сказать своя гордость. Оттого мертвую тянетъ, что на живого человѣка походить не вмоготу. А что въ томъ? Упалъ—стало быть, необходимость вышла. И не того жаль, кто падаетъ и встаетъ, а того кто упалъ вовсе, пропалъ, увязъ съ головой въ гной и мерзость.

Казанскій смолкъ и въ душѣ Марка поднялась цѣлая буря.

Она захлестнула его, какъ вихрь захлестываетъ молодые побѣги, недостаточно укрѣпленные, чтобы постоять за себя. Вся его душа была преисполнена всемогущей, всепоглощающей любовью къ этому странному человѣку, таившему въ себѣ необъяснимыя чары. И что онъ сказалъ ему, этотъ человѣкъ, такого, что открыло-бы новые горизонты ему—Марку?

Ничего не сказалъ. И ожидаемаго апостола не видѣлъ еще въ немъ Маркъ, и ни пророчествъ, ни ученья не слыхалъ отъ него. Онъ только любилъ, этотъ странный свѣтлоглазый человѣкъ свою ободранную безправную братію и, негодуя и презирая ее, въ силу ярко огромной любви бичевалъ ее.

И сильно, безпощадно любилъ онъ ихъ, до боли любилъ,

чуя если не безсиліе, то минуты колебанія въ своихъ силахъ пересоздать ее.

И эта грандіозная, мощная и прекрасная любовь Казанскаго окружала его чуднымъ ореоломъ въ глазахъ Марка. Онъ уже не искалъ истинъ, онъ забылъ даже, зачѣмъ пришелъ сюда, какъ къ источнику алчущій и весь наполнился удивленіемъ передъ чувствомъ этого человѣка. И преисполненный восторгомъ онъ спросилъ:

— Если мы всѣ... и я, напримѣръ... и вотъ онъ,—Маркъ кивнулъ на „Извозчика“,—и Михайло Ивановичъ и Первый и Чернякъ и всѣ... всѣ... если когда-нибудь уйдемъ въ мерзость... упадемъ и зароемся въ ней и не захотимъ выйти, потому что намъ не вернуть того, что потеряли... А вы придете и снова сулить будете... что все хорошее не прошло... и мы послушаемся, а хорошаго нѣтъ... Зачѣмъ тогда насъ выводить?

— Что-бы попытаться достичь хорошаго... И въ этой борьбѣ уже все доброе. Такъ и есть,—отвѣчалъ Казанскій, впиваясь въ него своимъ взглядомъ.

Легкая, странная и дивная полуулыбка скривила при этомъ его блѣдныя губы. Ему хотѣлось обнять этого юношу и увлечь его за собою. Онъ почуялъ въ немъ близкое себѣ, нѣчто еще неопредѣленное, но трепещущее силой и мощью. Казанскій былъ до фанатизма преданъ своей идеѣ и такая побѣда не могла не польстить его тщеславію. Онъ сказалъ о борьбѣ недаромъ, чуя въ этомъ полуюношѣ, полувзрослом готоваго борца и сообщника его идеѣ. Такіе люди были нужны Казанскому, и такого человѣка онъ угадалъ въ Маркѣ, несмотря на то, что впервые встрѣтилъ его.

И при словѣ борьба Маркъ насторожился. Лучшаго указанія онъ и не могъ ожидать. Всѣ силы его души тянулись на встрѣчу этой борьбѣ, во имя борьбы, къ которой онъ привыкъ и которая всосалась въ него съ дѣтства.

А тутъ еще голосъ Казанскаго зазвучалъ новой убѣдительной силой:

— Если ты человѣкъ—то и не заканчивайся этимъ, не то скоро животныя догонятъ тебя и осилятъ, потому что у нихъ нѣтъ тѣхъ слабостей, которыя у человѣка. Бѣлый свѣтъ умнѣетъ и совершенствуется, а мы тянемся вспять. Не такъ-бы это... Въ животныя шагаемъ... По прямой дорожкѣ. Недомысліе... А обидно... Я думаю такъ, что человѣкъ самъ

себя использовать долженъ, сколько въ немъ всего и на что онъ способенъ. Вотъ тебѣ и загадка первая. Этой загадкой и наполнить себя надо... И чѣмъ паршивѣе, мозглявѣе человѣчишка, тѣмъ борьба въ немъ круче должна быть, штобъ добиться равновѣса со всѣмъ прочимъ. Изъ гордости опять таки... Гордость должна быть въ стократъ сильнѣе у паршивца какого-нибудь, нежели у лучшаго, потому что она у него „болитъ“. А что болитъ, то чувствительнѣе... Такъ ужь всегда.

— Вѣрно! Ей Богу вѣрно! Милъ, душа человѣкъ, обымемся! Братъ мой великій, обымемся по милосердію твоему!— неожиданно заревѣлъ на весь трактиръ окончательно опьянѣвъ Михайло Ивановичъ и потянулся съ простертыми объятіями къ Казанскому.

Тотъ сильно толкнулъ его своей тонкой, какъ у женщины, рукою и рыжій золоторотецъ съ блаженно улыбающимся лицомъ полетѣлъ на полъ.

Сидѣвшіе за сосѣднимъ столомъ жандармскіе кавалеры и ихъ дѣвица загоготали въ голосъ, и Марку показалось, что кѣмъ-то свершилось не нужное и мучительное святотатство. Сморщась словно отъ боли, онъ посмотрѣлъ на Казанскаго, и въ лицѣ его прочелъ не то презрительную жалость, не то горечь обиды, затаенную гдѣ-то глубоко въ потемнѣвшемъ взорѣ этого страннаго человѣка.

IX.

Маркъ находился въ камерѣ, гдѣ помѣщалась „мансарда“ для просушки ситца, выпущеннаго съ ситцепечатной машины. Одуряющая температура, доходящая до 70° градусовъ Ц., вся напитанная паромъ, наполняла камеру. Усовершенствованныя сушилки нагрѣвались калориферами; но въ виду преслѣдованія экономическихъ цѣлей сушильня, находящаяся во второмъ этажѣ ситцевой мануфактуры, прибѣгала къ нагрѣванію помощью горячаго воздуха и оттого для присутствующихъ въ ней рабочихъ сгущенная атмосфера была тяжелѣе и удушливѣе.

Маркъ чуть не задохся первые дни, стоя у сушилки со вперенным немигающимъ взглядомъ въ круговые ролики, по

которымъ методично двигалась высушиваемая безконечная полоса ткани и принималъ ее.

Старшина рабочихъ предоставилъ ему на выборъ идти въ сушильню или быть при стригательной машинѣ, имѣющей назначеніе освобождать ткани отъ волосиковъ, придающихъ ей непріятный сѣдоватый видъ. Но пусть работа у спиральнаго ножа стригальной машины была легче, однако Маркъ отказался отъ легкой работы и поступилъ въ сушильню, гдѣ по мнѣнію фабричныхъ было немногимъ лучше, чѣмъ въ аду.

И не простой капризъ руководилъ этимъ выборомъ Марка. Прямо противъ него помѣщался желѣзный барабанъ, нагрѣваемый при помощи расположенныхъ внутри его паровыхъ трубъ. Это была метрольеза, служащая для поддержанія высокой температуры воздуха, впускаемаго въ мансарду. При метрольезѣ находился машинистъ. Маркъ зналъ этого человѣка и прежде по наслышкѣ, видѣлъ его въ лицо не разъ на фабрикѣ и въ городѣ, но никогда не обращалъ на него вниманія до сихъ поръ. Теперь же онъ думалъ о немъ съ жаднымъ упорствомъ голоднаго, думающаго о хлѣбѣ; онъ настойчиво искалъ его взгляда, точно этотъ сосредоточенный, потный отъ спертаго, удушливаго воздуха въ сушильнѣ человѣкъ получилъ въ его глазахъ неожиданную новую оцѣнку.

Этотъ человѣкъ былъ Михайло Хромой, женихъ Лизы.

А съ той поры какъ Маркъ „почувствовалъ“ Лизу, онъ уже не могъ оставаться безучастнымъ къ ея жениху.

Ролики методично и просто, съ истинно машинной педантичностью выполняли свою повседневную задачу, желѣзная метрольеза, зарумяненная снаружи, казалась прозрачной, какъ пасть дракона, и шипѣла угрюмо и настойчиво, достигая своей цѣли. Легкое шуршаніе еще влажной ткани, вступающей въ первую стадію высушки, было однотонно и беззвучно и постоянно, какъ постоянѣнъ міръ. Въ немъ было что-то и раздражающее и умиротворяющее заразъ и надо было хорошо привыкнуть къ нему, чтобы не отупѣть подъ этимъ вѣчнымъ монотоннымъ шелестомъ. У присутствующихъ рабочихъ лица напоминали цвѣтомъ вареную свеклу, смоченную дождемъ. Крупныя капли пота катились по нимъ. Волосы размякли и теряли свою упругость. Въ глазахъ закипала тусклая влага и изъ нихъ смотрѣла тупая сосредоточенность, ставящая человѣка на степень машинъ. Впрочемъ здѣсь было царство машины и

человѣкъ казался только исполнителемъ ея паровой кипучей силы.

Въ этомъ торжествѣ желѣзнаго прогресса слабые члены рабочей силы уступали и стушевывались. Но съ упорствомъ побѣжденнаго они вошіяли о себѣ. Человѣкъ, приводя въ движеніе пары и желѣзо, не могъ не сознавать своего превосходства одухотворенія... И призрачная власть желѣзной силы тѣшила его озлобленное самолюбіе своимъ безсиліемъ внѣ его вмѣшательства.

И чѣмъ сильнѣе достигалъ своей цѣли капитализмъ, тѣмъ ярче окрашивался онъ продуктами прогресса, чѣмъ гульче клокотали желѣзныя внутренности новыхъ изобрѣтеній, тѣмъ упорнѣе и настойчивѣе боролся человѣкъ, отстаивая ту частицу необходимаго, оставленнаго ему благодушнымъ милосердіемъ прогресса.

Но Михайло Хромой не думалъ о развитіи капитализма, ни о распространеніи пауперизма, сопряженнаго со всякими машинными изобрѣтеніями. Михайлѣ Хромому, которому шелъ уже четвертый десятокъ, нечего было безпокоиться. Въ рабочемъ „фондѣ“ у него была отложена достаточная сумма, потому что онъ трудился въ то время, когда другіе пьянствовали и развратничали, потому что онъ былъ хорошій трудящійся машинистъ, Михайло Хромой.

И на лицѣ его, довольномъ собой и жизнью, если и написана была усталость, то усталость не озлобленная, а сытая наработавшагося и заработавшаго человѣка.

И эта самая благодушная усталость раздражала и непонятно волновала Марка. Онъ смотрѣлъ на Хромого Михайлу съ упорной настойчивостью влюбленнаго и думалъ о Лизѣ.

Онъ зналъ, что въ отдѣленіи для упаковки ситцевъ работаютъ избранныя, то-есть тѣ счастливицы, которыя, заручившись протекціей администраціи фабрики или старшинъ, могутъ не гнуть спины надъ протираніемъ красокъ черезъ рѣшето, работа, послѣ которой у многихъ нѣмѣютъ позвонки и ноютъ до ломоты въ костяхъ руки. Сортировщицы и укладчицы возбуждаютъ зависть среди прочихъ своихъ товарокъ, фабричныхъ. Ихъ трудъ легокъ и простъ. И сами укладчицы по большей части молодыя, свѣжія и выглядятъ спокойнѣе и наряднѣе примятыхъ трудовымъ днемъ другихъ поденщицъ, а Маркъ знаетъ, что Лиза работаетъ между этими счастли-

вицами въ кладовой, находящейся въ нижнемъ этажѣ фабрики, въ отдѣленіи упаковки.

Тамъ работаетъ Лиза и подлѣ нея толпятся мысли Марка.

Ему казалось порой, что онъ видитъ ее сквозь толстыя каменныя стѣны камеръ, видитъ контуръ ея фигуры и лица, всегда жизнерадостнаго и веселаго, такъ ярко и полно было его воображеніе.

Онъ былъ весь наполненъ той безсмысленной поэзіей, которая только можетъ быть свойственна первой любви дикаря, всегда безсознательной и молчаливой. Не имѣя возможности видѣть Лизу и чувствовать ея присутствіе постоянно, онъ впитывалъ въ себя невольную завистливую злобу къ Михайлѣ Хромому, который могъ быть съ нею, когда ему хотѣлось, по окончаніи рабочаго дня.

Что-то сложное и мучительное проснулось въ немъ, въ его отношеніяхъ къ Хромому. Онъ ненавидѣлъ его и въ то же время не могъ обойтись безъ него. И смотрѣлъ на его некрасивое лицо и хромую ногу съ тѣмъ настойчивымъ наслажденіемъ, какъ можно только смотрѣть на возлюбленную. Смотрѣлъ, изучая его, допытывая взглядомъ, какъ и чѣмъ онъ достигъ этого своего огромнаго счастья.

Эта мысль о счастьѣ Хромого приводила его въ трепетъ, неугомонная, сверлящая, какъ гвоздь; она пронизывала въ немъ все, и ненависть къ Михайлѣ смѣшивалась въ эти минуты съ невольнымъ почтеніемъ передъ человѣкомъ, сумѣвшимъ „достичь“ Лизы, Лизы недосягаемой и прекрасной, какъ солнце.

Когда кончился „день“ и фабричный гудокъ, долгій и плоскозвучный, какъ крикъ огромной миѳической птицы, выбросилъ разношерстную, разбитую, усталую толпу за ворота фабрики, Маркъ, видя, что Михайло замедлилъ у своей метрольезы, быстро вышелъ изъ камеры съ твердымъ намѣреніемъ застать Лизу одну и поговорить съ нею.

Поровнявшись съ толпой укладчицъ, которыя держались кучкой, особнякомъ, болѣе нарядной и чистенькой, нежели всѣ остальныя работницы, Маркъ сразу отыскалъ Лизу впереди толпы.

Не отдавая себѣ отчета въ томъ что дѣлаетъ, онъ подбѣжалъ къ ней и крикнулъ грубо, желая замаскировать грубостью ложь:

— Слушай-ка!.. тебя ждутъ тамъ барышни управительскія.

— Что еще загорѣлось?—нетерпѣливо на-ходу выкрикнула она, чуть повернувъ голову на его голосъ.

— Почемъ я знаю!—продолжалъ онъ съ напускной грубостью,—иди, когда зовутъ! Мое дѣло сказать, а твое слушаться.

— А ты за сказъ деньги получилъ, что-ли?—расхохоталась ему въ лицо рыжая Мотря, подруга Лизы, самая отчаянная изъ „бѣлоручекъ", какъ назывались между фабричными укладчицы.

— Дура, — огрызнулся Маркъ,—работникъ я! не смѣй! Въ лакеяхъ не былъ. Дура! работникъ—сказано!

— А давно ты сталъ работникомъ? Шлендра!—уже расходившись, орала Мотря,—много пользы отъ тебя будетъ, дармоѣдъ паршивый! Цѣлые дни съ золоторотцами, знай, возжается. Съ Казанскимъ этимъ! Тьфу! Пропади ты пропадомъ! Глаза-бы не глядѣли. А еще баринъ. Какъ же! Изъ роты не вытащить! Съ золоторотцами путается, съ рванью всякой, съ безпаспортной гнилью. Хорошъ! Да и самъ-то—дрында нестоющая. Баранъ да ярочка—извѣстно парочка!

И довольная своей остротой, Мотря грубо расхохоталась на всю улицу. Расхохотались и остальныя укладчицы. Расхохоталась и Лиза, раскатисто, звонко, точно черезъ металлическую трубочку монетой посыпала. И этотъ смѣхъ отозвался въ сердцѣ Марка мучительно и больно. Клевета обожгла его. Клевета всегда была ему мерзка и нестерпима, потому что она не обладала открытой силой, а все безсильное инстинктивно презиралъ Маркъ. Клевета всегда лжива и лукава и охватить ее всю нельзя, и бороться съ нею нельзя, благодаря силѣ ея безсилія, ея змѣиной изворотливости. Маркъ своей несложной душой дикаря признавалъ открытую вражду и чуждался тайной, а потому онъ ненавидѣлъ клевету, ненавидѣлъ съ опаской, находя въ ней все больное, нездоровое, гнилое и безсильное. Она тысячами бактерій поднималась надъ маленькимъ городомъ изъ кучи отбросовъ, которые создаетъ злоба людей, и всасывалась въ поры этихъ людей, вливая въ нихъ свое заражающее дыханіе. И клевета, повторенная Мотрей, дикая и грязная, какъ гной, ударила Марка своимъ зловоніемъ; не будь здѣсь Лизы, Маркъ жестоко разсчитался-бы съ обидчицей. Но присутствіе Лизы удержало его.

Въ присутствіи Лизы все темное скрывалось въ немъ, какъ ночная тьма при блескѣ дневного свѣтила, и весь онъ заполнялся инстинктивнымъ стремленіемъ къ совершенствованію.

— Рябая чертовка! Потаскуха! Врунья!—послалъ онъ Мотрѣ вдогонку и, передернувъ плечами, повернулъ назадъ къ фабрикѣ.

Куча ругательствъ понеслась за нимъ, самыхъ безсмысленныхъ и дикихъ, вмѣстѣ съ визгливымъ протестомъ Мотри и другихъ укладчицъ. Но онъ не прислушивался къ нимъ и, перебирая своими сильными ногами, шелъ по дорогѣ. И когда уже подходилъ къ перекидному мосту, то услышалъ за собою быстрые и сильные, почти мужскіе шаги, раздавшіеся за его спиною. Маркъ обернулся и увидѣлъ Лизу. Она догоняла его очевидно бѣгомъ, потому что лицо ея было красно, какъ кумачъ, и волосы растрепались въ безпорядкѣ.

— Правду говоришь? звали меня? — бросила она Марку на-ходу, не удостоивая его взглядомъ.

— Почемъ я знаю!—сварливо буркнулъ онъ, въ то время какъ сердце его заныло сладкой, тоскливой болью.

— Ты же говорилъ! Вотъ болванъ!—вдругъ разсердилась она, вспыхнувъ разомъ и, сверкнувъ глазами, сильно тряхнула головой съ полусбившеюся косою. Отъ этого движенія большой роговой гребень, поддерживающій узелъ волосъ на затылкѣ, выскользнулъ у нея изъ головы и упалъ къ ногамъ Марка.

Онъ быстро нагнулся, поднялъ его и крѣпко стиснулъ въ пальцахъ. Въ гребнѣ недоставало нѣсколькихъ зубцовъ, и весь онъ отъ долгаго употребленія казался поцарапаннымъ и ветхимъ.

— Отдай! — сварливо крикнула Лиза и протянула руку за вещью. Но Марку не хотѣлось отдавать. Зажавъ крѣпко гребень въ своихъ сильныхъ пальцахъ, онъ чувствовалъ, какъ роговые зубья вонзались ему въ ладонь, производя мучительную боль уколовъ, впившихся въ мясо. И вмѣстѣ съ острыми роговыми иглами что-то непонятно сладкое и томительное вонзалось въ его тѣло, сжигая ему и ладонь, и руку, и всего его, и всю душу заодно съ нимъ.

Ему теперь казалось, что отдай онъ гребень Лизѣ, эта горячая струйка, тянувшаяся по жиламъ къ сердцу, тонкая и быстрая, какъ змѣя, изсякнетъ, и порвется та острая и

сладкая мука, отъ которой весь онъ горѣлъ какъ въ огнѣ. Какъ волкъ, защищающій добычу, онъ угрюмо взглянулъ исподлобья на Лизу и упрямо сказалъ:

— Не отдамъ. Что тебѣ? Оставь! Я тебѣ новый куплю. Лучше... Ей-Богу. И гребень и еще что хочешь куплю, скажи только правду.

— Ты то!—изумленно протянула Лиза и неожиданно расхохоталась. И опять точно кто посыпалъ монетой по металлическому желобку, такъ звученъ былъ ея громкій, нѣсколько вульгарный смѣхъ.—Да ты никакъ спятилъ? Вѣрно спятилъ! Маркунька, ты одурѣлъ, должно-быть, а?—говорила она между взрывами смѣха и вдругъ разомъ осѣклась, сорвавшись на высокой нотѣ, замолкла. Глаза Марка пристально и настойчиво впились въ нее и въ его потемнѣвшемъ, немигающемъ взорѣ зажегся такой восторгъ, первобытный и прекрасный, чуждый всякой покрышки фальши, что ея собственные глаза, разомъ блеснувшіе догадкой, помимо воли отвѣтили ему сочувственной усмѣшкой.

Лиза точно прозрѣла. Маркъ любилъ ее. Маркъ, котораго привыкли считать дикаремъ, бездѣльникомъ, отщепенцемъ общества, безчувственнымъ полузвѣремъ, получеловѣкомъ и не имѣвшимъ своего „я“, почти безличнымъ. И вдругъ...

Это открытіе и смутило и заняло ее...

Она какъ-то даже сконфузилась въ первую минуту; потомъ вдругъ смутно обрадовалась неожиданности этой новой и странной побѣды. Инстинктъ женщины, желающей зачаровывать всѣхъ и каждаго, заговорилъ въ ней сильнѣе. Глаза блеснули одобряюще, почти ласково навстрѣчу его глазамъ, и она сказала милостиво, какъ королева:

— Хорошо! оставь гребень у себя. А завтра чтобы былъ у меня новый! Слышишь? Безъ того не показывайся!

Маркъ хотѣлъ отвѣтить и не могъ, потому что задохнулся отъ прилива внезапной радости. Но когда Лиза была уже далеко, онъ разжалъ руку и увидѣлъ на ладони выступившія капли крови. И еще увидѣлъ что-то, что привело его въ новый трепетъ. Между поломанными зубьями гребня запутался золотистый волосъ, одинъ только золотистый волосъ съ головы Лизы. Точно нить тончайшей паутины, слабенькій и безсильный, тонкій, какъ бациллка, обвилъ онъ зубья гребня. Маркъ осторожно, съ благоговѣйной нѣжностью выпуталъ его

дрожащею рукою и обмоталъ имъ свой большой палецъ въ нѣсколько разъ.

Потомъ прижалъ этотъ палецъ къ губамъ и впервые за свою коротенькую жизнь почувствовалъ себя безконечно счастливымъ.

X.

— Это любовь! — сказалъ Казанскій, когда Маркъ кончилъ и, виновато опустивъ голову, ждалъ приговора своего учителя и друга. И голосъ Казанскаго зазвучалъ непривычной ему нѣжностью, и глаза его зажглись ласковымъ свѣтомъ. Странно звучало это слово въ устахъ оборваннаго, безправнаго человѣка, умѣвшаго развѣ повелѣвать другими, такими-же безправными, какъ онъ самъ. И въ этой самой дисгармоніи была красота.

Они сидѣли оба на обрывѣ кладбища, спустивъ ноги съ уступа надъ гулко звенящей торопливой рѣкой.

— Это любовь!—сказалъ еще разъ Казанскій и поднялъ голову. Зеленая хвоя сосенъ бросала на его землистое лицо свой туманно нѣжный оттѣнокъ и глаза его, точно покрывшіеся пленкой, въ тѣни стали мягче, темнѣе и какъ-то доступнѣе Марку подъ этой живой бесѣдкой нависшихъ куполомъ древесныхъ вѣтвей.

Вечеръ стылъ въ своемъ предсмертномъ застоѣ, и полетъ птицъ, сновавшихъ по кладбищу, вносилъ ненужную дисгармонію въ жизнь вечера. И звуки воздуха и рѣки были лишними въ этотъ мигъ покоя, обнявшагося съ природой. И было въ немъ царственно и хорошо и хотѣлось еще большаго, еще лучшаго въ этотъ вечеръ душѣ Марка.

Оттого-то онъ и сказалъ Казанскому про то, о чемъ молчалъ до этой минуты, и отъ его исповѣди вѣяло истиной и чистотой, и все онъ разсказалъ, все, что пережилъ—и про дѣтство, и про побои, и про встрѣчу съ Лизой. Еще за минуту до исповѣди онъ не думалъ о ней, но когда они сѣли здѣсь, въ тѣни, такъ что зеленыя сосны накрыли и затуманили ихъ глаза и лица, Маркъ почувствовалъ, что нѣчто выросло внутри его и наполнило до краевъ, ища исхода. И онъ раскрылъ всего себя безъ колебанія и стыда. Онъ меньше всего думалъ о стыдѣ, о томъ стыдѣ, который заронили въ него люди, по-

тому что Казанскій былъ далекъ отъ людей, отъ тѣхъ людей, къ которымъ питалъ ненависть и злобу Маркъ.

И когда Казанскій поднялъ голову кверху и сказалъ, что это любовь, Маркъ понялъ, что это любовь и есть, и что она прекрасна и одинаково доступна гордымъ и приниженнымъ, безпомощнымъ и сильнымъ. И золотой волосъ, окружавшій его палецъ, и вонзившійся въ ладонь своими зубцами гребень, и раздражающій смѣхъ Лизы съ его переливами металла—все это была любовь. Такъ сказалъ человѣкъ, который казался Марку выше всего существующаго. Такъ сказалъ Казанскій.

— Она прихотливая, она извилистая и нежданная, порой цѣломудренная, порой безстыжая, и ей нѣтъ конца,—такъ сказалъ Казанскій и такъ понялъ его Маркъ и ощущалъ въ себѣ радость, которую испыталъ только разъ при встрѣчѣ со своимъ новымъ другомъ и учителемъ.

Потомъ, когда Казанскій умолкъ, Маркъ рѣшился высказать то, что его смущало.

— Что дѣлать?—съ усиліемъ произнесъ Маркъ. — У нея другой... у нея Хромой... Она и гребень взяла и сказала: молчокъ чтобы, потому что у нея другой... Она невѣста Хромого... Вотъ что! А когда такъ, то что-же?—И лицо его стало безпомощнымъ, растерянным и утеряло свою обычную дикую угрюмость.

Казанскій взглянулъ на это лицо и неожиданно разсмѣялся своимъ добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ.

— Такъ что-же? Ты любишь... Довольно того. Люби. Любовь вотъ какъ подниметъ, — онъ указалъ рукой поверхъ головы Марка,—станешь лучше и больше. Большимъ будешь, сильнымъ и гордымъ. Да.

— Гдѣ гордымъ! Били меня...—уныло проронилъ Маркъ,— не подняться ужь мнѣ, когда били... какъ собаку.

— Молчи!—рѣзко прервалъ его Казанскій,—молчи о томъ, чего не знаешь. Если есть что хорошее на бѣломъ свѣтѣ, то оно внутри насъ, людей, глубоко засѣло. Въ каждомъ—понимаешь? Ахъ, ты, били-примяли—такъ и ниже лечь надо, бей, молъ, я собака! Врешь! Не такъ это... Встань, подтянись, голову въ руки возьми, потряси ее, очухайся. Гордость подними въ себѣ. Разбуди то, что въ тебѣ подъ плѣсенью спитъ. А главное не жалѣй себя: пожалѣешь, пропадешь. Душа при-

низится, какъ и тѣло. А этого допускать нельзя. Понимаешь? Душа высоко быть должна. Выше мыслей. Чтобы душа начинала, а мысль заканчивала. Такого надо достичь. И борись. Не человѣкъ ты, стремись очеловѣчиться. Да что тутъ! Любишь ты — любовь поможетъ. Вѣрь, поможетъ. Я тебя сразу узналъ. Какъ увидѣлъ, такъ и узналъ. Ты нашъ. Ты мой. Въ тебѣ и душа не затоптана и мысль чиста. А остальное наросты, чиріи. Лопнетъ чирій, гной выйдетъ—и опять ты чистъ и трезво судишь. Кабы у меня побольше такихъ-то въ ротѣ было, такъ развѣ они крали бы, сукины дѣти, а?

— И я кралъ!—мрачно сознался Маркъ,—у отца кралъ и жратву и деньги.

— Было. Знаю. А злобы въ тебѣ еще больше было. Отъ злобы и кралъ. Вѣрь. Тебѣ худо и мнѣ худо. Право. А теперь не будетъ. Зачѣмъ зарываться въ навозѣ, когда хорошо въ чистотѣ. И любить хорошо.

— Вы любили развѣ?—невольно и неожиданно вырвалось изъ устъ Марка и самъ онъ испугался всей дерзости своего вопроса.

— Любилъ?—переспросилъ Казанскій не то удивленно, не то весело и тотчасъ, весь какъ-то стряхнувшись плечами и головой, сказалъ:—нѣтъ, не любилъ, то-есть любилъ и теперь люблю. Не женщину, нѣтъ. А „ихъ“. Всѣхъ „ихъ“. Да это все равно. Вѣрь мнѣ. Не кого любишь, а какъ любишь, чтобъ душа клокотала и сознавалась самой себѣ: такъ хорошо, такъ надо, потому-то и хорошо, что надо, что польза отъ того душѣ. Ты понимаешь?

Маркъ мотнулъ головой. Слова Казанскаго укладывались въ него просто и понятно, какъ писаныя и разливались по немъ властно и легко. И едва кончилъ Казанскій, какъ новый вопросъ закипѣлъ въ душѣ Марка и вырвался наружу помимо его самого:

— Почему-же вы такой вотъ!.. хорошій, ну, вотъ что солнышко, что-ли,—съ видимымъ усиліемъ сравнилъ онъ,—и не уйдете вы оттуда, не оставите ихъ? Вѣдь тамъ зло въ ротѣ. И зло и мерзость.

Казанскій вдругъ сморщился какъ отъ боли, по земляностому лицу его, на которомъ иглы хвои писали свои таинственныя арабески тѣней, пробѣжала судорога. Онъ отдѣлился

отъ ствола ели и заговорилъ и въ голосѣ его прозвучала явная боль:

—Зло вездѣ... Гдѣ оно прячется, гдѣ является кичливое безъ стыда. Довольно его всюду. Съ лихвой. Я вернулся къ нимъ, что-бы помочь, какъ могу... Вѣдь это люди. И я человѣкъ. Я ихъ понялъ и зло, которое идетъ отъ нихъ, понялъ. Это зло не отъ зла. Это слабость. А тамъ у васъ, у господъ, и всюду, гдѣ право ваше, зло другое есть. Страшнѣе. Тамъ хуже. Кружится все тамъ, одно другое захватить стараясь, захватить, примять, принизить. А нашихъ кружитъ зря, безъ цѣли, пусто. Ты знаешь мошкару? Она каждое лѣто родится, сюда налетаетъ и надъ нашимъ городомъ кружится тучей. Она слѣпа, не видитъ и вреда отъ нея нѣтъ. Развѣ влетитъ тебѣ въ ротъ и муть въ тебѣ потянетъ. Такъ и они. Такъ и „они“, сѣряки мои. А люди имъ зло выдумали и навязали. За то-то я ихъ и люблю и за нихъ борюсь. Ты видишь, борюсь съ тѣхъ поръ какъ старшина. И люблю ихъ, мошкару мою. И постою за нихъ! Сумѣю!—И вдругъ вскочивъ на ноги и выпрямившись во весь ростъ, онъ сказалъ твердымъ, внезапно окрѣпшимъ голосомъ:—А тогда сидѣлъ за нихъ, за обиду ихъ и теперь сяду, если опять что-либо подобное случится. Понялъ? Страха во мнѣ нѣтъ. Во мнѣ вѣра живетъ и живу я по вѣрѣ въ себя и въ нихъ. Такъ надо. Самъ себѣ указалъ... Законъ во мнѣ такой есть и въ тебѣ и въ каждомъ. Онъ говоритъ только: надо и нѣтъ. И если дѣлаешь ты такъ, какъ надо, въ тебѣ желаніе растетъ еще разъ также сдѣлать, а если по другому выйдетъ, ты словно кусокъ себя потеряешь и еще сдѣлаешь худое и опять потеряешь, такъ до конца. А тамъ человѣка не останется и не будетъ, весь по кускамъ изойдетъ. Одна пустота...

— Сильный вы и вамъ хорошо,—угрюмо произнесъ Маркъ,—отъ силы своей вы берете, а я не могу. Меня били шибко и почти-что все во мнѣ забили человѣческое.

— Есть въ тебѣ человѣческое, врешь,—строго обрѣзалъ его Казанскій,—вѣрно есть, коли чувствуешь, что побито въ тебѣ все и жалѣешь о томъ, вѣрь есть.

— Есть должно быть,—угрюмо согласился съ нимъ Маркъ.

— Ну, такъ ты его слушай. А оно тебя хорошо поведетъ, стойко. Знаешь, какъ проводникъ слѣпого. А теперь сами пойдемъ. Дѣло есть. Хочешь въ роту? Поучишься...

Не всѣ своего надо и не надо знаютъ. Слабые не знаютъ: имъ указать необходимо. Самоваръ, слышалъ, украли? Я дознался кто, выискался. Безъ слѣдователя, ей Богу, какъ заправская дока. Теперь судъ чинить надо. Рота хочетъ отвѣтственность съ себя сложить. Безъ меня ни шагу! Народъ!— усмѣхнулся Казанскій и дѣланной и больной показалась Марку эта усмѣшка, загорѣвшаяся на его слипшихся губахъ. И весь Казанскій точно раздвоился въ глазахъ Марка. Одинъ человѣкъ остался тамъ подъ раскидистымъ какъ мысль шатромъ хвои, другой, точно выросшій и дивный, стоялъ передъ Маркомъ и звалъ его.

И они торопливо зашагали по песчаному грунту кладбищенской дорогой. Свѣтлый взглядъ Казанскаго уже не обращался къ Марку. И Маркъ погрузился въ свои мысли. Оба молчали. Одинъ изъ уваженія къ думамъ другого, другой дополна отягощенный этими думами. Маркъ соразмѣривалъ свои размашистые тяжелые шаги съ быстрой иноходью Казанскаго и думалъ о томъ, о той силѣ, которая заставляла другихъ поднимать Казанскаго надъ толпою. Онъ былъ простъ и въ этой простотѣ была сила самой извилистой змѣиной мудрости. И въ сердцѣ его горѣла любовь крѣпкая, какъ твердыня и скрытная, какъ мгла. И въ немъ не было мѣста для зла и ненависти, потому что сила и любовь, мощь и правда переполняли. Такъ думалъ Маркъ, не сводя взора съ Казанскаго, шагающаго чуть впереди его, какъ и подобаетъ вождю, какимъ онъ сталъ для него, Марка.

Въ ротѣ ихъ ждали. Тамъ было какъ-то чище и покойнѣе. Какъ будто кто навелъ порядокъ передъ свѣтлымъ праздникомъ. И меньше попадалось разбитыхъ, исполосанныхъ синяками и царапинами пьяныхъ физіономій.

Было около 10-ти часовъ вечера, и маленькій городъ утихъ и замеръ, когда послѣдній изъ жителей желтой казармы вошелъ въ нее и, почтительно остановившись у порога, ждалъ приказаній старшины.

Казанскій сѣлъ на нарахъ, гдѣ лежалъ его кафтанъ и ситцевая подушка, составляющіе его несложную постель. Подлѣ него сидѣлъ Маркъ, а вокругъ нихъ стояла густая кучка сѣрыхъ людей роты. На лицахъ всѣхъ чувствовалось тупое напряженіе, смущеніе и тоска и какая-то непонятная Марку торжественность. И въ сгущенной атмосферѣ казармы была

тоже тоска и напряженіе, отдающія чѣмъ-то необъяснимо тяжелымъ. Когда кто-то закрылъ дверь и плотно приперъ ее собственнымъ тѣломъ, держась у притолоки, раздался голосъ Казанскаго, звучный и твердый, какъ всегда:

— Собралъ всѣхъ?

— Всѣхъ,—отвѣчали безшумно нѣсколько голосовъ сразу.

— Всѣ значитъ, робя? — Еще разъ пронесся твердый, звучный окрикъ, заполняя собою закоулки и щели казармы.

И густымъ, но сдержаннымъ, какъ-бы подавленнымъ гуломъ толпы отвѣтили: „всѣ".

— Вотъ и хорошо что всѣ,—дробно вылетало одно слово за другимъ изъ горла Казанскаго,—хорошо и безобидно, чего лучше? Всѣ тутъ и каждый знать будетъ. А теперь слушай, робя, и чтобы ни-ни, ни дохнуть. Слушай! До моего прихода тутъ у васъ мерзость всякая пошла по ротѣ. Люди распустились. Пьянствовали больше мѣры, черезъ край хватали. Ну, это еще ладно. Не было-бы пьянства, не было-бы золотой роты. Золоторотецъ коли не пьяный—такъ значитъ больной. А было еще хуже, робя. Золоторотецъ пусть пьяница и шаромыжникъ, но не жуликъ, но не воръ онъ. Вѣрно я говорю?

— Вѣрно, вѣрно! Старшина! Вѣрно!—Опять сдержанно загудѣло кругомъ.

— Вотъ то-то и оно-то! Жуликомъ золоторотца назвать нельзя, въ немъ свой гоноръ, своя сѣрая гордость. И это хорошо. Потому что человѣкъ если безъ гордости, то это тля и мразь. Поняли? А коли жуликомъ кто обозвалъ—тогда можно было и въ рыло безо всякаго ожиданія. Такъ!

— Въ рыло проклятому сыну, въ рыло!—Снова послышался гулъ.

— Такъ было, робя, и думалъ я, что всегда такъ и будетъ. Анъ нѣтъ! Вышло иное.—Казанскій съ усиліемъ перевелъ дыханіе и, повысивъ голосъ, вибрирующій какъ струна, закончилъ свою рѣчь едва не крикомъ на высокой нотѣ:— А теперь выходитъ мы и жулики и воры! Такъ у земскаго мы самоваръ украли, подло украли при открытыхъ дверяхъ, когда нашей же рвани двери открыли для субботняго побора. Дѣло-ли это, робя? Васъ спрашиваю. А?—онъ смолкъ и обвелъ загорѣвшимся взоромъ сѣрую толпу.

Но никто не откликнулся на этотъ, словно черезъ силу выкинутый, вопросъ. Его возгласъ задрожалъ не поддержан-

ный надъ казармой и умеръ въ звукахъ, медленно разстававшихъ и поглощенныхъ тишиной. Никто не отвѣчалъ, но всѣ знали, что надо было отвѣтить; зналъ и худой, невзрачный, маленькій человѣкъ, робко жавшійся позади толпы. Онъ какъ-то неестественно пожималъ плечами и косые глаза его безпокойно метались по сторонамъ.

Это былъ Калмыкъ; такъ прозвала маленькаго человѣка рота за косые глаза и выдающіяся скулы. Калмыкъ укралъ самоваръ у земскаго и всѣ знали, что укралъ его онъ, а не кто другой и избѣгали смотрѣть на Калмыка, не то стыдясь, не то опасаясь чего-то. И когда рота замолкла въ томительномъ молчаніи, какъ одинъ человѣкъ, въ этомъ молчаніи четко раздался голосъ судьбы маленькаго человѣка, оказавшагося воромъ. Всѣ услышали этотъ голосъ, нарушившій разомъ мертвую тишину казармы. Казанскій говорилъ тихо, но каждое его слово падало гулко въ толпу, какъ тяжелая капля дождя на влажный грунтъ почвы.

— Калмыкъ укралъ,—заговорилъ Казанскій,—и Калмыкъ заслужилъ наказаніе, чтобы не было повадно другимъ и чтобы снять вонючее пятно съ роты. Въ ротѣ воровъ и жуликовъ быть не должно. Такъ по уставу.—Онъ говорилъ съ ними, какъ говорятъ съ дѣтьми, этотъ худой, невысокій человѣкъ, такой сильный и непоколебимый во всей своей правдѣ. И всѣ поняли эту правду и подчинялись ей въ тишинѣ. Такъ шли минуты, показавшіяся часами. Потомъ кое-гдѣ послышались сдержанные возгласы:

— Какъ велишь, такъ и будетъ. На то и старшина. Калмыкъ тутъ, на-лицо. Выходи, Калмыкъ, на ставку. Какъ велитъ старшина. Выходи.

Толпа разступилась, шарахнувшись въ сторону, и выпустила впередъ блѣднаго, съ дрожащей челестью Калмыка. Онъ какъ-то сразу очутился передъ нарой, на которой, присѣвъ на корточкахъ, ждалъ Казанскій. Съ минуту они оба смотрѣли другъ на друга молча, и судья и отвѣтчикъ и Марку показалось, что въ глазахъ Казанскаго перебѣгалъ движущійся свѣтъ, словно блуждающіе огоньки зажигались въ нихъ какъ на болотѣ, а въ узкихъ слезящихся глазкахъ Калмыка было темно и пусто какъ въ ямѣ. И вдругъ Казанскій положилъ руку на плечо Калмыка и спросилъ твердо:

— Ты укралъ?

У Калмыка глаза забѣгали и заискрились сильнѣе.

Калмыкъ былъ подлъ и трусливъ отъ природы; соединяя въ себѣ все худшее, что живетъ на свѣтѣ, онъ обладалъ однимъ необходимымъ недостаткомъ, который ставился въ доблесть среди сѣрыхъ безправныхъ людей. Онъ умѣлъ лгать и былъ изворотливъ, какъ кошка.

И всѣ ждали теперь, что туча минуетъ и что онъ, солгавъ, избѣжитъ чего-то неизбѣжнаго и страшнаго, что прерветъ тяготу, повисшую надъ „ротой“.

И вдругъ, къ всеобщему изумленію, Калмыкъ дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Вѣрно. Укралъ. Попутало. Укралъ, что-же?—Въ послѣднихъ звукахъ его фразы прозвенѣла потрясающая нотка отчаянія, граничащаго съ изступленіемъ животнаго страха. Калмыкъ былъ жалокъ и ничтоженъ. И никто не хотѣлъ взглянуть на него.

И Казанскій понялъ Калмыка такъ, какъ надо было. По крайней мѣрѣ не было колебанія въ его лицѣ, какъ-то разомъ осунувшемся и потемнѣвшемъ. Что-то грозное зажглось въ его глазахъ какъ молнія, какъ солнце и они стали неумолимыми и острыми въ одинъ мигъ.

И взглянувъ на Калмыка этимъ долгимъ, острымъ, какъ ножъ, взглядомъ, взглянувъ въ самое его сердце, онъ сказалъ:

— Ты сознался. Значитъ ты виноватъ. Не посѣтуй же на насъ. Такой уставъ былъ. И споконъ вѣковъ. Преступничать нельзя. У насъ свои законы. Тюрьмы, братецъ ты мой, и нюхать намъ не приходится. Будетъ и того, что четверо туда безъ меня перешагнули. Довольно сраму безъ того. Тебя не попущу. Будетъ. Лучше по-свойски отдѣлать. По крайней мѣрѣ не губить и тебя и насъ. Самъ знаешь, чего заслужилъ.—И онъ кивнулъ головою кому-то и отвелъ взоръ отъ виновнаго.

Изъ толпы выдвинулись трое. Михайло Ивановичъ, „Извозчикъ“ и еще какой-то одутловатый и бѣлобрысый золоторотецъ, у котораго было въ рукѣ что-то длинное и темное, извивающееся какъ змѣя. И когда Маркъ попристальнѣе взглянулъ на извивающійся предметъ, онъ понялъ, что это нѣчто было среднее между кнутомъ и плетью. Потомъ онъ посмотрѣлъ на Калмыка и содрогнулся. Тѣни набѣжали на его побѣлѣвшее какъ мѣлъ лицо и какъ-бы скрыли его глаза, расширенные и померкшіе отъ ужаса! Михайло Ивановичъ и „Извоз-

чикъ", подошедшіе къ нему, что-то ему сказали. Но онъ не понялъ, потому что врядъ-ли могъ что-либо понять въ эту минуту отъ обуявшаго его животнаго страха.

Тогда изъ толпы выскользнулъ Чернякъ и, вертляво суетясь около Калмыка и поминутно шмыгая носомъ, сталъ стягивать съ него кафтанъ, плотно опоясанный на тщедушной фигурѣ золоторотца. За нимъ еще приблизились двое, стали безшумно и методично помогать ему. Потомъ, раздѣвъ до нага виновнаго, они подняли его на руки какъ ребенка и отнесли на нару. Теперь безо всякой одежды Калмыкъ казался совсѣмъ маленькимъ и ничтожнымъ. Онъ жался и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и тѣло его казалось почти синимъ и худымъ какъ у мертвеца въ обманчивомъ полусвѣтѣ іюльскихъ сумерекъ. На лѣвомъ плечѣ у Калмыка была круглая ранка съ запекшимся струпомъ и Маркъ, поймавъ ее взглядомъ, уже не могъ отвести отъ нея глазъ. Этотъ гноящійся струпъ на жалкомъ костлявомъ тѣлѣ какъ-то особенно подчеркивалъ нѣмую безпомощность Калмыка. „Извозчикъ" и бѣлобрысый золоторотецъ встали одинъ у ногъ, другой у головы виновнаго. Михайло Ивановичъ, съ тѣмъ-же своимъ выраженіемъ дѣтскаго недоумѣнія на обрюзгшемъ и вспухшемъ отъ пьянства лицѣ, взялъ изъ рукъ бѣлобрысаго кнутъ и, взмахнувъ имъ надъ головою, опустилъ руку на голую спину Калмыка.

Прозвучалъ стонъ, прозвучалъ и оборвался, заглушенный чьей-то догадливой рукою. Кто-то зажалъ ротъ Калмыка. Кто-то сѣлъ ему на ноги, потому что тѣло несчастнаго, трепеща и извиваясь, мѣшало ложиться какъ слѣдуетъ ударамъ.

Маркъ весь съежился и, глубоко втянувъ голову въ плечи, смотрѣлъ исполненный тяжести и тоски.

Ему казалось, что онъ впитываетъ въ себя тѣ же удары и воображеніе его разыгрывалось съ такой силой, что боль этихъ воображаемыхъ ударовъ заглушала въ немъ боль, наполнившую сердце.

Потомъ все смѣшалось въ какомъ-то хаосѣ и передъ нимъ опять выплыло воспоминаніе о побитой собакѣ въ его дѣтствѣ.

Маркъ живо почувствовалъ то же, что испытывалъ тогда при видѣ животнаго, что чувствовалъ къ Лизѣ, обнажавшей себя по произволу другого. Чувствовалъ обиду и гнѣвъ.

Но теперь это чувство къ наказываемому Калмыку заговорило въ немъ во сто разъ мучительнѣе и слышнѣе. Въ

этомъ больномъ, худомъ и жалко трепещущемъ тѣлѣ было что-то и безобразное и стыдное заразъ. Его распластали и били это тѣло сильные, большіе люди и оно могло только трепетать и корчиться отъ ударовъ. И этотъ струпъ на плечѣ и голыя выпяченныя отъ худобы лопатки рождали въ Маркѣ одинъ глухой и жгучій, больной стыдъ. Ему, въ силу какого-то животнаго приниженія, вливалась въ душу эта струя и побуждала его къ протесту обиды человѣческой. И насиліе, излитое надъ тѣломъ виновнаго, насиліе, не имѣвшее правъ, показалось ему противнымъ и гнилымъ. Ему хотѣлось отнять это слабое тѣло, отнять и унести или вырвать кнутъ у Рыжаго, дотерзать, добить, дохлестать имъ Калмыка за его безсильную покорность, равняющую его съ животнымъ. И въ томъ и другомъ его стремленіи была боль и злоба глухая и мучительная злоба на сѣрыхъ людей, взявшихъ на себя право казнить и миловать.

И вдругъ взглядъ его упалъ на Казанскаго. Заложивъ одну ногу на другую, онъ стоялъ на нарахъ прямой, гордый, словно выросшій надъ этой сѣрой толпой. Поблѣднѣвшее лицо было спокойно, лишь губы, судорожно сжатыя, подергивались чуть замѣтной судорогой у угловъ. По лбу медленно скатывались тяжелыя крупныя капли пота. Глаза Казанскаго Маркъ не могъ увидѣть сразу, а когда увидѣлъ, то вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ отъ выраженія этихъ дивныхъ глазъ. Въ нихъ была мука, гордая и молчаливая, какъ смерть. И сквозь эту муку глядѣла раненая душа Казанскаго, раненая и больная и исполненная всегда одною и тою любовью, безъ границъ, безъ конца. И это былъ совершенно новый, еще незнакомый Марку, Казанскій. Все непонятное отошло отъ него. Онъ страдалъ какъ простой человѣкъ. И въ этомъ страданіи онъ былъ прекрасенъ и жалокъ, гораздо болѣе жалокъ чѣмъ тотъ, кого били кнутомъ по обнаженной спинѣ. И такимъ, какимъ онъ представлялся теперь, Маркъ любилъ его еще крѣпче и цѣльнѣе, потому что въ страданіи его онъ видѣлъ еще большую силу, покорявшую другихъ.

XI.

Цѣлую недѣлю послѣ „расправы“ въ ротѣ, Маркъ не могъ очнуться и ходилъ какъ потерянный. Самыя разнородныя

чувства боролись въ немъ; по отношенію къ Казанскому онъ былъ преисполненъ преклоненія и какого-то суевѣрнаго трепета. Стойкость Казанскаго, его твердость, доходящая до жестокости, и эта любовь огромная и кипучая какъ лава, любовь къ его „дѣтямъ“ заставляли Марка отдавать ему думы и мысли. И странные, вымученные, мерклые глаза Казанскаго стояли передъ нимъ вьявь, какъ живой кошмаръ, вмѣстѣ съ вздрагивающимъ, побурѣвшимъ, костлявымъ тѣломъ Калмыка.

И Маркъ гналъ отъ себя свое воображеніе, желая избавиться отъ впечатлѣнія картины, тяжелой какъ болѣзнь. Но впечатлѣнія какъ будто не гасли отъ времени, а, запечатлѣвшись въ его душѣ, оставались такими-же ясными и живыми. Даже любовь его къ Лизѣ не могла искоренить ихъ. Съ Лизой у нихъ не измѣнилось ничего: онъ купилъ ей гребень и дешевыхъ духовъ на придачу; она взяла безъ благодарности, безъ удовольствія, давно привычная къ подаркамъ и избалованная вниманіемъ мужчинъ, взяла и тотчасъ-же забыла о Маркѣ и его любви. У нея было слишкомъ много впечатлѣній, чтобы останавливаться долго на новой внушенной ею страсти „мальчишкѣ“, какъ она презрительно отзывалась о немъ.

Жизнь Лизы складывалась вольно и широко, какъ рѣка. Судьба баловала ее. И это счастье, подаренное ей судьбой, счастье молодости, красоты и обаянія, давало ей извѣстный ореолъ въ глазахъ другихъ и въ томъ числѣ Марка.

Онъ думалъ о ней постоянно, ясно, какъ ребенокъ, отдавая ей всю свою чистую любовь до конца.

Однажды, придя въ камеру, онъ не засталъ ненавистной фигуры Михайлы у желѣзнаго барабана, на обычномъ мѣстѣ и чрезвычайно удивленный спросилъ:

— А Хромой? Боленъ что-ли?

Новый машинистъ, пронырливый малый съ лукавыми заплывшими глазками, отвѣчалъ съ усмѣшкой:

— Нѣтъ. Просто ушелъ.

— Какъ ушелъ?—И Маркъ какъ-бы почувствовалъ легкое разочарованіе оттого, что не увидитъ Хромого. Онъ свыкся со своимъ ощущеніемъ завистливой ненависти къ нему и оно какъ-бы придавало нѣкоторую остроту его мирно текущему трудовому дню въ камерѣ. Близость къ Хромому напоминала ему о Лизѣ и создавала какъ-бы нѣкоторую отдаленную связь съ ней.

Новый машинистъ, видя его замѣшательство, пояснилъ:

— Ушелъ па заводъ Ігеолей. У нихъ не лады съ надсмотрщиковой дочкой вышли. Накрылъ онъ ее что-ли. Въ саду съ молодымъ бариномъ, говорятъ, накрылъ. У молодого губа не дура,—присовокупилъ машинистъ, не подозрѣвая объ ударѣ, нанесенномъ его словами всему существу Марка. А Марку разомъ показалось, что камера сушильни стала вдругъ слишкомъ маленькой и узкой и что верхній роликъ въ серединѣ какъ-будто задерживаетъ движеніе полосы.

Онъ потеръ себѣ глаза, точно проснувшись, и хлебнулъ всею грудью воздуха.

Но атмосфера камеры, сгущенная, тяжелая и удушливая, какъ въ склепѣ, не могла освѣжить его дыханія.

Онъ опять потеръ себѣ глаза и вдругъ ясно и отчетливо вспомнилъ всю сцену на мосту, происшедшую между Глѣбомъ и Лизой, нѣсколько недѣль тому назадъ.

Маркъ не зналъ, что такое страданіе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Когда его оскорбляли и били, онъ приходилъ въ ярость, бѣсился и дичалъ какъ звѣрь. И это могло быть вдвое легче того, что онъ испытывалъ сейчасъ. То, что онъ почувствовалъ, было невыносимо и приближало къ смерти, какъ ему показалось въ тотъ мигъ.

Эта боль его показалась смертельной и онъ едва удержался, чтобы не завыть какъ звѣрь. Точно большая ядовитая муха влетѣла въ его сердце и ужалила его до крови въ самую сердцевину. Но онъ не завылъ и не умеръ, потому что что-то чуть слышно внѣ его сказало ему:

„Что если новый машинистъ лжетъ?“

И онъ схватился за эту мысль, какъ утопающій за спасательный кругъ, потому что ему безконечно хотѣлось любить въ Лизѣ и то хорошее свѣтлое, что создала въ ней его любовь.

И Маркъ рѣшилъ такъ: провѣрить правду, а потомъ... Онъ не зналъ, что будетъ потомъ, потому что на этомъ обрывалась его мысль.

Когда онъ шелъ послѣ окончанія работъ мимо террасы управляющаго домой, черезъ перила террасы перекинулась высокая, тоненькая фигурка Китти и дѣвочка произнесла съ тѣмъ видомъ таинственности, съ какимъ обыкновенно говорятъ подростающіяся дѣвочки, желающія казаться взрослыми:

— Маркъ, слышалъ? къ земскому пріѣхала институтка.

Объ этой институткѣ Маркъ зналъ и раньше.

Какъ сѣрые люди золотой роты ждали „прихода“ Казанскаго, съ какимъ-то алчущимъ нетерпѣніемъ, такъ ждалъ и маленькій городъ пріѣзда институтки, дочери земскаго. Но сѣрые люди ждали не Казанскаго, а воплощеніе той идеи о равенствѣ правыхъ и безправныхъ, о возстановленіи ихъ бытовой чести, не человѣка они ждали, а опору и защиту ихъ отъ самихъ себя, а маленькій городъ былъ жаденъ и податливъ на впечатлѣнія и искалъ потому только новизны въ лицѣ „институтки“.

Дочь земскаго врача Мансурова, оканчивавшую курсъ въ столицѣ, ждали давно. О ней говорили въ гостиныхъ, говорили на фабрикѣ, говорили въ большомъ, съ газоновой площадкой саду управляющаго, гдѣ худенькія недоразвившіяся дѣвочки-подростки играли въ лаунъ-теннисъ и поучались на свободѣ той житейской мудрости, которая, какъ чахлая калѣка, шла къ нимъ съ фабрики и изъ города. И подрастающія дѣвочки томились и своей свободой и тѣмъ чахлымъ воспитаніемъ, которое удѣляли на ихъ долю. И мысли дѣвочекъ были также воспріимчивы къ суетѣ и сплетнямъ и онѣ жаждали новизны и впечатлѣній.

Имя Лидіи Мансуровой плѣняло ихъ какъ сказка и онѣ думали о ней. Впрочемъ думали о ней не только дѣти. Взрослые думали больше. Матери—какъ о будущей женѣ своимъ сыновьямъ, дочери—какъ о законодательницѣ столичной моды, молодежь—какъ о новой интересной барышнѣ городка. И имя Лидіи Мансуровой было окружено уже нѣкоторымъ ореоломъ, когда она наконецъ пріѣхала въ маленькій городъ.

Но Марка онъ не удивилъ и не обрадовалъ, этотъ пріѣздъ. Она ничего не говорила его душѣ, эта вновь пріѣхавшая барышня. Онъ разсѣянно прислушивался, что разсказывала ему Китти о ней.

А Китти говорила:

— Для земскаго съ дочкой будетъ вечеръ у воинскаго! А потомъ у предсѣдателя и у насъ. Въ день моего рожденія. Знаешь? И ты приди. Папа сказалъ. Есть у тебя цѣлый пиджакъ и брюки? Если нѣтъ, у Глѣбки возьми. Папа говоритъ, что непремѣнно надо, потому что общеніе съ рабочимъ людомъ даетъ понятіе о народныхъ нуждахъ,—съ трудомъ про-

говорила Китти свѣже-заученную фразу. — Такъ папа говорилъ,—добавила она и гордо закинула головку.

Она была хорошенькая и смѣлая. Полудѣвочка-полуженщина съ черными глазками, худенькая, но свѣжая какъ персикъ.

— Ты придешь? — спросила она, помолчавъ съ минуту, видя колебаніе въ лицѣ Марка.—Приходи. Глѣбъ дастъ сюртукъ и брюки. Приходи непремѣнно. Она умная. И хорошенькая. Лучше меня и Лизы. Блѣдная только, очень блѣдная, точно известка. И все читаетъ. Ты только не скажи, она и мнѣ книжки дала. Ахъ, хорошо! Тамъ про любовь говорится. И мужчины тамъ прелесть что за интересные. А дѣвушки тоже. Дѣлаютъ все, что хотятъ. А Анна говоритъ, что нельзя такихъ книгъ читать—грѣшно! Но для Анны все грѣшно, гдѣ нѣтъ молитвы и Бога. Анна ханжа и дура. А все потому, что она некрасивая и лѣчитъ глаза отъ золотухи. Ее никто не полюбитъ и не возьметъ замужъ. А меня возьмутъ и Даню тоже. Голубчикъ Маркъ, приходи,—неожиданно перемѣнила тонъ Китти и, вдругъ встрепенувшись, разомъ исчезла въ глубину террасы, гдѣ скрипнула дверь и куда вышелъ отецъ.

Маркъ не разслышалъ хорошенько ни одного слова изъ сказаннаго, потому что думалъ свое. И дума эта была глубока и тревожна, какъ могла только быть тревожна развѣ вся его коротенькая жизнь...

Лиза и Глѣбъ сверлили ему мозгъ, Лиза и Глѣбъ вшивались ему въ голову. И о нихъ думалъ онъ, не переставая. И вдругъ рѣшилъ, что пойдетъ и узнаетъ истину о Лизѣ и Глѣбѣ, чтобы заставить мысль молчать и утѣшить вновь возростающую боль въ сердцѣ.

И онъ пошелъ.

Это было дня черезъ три послѣ разговора съ дѣвочкой. Домъ и садъ управляющаго иллюминовали шкаликами, а надъ домомъ вычурно поднимались горящіе инціалы имени Китти.

Управляющій Лавровъ былъ вдовецъ и предоставлялъ дѣтей воспитанію выжившей изъ ума тетки, не вмѣшиваясь въ него; но въ дни семейныхъ празднествъ въ немъ разомъ поднималась и закипала какая-то внезапная отеческая любовь, и онъ вознаграждалъ съ лихвой своихъ дѣвочекъ за недостатокъ заботливости и вниманія во все остальное время.

И въ день рожденія Китти (ей минуло 15 лѣтъ) эта заботливость проявилась усиленнымъ образомъ.

Китти была самая хорошенькая изъ его дочерей и очень напоминала Глѣба, а Глѣбу принадлежала тайная слабость отца, Евгенія Адольфовича Лаврова. И потому день рожденія хорошенькой Китти рѣшено было отпраздновать на славу. Въ саду зажгли шкалики, казавшіеся мигающими глазами, на тоненькую, подвижную Китти надѣли бѣлое кашемировое платье, сшитое по таліи и уродовавшее всю ея несформированную еще фигурку. Хоръ рабочихъ, собравшись подъ верандой, пропѣлъ ей „многая лѣта“, а вечеромъ ожидались танцы, винтъ для взрослыхъ и ужинъ.

Маркъ не послушался, однако, совѣта Китти—не позаимствовался у Глѣба костюмомъ. Въ немъ жила какая-то постоянная смутная гордость, мѣшавшая ему брать и одолжаться у кого-бы то ни было. И эта гордость повела его на городской рынокъ и заставила купить по дешевой цѣнѣ изъ скуднаго недѣльнаго заработка темно-зеленую тройку, дѣлавшую всю его фигуру уродливой и мѣшковатой. Рукава были слишкомъ коротки и изъ нихъ какъ-то безпомощно и глупо выглядывали его красныя, угловатыя рабочія руки.

Онъ хотѣлъ купить заодно и фуражку, но, подумавъ немного, рѣшилъ остаться въ своемъ прорванномъ у козырька картузѣ. И такъ пошелъ онъ ровно въ девять къ дому управляющаго, откуда слышался смѣхъ и звуки рояля, ласкавшіе ухо и казавшіеся прекрасными, какимъ кажется все посредственное издалека, когда сама душа стремится къ нему. А душа Марка стремилась къ прекрасному съ той минуты, какъ онъ встрѣтилъ Казанскаго и полюбилъ Лизу. И ему хотѣлось вѣрить, что слова машиниста у метрольезы были ложью, и связь Лизы съ Глѣбомъ была тоже ложь и что все ложь, кромѣ Лизинаго совершенства и ея красоты.

Въ первой комнатѣ, куда попалъ Маркъ черезъ садъ и веранду, было туманно отъ табачнаго дыма. Играли въ карты, курили и говорили о фабрикѣ.

Въ гостиной было людно и стоялъ гулъ отъ возгласовъ и смѣха. Въ углу у двухъ ломберныхъ столовъ сидѣли игроки. Высокій, худой мужчина съ замѣтной просѣдью и съ упорнымъ взглядомъ сѣрыхъ стальныхъ глазъ, придерживая за пуговицу полнаго военнаго въ очкахъ, говорилъ ему:

— Вотъ вы меня сейчасъ упрекнули въ излишнемъ сочувствіи къ рабочему классу, въ ущербъ желѣзной силѣ и движенію прогресса. И не вы одинъ. Принципалъ давно уже дуется на меня. И не будь онъ увѣренъ въ моей неподкупной привязанности къ дѣлу, давно-бы пришлось мнѣ искать себѣ кой-чего иного. Какъ-то на ревизіи нашелъ химическій классъ при лабораторіи лишней роскошью. Говоритъ, что химиковъ можно брать опытныхъ и со стороны. Все это такъ. Но съ введеніемъ желѣзной силы и такъ развелась уйма голодныхъ, такъ почему-же процентъ дѣтей, во сто разъ меньшій, нежели ихъ оставшіеся безъ куска хлѣба родители, не можетъ замѣнить собой то, что потеряла семья? Благо это не вредитъ дѣлу. Я вамъ говорю.

И Лавровъ отпустилъ на минуту пуговицу офицера.

— Гмъ, гмъ, собственно говоря гуманность...—промычалъ тотъ.—Однако, милѣйшій, не есть это тормозъ прогресса промышленности?

— Какой?—рѣзко оборвалъ управляющій,—промышленность не изсякнетъ до тѣхъ поръ, пока будетъ рынокъ сбыта. Но она видоизмѣнится и вмѣсто пресыщенія съ избыткомъ одного лица насытятся другіе. Слышите-ли? Лишь насытятся. И цѣлое сословіе. Капиталисты рады огромному шагу прогресса запада. Они боятся развитія народной промышленности и народнаго капитализма, той силы, которая помѣшаетъ подняться единицамъ капиталистовъ, мамонтовъ, и не понимаютъ того, что страшны именно они, эти мамонты, а не раздробленная сила народнаго капитализма. Вѣдь намъ не перерасти тѣхъ, сильнѣйшихъ. Ситцевая мануфактура—прочно и хорошо поставленное дѣло, но это только микроскопическая капля въ морѣ промышленности. И выйдетъ то, что одна стоглавая гидра пожретъ другихъ, у которыхъ окажется меньшее число головъ.

— О-о! — внезапно послышался пискливый голосокъ дамы-гостьи, только что вышедшей изъ-за ломбернаго стола,— о-о, стоглавая гидра! Какіе ужасы вы разсказываете, милый Евгеній Адольфовичъ!

Отъ увядающаго лица дамы, густо посыпаннаго розовой пудрой, шли лучи самой обворожительной улыбки. Управляющаго Лаврова дамы маленькаго города считали крайне интереснымъ мужчиной и втайнѣ досадовали на него за его чрез-

вычайную привязанность къ фабрикѣ, мѣшавшей возможности пользоваться его обществомъ.

Но Лавровъ даже и не замѣтилъ этой улыбки, потому что, съ новымъ ожесточеніемъ схватившись за пуговицу воинскаго начальника, подхватилъ:

— Я-бы желалъ одного, чтобы сынъ мой продолжилъ мое дѣло такъ, какъ я понимаю его. Пусть даже произрастаетъ капитализмъ единицъ, если въ этомъ вся задача промышленности, но я-бы хотѣлъ, чтобы Глѣбъ, отдавая себя общему современному идеалу коммерсантовъ, не забывалъ однако по мѣрѣ силъ и возможности и тѣхъ, кто, охраняя идеи капитализма, не щадитъ силы рабочихъ рукъ... Чтобы идеалъ Глѣба...

— Идеалъ Глѣба,—прервалъ рѣчь хозяина дома здоровый, сочный голосъ, и самъ Глѣбъ, свѣжій и улыбающійся, вынырнулъ изъ-за спинъ собесѣдниковъ,—о, мой идеалъ непоколебимъ, папа!—произнесъ онъ, улыбаясь румяными губами.— Мой идеалъ...

— А въ чемъ-же состоитъ онъ, молодой человѣкъ? Позвольте полюбопытствовать,—снова пискнула напудренная дама, устремляя на Глѣба самый очаровательный взглядъ.

— О, весьма не во многомъ,—улыбнулся тотъ и что-то насмѣшливое дрогнуло въ его лицѣ, выхоленномъ и красивомъ,— быть богомъ торговой промышленности, быть тѣмъ капиталистомъ-мамонтомъ, той стоглавой гидрой, которая пожретъ остальныхъ, какъ выразился папа. Или уже больше ничѣмъ не стоитъ быть.

— Браво, юноша! Браво!—неожиданно забасилъ откуда-то подвернувшійся толстенькій и короткій человѣчекъ, земскій врачъ по профессіи, Мансуровъ, отецъ той самой институтки, которой такъ живо заинтересовался маленькій городъ.

— А въ наше время судили иначе,—поморщившись словно отъ боли, произнесъ сѣдой, представительный господинъ, членъ уѣздной управы,—въ наше время молодежь иными цѣлями задавалась и эти цѣли были симпатичнѣе, да.

— Въ ваше время, Исидоръ Матвѣевичъ,—дерзко заглянувъ ему въ глаза своимъ смѣющимся взглядомъ, произнесъ Глѣбъ,— люди были однимъ воплощеніемъ сладкаго сентимента и романтики. Теперь вѣкъ практическаго смысла и каждый долженъ прежде всего думать о себѣ. Надо стараться проглотить другого, чтобы не быть съѣденнымъ имъ.

— И стремиться къ достиженію своей цѣли—стать богомъ капитализма!—съ кокетливой улыбкой произнесла дама.

— Voilà!—игриво поклонился въ ея сторону Глѣбъ и вдругъ, нечаянно встрѣтясь глазами съ Маркомъ, вскричалъ:— Ба! Вотъ онъ! Чего-жъ ты прячешься, товарищъ? Пойдемъ къ намъ; тамъ веселѣе. Хотя тамъ и не боги капитализма, а нѣчто болѣе пріятное. Тамъ богини. Идемъ!—и, подхвативъ его подъ руку, онъ увлекъ его за собою.

Въ спальнѣ дѣвочекъ собралась „молодежь“. Тамъ горѣлъ японскій фонарикъ, пахло духами и сладостями, обильно разставленными на столахъ.

У Лавровыхъ бывало всегда самое смѣшанное общество, начиная отъ городской интеллигенціи и кончая дѣтьми служащихъ фабричныхъ, съ которыми играли управительскія дѣти. Управляющаго осмѣивали за это неумѣнье поставить свой домъ, но Евгенію Адольфовичу некогда было прислушиваться къ толкамъ, какъ некогда было и слѣдить за условіями воспитанія дѣтей, и, предоставивъ имъ воспитаніе на свободѣ, онъ предоставилъ имъ свободу выбора знакомыхъ и друзей, возбуждая насмѣшливые толки маленькаго города. Впрочемъ, изъ фабричной среды на этотъ разъ была только Лиза. Маркъ, какъ только вошелъ, первое, что увидѣлъ—это ее съ пунцовыми рукавами праздничнаго лифа, крикливо лѣзшаго на глаза.

Рукава и присутствіе гостей нѣсколько смущали Лизу; она жалась въ уголъ и терла поминутно свои большія, вспотѣвшія отъ волненія руки.

Но когда вошелъ Маркъ и она увидѣла его мѣшковатаго и смѣшного въ его зеленой рыночной тройкѣ, она злорадно улыбнулась, найдя, что онъ хуже ее, и разомъ почувствовала облегченіе.

— Маркъ! Маркъ! Маркъ пришелъ!—послышались голоса дѣвочекъ Лавровыхъ, радовавшихся въ тотъ вечеръ и возбужденныхъ какъ никогда.

— Маркъ, интеллигентный пролетарій! Рекомендую, Лидія Львовна!—и Глѣбъ подтолкнулъ Марка къ дивану, на которомъ въ непринужденной и какъ-бы усталой позѣ сидѣла, поигрывая лорнетомъ, молоденькая особа, которой Маркъ еще не видалъ нигдѣ.

На пунцовомъ фонѣ диванныхъ подушекъ лицо ея, худень-

кое, продолговатое, съ замѣтно бьющимися жилками у висковъ и на лбу, казалось бѣлымъ, какъ сахаръ. Длинные узковатые глаза, темные безъ блеска, смотрѣли какъ-то черезчуръ смѣло, почти дерзко. Негустые волосы, завернутые узломъ на темени, прикрывали лобъ тщательно подвитой гривкой и слабо курчавились у ушей.

Впалая, втянутая грудь и узенькія плечи дѣлали всю фигурку дѣвушки хрупкой и эфирной. Что-то болѣзненное было въ ея блѣдномъ лицѣ, болѣзненное и раздражающее не красотой, а этой самой хрупкой безпомощностью. Но что больше всего остального поразило Марка въ лицѣ ея, такъ это губы, узенькія, капризно изогнутыя и красныя, какъ кровь. Онѣ были дополна налиты сочнымъ густымъ пурпуромъ и эта яркость ихъ казалась особенно рѣзкой на общей блѣдности лица.

Китти, Даня и двѣ дочери предсѣдателя управы окружали институтку и съ какимъ-то жгучимъ любопытствомъ и подобострастіемъ заглядывали ей въ глаза.

Два молоденькіе пѣхотные юнкера, какъ два родные брата похожіе другъ на друга, сидѣли у дивана прямо на коврѣ, поджавъ подъ себя по-турецки ноги, а подлѣ нихъ пріютился секретарь мирового судьи, незначительный веснова-тый молодой человѣкъ съ ощипанной растительностью.

И всѣ они не спускали глазъ съ институтки въ ея бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ безъ кровинки лицомъ. Одна Анна, сидѣвшая въ сторонѣ отъ компаніи, тихая, молчаливая и золотушная Анна, старшая изъ сестеръ Лавровыхъ, не обращала никакого вниманія на гостью, безучастная ко всему въ мірѣ, что не касалось ея золотухи и больныхъ глазъ, да Лиза, смущенная своимъ мѣщанскимъ пунцовымъ лифомъ и явно завидующая успѣху худосочной барышни, какъ она мысленно окрестила Мансурову, забилась въ противоположный уголъ комнаты и, какъ замученный звѣрекъ, краснорѣчиво выглядывала оттуда злыми, искрящимися глазами.

Лиза была честолюбива и успѣхъ Лидіи явно раздражалъ ее. Она слишкомъ вѣрила въ силу своей красоты, слишкомъ признавала могущество этой красоты и ея неотразимость, чтобы такъ скоро признать обаяніе другой. И ее тѣмъ болѣе злило замѣтное ухаживаніе Глѣба за этой „барышней“, нежданно и негаданно ворвавшейся въ ея судьбу. Все это под-

нимало въ ней глухую злобу красивой самки, готовой отстаивать свои права.

На фабрикѣ говорили правду, что Лиза „путалась“ съ Глѣбомъ, и Михайло Хромой отказался отъ нея. Лиза не была влюбчива, но ея рано созрѣвшая натура, впитавшая въ себя всѣ вредные соки фабрики и городка, въ связи съ жадностью и тщеславіемъ, взяли свое. Ухаживаніе молодого барина льстило Лизѣ, его подарки заставляли зеленѣть отъ зависти ея подругъ, и въ силу этихъ подарковъ, въ силу своей чувственности и неустойчивости и умѣнья Глѣба Лиза отдалась ему.

Она слишкомъ сознавала въ себѣ красоту, чтобы бояться соперничества въ маленькомъ городѣ. Ее желалъ всякій, и господа, и надсмотрщики, и машинисты, и рабочіе, потому что она была слишкомъ раздражительно, ярко красива.

И вдругъ эта институтка, скорѣе тѣнь женщины, нежели живая женщина, какая-то „ледащая“ и „гнилая“, по мнѣнію Лизы, въ первые же дни своего пребыванія въ маленькомъ городѣ закружила Глѣба и точно пришила его къ себѣ.

И Лиза злилась глухо и безсильно, ненавидя ее, эту барышню, которую искренно находила нестоющей вниманія мужчинъ.

И въ каждомъ входящемъ гостѣ она искала поймать то первое впечатлѣніе, которое производила институтка.

Когда вошелъ Маркъ, она впилась въ него глазами, желая найти въ его лицѣ оттискъ того же перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него Мансуровой.

Но на лицѣ Марка нельзя было ничего прочесть. Оно было угрюмо и какъ всегда закрыто для всѣхъ.

Глѣбъ подвелъ его къ дивану, гдѣ сидѣла Лидія Мансурова, окруженная своей свитой какъ королева, и сказалъ еще разъ полушутливо, полусерьезно:

— Маркъ Ларанскій, интеллигентный пролетарій, другъ дѣтства и ненавистникъ женщинъ.

Предсѣдательскія дочки сдержанно захихикали. Имъ вторили задавленные басы юнкеровъ и дробный фальцетъ ощипаннаго секретаря. Маркъ не понялъ того, что сказалъ Глѣбъ, но, почувствовавъ въ сказанномъ скрытую насмѣшку, насторожился и весь натянулся какъ струна. И вдругъ пунцовыя губы, похожія на двѣ кровавыя полоски, произнесли:

— Неужели? За что-же вы ненавидите насъ?

— Только не васъ. Только не васъ, божественная,—уже не сдерживаясь, загудѣли басы юнкеровъ и оба какъ по командѣ одинаковымъ жестомъ приложили руки къ груди.— Васъ нельзя... Вамъ можно покланяться! только покланяться! Да!—продолжали они гудѣть въ одинъ голосъ.

Лидія засмѣялась. Смѣхъ у нея былъ слабый, не живой точно и всю ее поводило, когда она смѣялась.

— Правда?—извивалась она,—а вы, m-eur Маркъ, не находите этого?

— Чего?—угрюмо проронилъ Маркъ, не глядя на институтку.

— Ахъ, какая прелесть!—пришла въ неожиданный восторгъ барышня.—И въ самомъ дѣлѣ вы исключительный, m-eur Маркъ! Должно быть правду о васъ говорятъ. Не замѣчать, положительно не замѣчать женщинъ, да это чудо, что такое! Ну, не будьте-же такимъ букой. Взгляните на меня. У васъ прелестные глаза, m-eur Маркъ. Честное слово. И вообще вы самый оригинальный и красивый мальчикъ, какого я не встрѣчала. Вамъ этого еще не говорилъ никто? Нѣтъ? Садитесь же около меня и будемъ играть.

— Я не умѣю играть,—сварливо буркнулъ Маркъ и потянулъ назадъ свою руку, которой демонстративно завладѣла рука институтки. Но ея тонкіе пальцы уже впились въ его ладонь и это ощущеніе напоминало ему то, когда роговые зубцы Лизинаго гребня до крови впивались въ его кожу. Но тутъ не примѣшивалось той пріятной сладости, которая вливалась въ него тогда вмѣстѣ съ остротой боли, причиненной ему гребнемъ Лизы. И онъ снова попытался освободить руку изъ ея руки. Однако она не отпустила его и посадила около себя, на диванѣ. Отъ нее пахло чѣмъ-то душистымъ и вкуснымъ и вся она шуршала при каждомъ движеніи шелестомъ шелка и кружевъ. А на рукѣ ея поминутно позвякивали браслетки, производя музыкально-металлическій, раздражающій звукъ.

И голосокъ у нея былъ срывающійся, слабый и точно „улькающій“, какъ улькаетъ студеный ручеекъ о свое каменистое русло. Этимъ улькающимъ голоскомъ она и объяснила Марку условія игры, изъ которой онъ однако ровно ничего не понялъ. И самой игры онъ не понялъ, хотя и игралъ съ остальными.

Одному изъ юнкеровъ завязали глаза платкомъ и онъ что-то говорилъ непонятное и смѣшное, потому что всѣ хохотали до слезъ. Потомъ приставали съ тѣмъ-же хохотомъ мужчины къ барышнямъ, требуя поцѣлуевъ. Потомъ цѣловались. Эта странная игра показалась до крайности дикой Марку. Когда двѣнадцатилѣтняя Даня по приказанію того-же юнкера съ завязанными глазами повисла на его плечахъ, протягивая ему губы, онъ грубо оттолкнулъ ребенка, крикнувъ:

— Не лѣзь.

Даня въ слезахъ отпрянула отъ него.

Она видѣла, что дѣлаютъ взрослые, и ей съ дѣтскимъ любопытствомъ захотѣлось того-же. Ея губы пылали и темные глазенки разгорѣлись какъ звѣздочки. Ей было и смѣшно и стыдно и хотѣлось плакать, она сама не знала о чемъ.

Лидія Мансурова видѣла эту сценку и безмолвно поманила къ себѣ Марка.

А когда онъ, повинуясь безотчетно ея желанію, придвинулся къ ней, она смѣясь проговорила тѣмъ-же своимъ улькающимъ голоскомъ:

— Какой бука! Это оракулъ, фанты, понимаете? Игра. Вотъ и я должна тоже васъ. Вотъ-вотъ!

И прежде чѣмъ Маркъ могъ опомниться, двѣ кровяныя полоски близко придвинулись къ нему и что то остро, колко, какъ иглы боярышника, впилось въ его губы. Это длилось одно мгновеніе и отъ этого мгновенія вся комната пошла кругомъ въ глазахъ юноши.

— Вотъ вамъ, красивый, дикій, мальчикъ! — прозвучалъ въ слѣдующую минуту тотъ-же улькающій голосокъ и Маркъ почувствовалъ, что губы его снова свободны. И ему какъ-будто жаль стало, что иглы боярышника не колятъ больше его губъ. И жаль и совѣстно стало чего-то.

Онъ посмотрѣлъ на институтку.

И странно, она показалась ему красивѣе въ эту минуту, гораздо красивѣе, нежели раньше, и лицо ея смутно напомнило лицо Лизы, только въ этомъ безкровномъ лицѣ сквозила какая-то алчность и насмѣшка, что дѣлало его и страннымъ и злымъ.

И еще насмѣшливѣе и алчнѣе стало оно, когда къ ней приблизился Глѣбъ и смѣясь настаивалъ на чемъ-то.

— Чѣмъ я хуже, — говорилъ онъ, смѣхомъ прикрывая поднявшееся въ немъ глухое раздраженіе,—чѣмъ я хуже его? Или вамъ нравится духъ народа, исходящій отъ этого зеленаго болвана?

— Не злитесь. Юпитеръ, ты сердишься, ты не правъ,— тѣмъ-же неживымъ голосомъ произнесла институтка, — отъ зеленаго болвана, какъ вы изволите называть, исходитъ духъ непосредственности, прежде всего. Непосредственности и простоты. Онъ освѣжаетъ. А вы, свѣженькій, выхоленный мальчикъ, вы опасны съ вашей душистой розовой циливизаціей.

— Вы же любите сильныя ощущенія. А только выхоленная цивилизація можетъ дать вамъ ихъ!—дерзко разсмѣялся Глѣбъ и неожиданно приблизилъ свои губы къ ея губамъ.

— Глѣбъ!—не то съ гнѣвомъ, не то съ ужасомъ вырвалось у Анны, безучастно молча слѣдившей все время за ходомъ игры изъ своего угла,—это уже слишкомъ, Глѣбъ.

— Это уже слишкомъ,—подтвердилъ другой голосъ, раздраженный до бѣшенства, голосъ Лизы,—гдѣ-жъ это видано, право? Игра ужь! Срамъ одинъ, а еще барышня. Выдумаютъ тоже... Ученая еще. Стыдно вамъ! Чему дѣтей учите, Китю и Даню? Порча одна. Мерзость. А все еще книжки читаете! Да и то книжки то. Я у Кити видѣла. Срамъ, а не книжка, да.

Она задыхалась отъ волненія, и Лидія, слушая ее, задыхалась тоже. Прижавъ лорнетку къ глазамъ, она во всѣ глаза смотрѣла на злую красивую дѣвушку и нервно спрашивала у окружающихъ:

— Что съ нею? Что съ нею, право?

Но никто не отвѣчалъ ей, всѣ были подавлены дерзостью простой фабричной укладчицы къ ней, къ этой „барышнѣ“, занимающей умы.

И вдругъ голосъ Анны, всегда молчаливой и безотвѣтной, прозвучалъ разомъ въ наступившей тишинѣ:

— Правда. Лиза правду сказала. Стыдъ одинъ.

— Ну, ужь ты, святоша, молчи! — разсердился Глѣбъ и топнулъ ногою.

— Не ссорьтесь въ мое рожденіе,—ныла Китти, у которой раскраснѣлись губы и въ глазахъ горѣлъ нездоровый огонь.

И вдругъ Марку стало почему-то стыдно, до боли стыдно

за себя и остальныхъ. Блѣдное лицо институтки разомъ показалось ему противнымъ. Оно вдругъ стало похожимъ на тѣхъ куколъ съ сафьяновыми головами и густо намалеванными яркими губами. Что-то нездоровое было въ ней, что-то дряблое. Внѣ себя онъ метнулся къ Лизѣ и шепнулъ:

— Пойдемъ отсюда. Пойдемъ. Тутъ видишь что! Не мѣсто тебѣ... мнѣ... съ ними. Играютъ, видишь. А мы не умѣемъ... Для нихъ срама нѣтъ, для нихъ игра, а намъ нехорошо. Мы понимаемъ,—и потянулъ ее за руку.

Но она не поддавалась ему, потому что онъ былъ смѣшонъ, возбужденный, красный, въ своемъ мѣшковатомъ костюмѣ, купленномъ на рынкѣ за гроши. И она вырвала руку и отошла отъ него, не желая казаться такой же смѣшной какъ онъ, твердя чуть слышно:

— Уйди! Отстань! уйди!

— Что, съѣлъ, братъ?—захохоталъ Глѣбъ во все горло,—съѣлъ! Не суйся. Эхъ ты, Маркупка, глупый человѣкъ,—потрепалъ онъ его по плечу,—кабы ты въ твоей ротѣ не просиживалъ да съ Казанскимъ не путался, не такъ бы съ тобой бабы брили.

— Казанскій?—живо заинтересовалась Лидія. — Я слышала о немъ многое; нѣчто среднее между аскетомъ и пророкомъ. Новый Мессія въ наше время или Магометъ.

Маркъ насторожился. Его взглядъ впился въ Лидію: смѣется она или нѣтъ надъ его другомъ?

— Я хотѣла-бы знать о немъ подробнѣе,—добавилъ черезъ секунду тотъ-же улькающій голосокъ, — это интересно. Право.

— Не стоитъ, — произнесъ секретарь судьи, счастливый тѣмъ, что можетъ обратить на себя ея вниманіе,—онъ положительно не заслуживаетъ интереса. Человѣкъ съ огромнымъ честолюбіемъ, мечтающій о власти какой-бы ни было и гдѣ-бы ни было. Ради удовлетворенія собственнаго тщеславія онъ приводитъ пьяную орду въ надлежащее человѣку положеніе. Диктуетъ ей уставы и правила, добивается отъ спившихся животныхъ дикарей какихъ-то людскихъ достоинствъ. И все потому только, что-бы имѣть свой гоноръ и задирать носъ передъ администраціей!—закончилъ онъ съ апломбомъ.

— Неправда... Не то... — послышался глухой и рѣзкій голосъ Марка,—не то это... Зачѣмъ?.. неправда... Не для

того онъ. Отъ правды онъ все... Только отъ правды. Правда въ немъ живетъ. Вотъ что. Не знаете вы... его... А коли не знаешь и не говори,—грубо, по-мужицки докончилъ онъ свою рѣчь, бѣшенно сверкнувъ въ сторону судейскаго секретаря глазами.

— Нѣтъ, онъ прелесть что такое! — восторженно произнесла Лидія, — какова непосредственность! Развѣ что-либо встрѣтишь подобное, господа?

Маркъ дѣйствительно былъ необычайно взволнованъ. Его глаза сверкали дико, какъ у волка, лицо замѣтно поблѣднѣло и было что-то страшное въ немъ. Онъ задыхался.

Они задѣли его друга, его учителя, каждое слово котораго западало свинцовыми буквами въ его несложную простую душу.

И ему захотѣлось разсказать имъ это, доказать имъ, какъ они не правы, какъ онъ высокъ, этотъ человѣкъ, котораго они ругаютъ и не могутъ понять.

И путаясь, сбиваясь, дико, несложно заговорилъ онъ объ этомъ человѣкѣ. Откуда слова брались... До сихъ поръ Маркъ никогда не рѣшался разговаривать съ людьми. Теперь же имъ овладѣла безумная смѣлость. Теперь онъ словно забылъ о томъ, что его слушаютъ незнакомые, непонятные ему самому люди, пасмѣшливые и мелкіе и злые безъ конца.

— Казанскій большой...—отрывисто и глухо вырывалось изъ его груди.—И онъ сильный. Внутри сильный. Сильнѣе всѣхъ... И въ немъ жалость живетъ... И любовь... И въ немъ все хорошо. Все ясно... Онъ можетъ человѣкомъ быть... всякимъ человѣкомъ, который деньги большія забираетъ. Да... а онъ отъ жалости и любви въ казармѣ... въ ротѣ всю жизнь. Онъ ихъ стыдитъ... И въ воровствѣ и въ пьянствѣ стыдитъ, потому что хочетъ, чтобы и въ нихъ все хорошо было, свѣтло, какъ при солнышкѣ. А не къ тому, что-бы почетъ былъ... Ему почета не нужно. Ему отъ роты и такъ почетъ. Онъ сильный. Всего міра сильнѣе, а все отъ доброты. Отъ любви и жалости.—Слова срывались одно за другимъ и Маркъ, произносившій ихъ, точно выросъ, точно переродился. Цѣлый снопъ лучей шелъ отъ его глазъ и лица, одухотвореннаго одной мыслью и чувствомъ. И никто-бы не назвалъ теперь Марка безобразнымъ. Онъ былъ рѣшительно красивъ въ эту минуту. Онъ былъ прекрасенъ, той красотой и искрами правды, которая вѣяла отъ него.

И всѣ слушали его, потому что почувствовали эту правду. Правдой звучалъ его разсказъ, прямой и несложный, прерывистый и сбивчатый о человѣкѣ, котораго онъ считалъ совершеннымъ. И человѣкъ этотъ занялъ умы присутствующихъ на минуту.

Или, вѣрнѣе, его защитникъ, этотъ Маркъ, ставшій вдругъ смѣлымъ и прекраснымъ, занялъ вниманіе молодежи.

Но онъ кончилъ. Пылкая рѣчь его прозвучала и умерла. И весь онъ уже сталъ опять простымъ, дикимъ, ничтожнымъ Маркомъ, какимъ былъ до сихъ поръ. И завистливые, мелкіе люди уже не могли простить ему его минутнаго успѣха.

И къ такимъ людямъ принадлежалъ Глѣбъ, потому что, когда Маркъ смолкъ и, словно потерянный, оглядывался вокругъ себя, Глѣбъ заговорилъ насмѣшливо и жестко:

— Вѣрно твой Казанскій и отдалъ тебѣ часть своей любви, что ты такъ врѣзался въ Лизу.

— Врѣзался въ Лизу! Да, да, Маркъ любитъ Лизу. Маркъ любитъ Лизу!—зазвенѣли въ тонъ брату голоса дѣвочекъ.

И веселый женскій смѣхъ сначала тихо, какъ чуть слышная серебряная струнка, зазвенѣлъ по комнатѣ; онъ усилился замѣтно и къ нему присоединились густые перекаты мужскихъ басовъ и все слилось въ одинъ громкій вибрирующій сплошной гулъ быстро наростающаго дикаго хохота. Хохотали всѣ, хохотали бѣшено, заразительно, громко. И было что-то нездоровое, злое, торжествующее въ этомъ смѣхѣ, что-то обидное и ударяющее по сердцу.

И былъ въ немъ ядъ зависти и насмѣшки ко всему, что можетъ и умѣетъ любить. Что-то стихійно-больное было въ ней. Какъ будто толпа безобразныхъ фурій собралась справлять свой сатанинскій шабашъ въ лѣсу и кружилась и бѣсновалась въ такомъ смѣхѣ.

Молодежь бываетъ жестока порой и впечатлительность ея бываетъ мертвой.

И теперь въ ней умерла ея чуткость. Ее задушилъ смѣхъ.

И со всѣхъ сторонъ несся этотъ хохотъ, и неудержимой волной вливался онъ всюду и заполнялъ собою все. И все сливалось въ одномъ сплошномъ хаосѣ этихъ звуковъ, до боли обидныхъ, торжествующихъ, злыхъ.

Передъ глазами Марка какъ въ кошмарѣ снова заалѣли пунцовые рукава Лизиной кофточки, и опять лицо, блѣдное,

безъ кровинки, съ синими бьющимися жилками и кровяными губами наклонялось къ нему и спрашивало что-то, безобразно корчась отъ смѣха. И въ то же время чей-то знакомый голосъ подъ пресѣкающимися ежеминутно и вновь возрастающими звуками смѣха съ новой силой разсказывалъ исторію рогового гребня и золотого волоса, неожиданно ставшую достояніемъ улицы.

И новый взрывъ хохота, потрясающій, неумолимый, покрылъ все. Онъ усиливался съ каждой минутой, превращался въ сплошной гулъ и становился невыносимымъ. Было что-то безобразное въ немъ, что-то отталкивающее. И сама молодость заглохла, казалось, исчезла безъ слѣда въ этихъ звукахъ оргійнаго веселья. И изъ волнъ его поднимался одинъ порокъ, торжествующій, властный и нагой. Онъ выглядывалъ отовсюду: и изъ двухъ кровяныхъ полосокъ на блѣдномъ лицѣ, и изъ складокъ бѣлыхъ платьицъ, надѣтыхъ на дѣвочекъ, казавшихся до этого невинными и чистыми, и отъ самой атмосферы комнаты рождался онъ въ милліардахъ бактерій, невидимыхъ и неощутимыхъ для взора.

И разомъ показался онъ на глаза Марку въ этомъ хохотѣ насмѣшливаго торжества.

Не отдавая себѣ отчета, онъ бросился отъ него прочь, какъ отъ заразы и безумія. А хохотъ понесся за нимъ вдогонку, не отставая, наполняя его уши визгомъ и гуломъ, а сердце отчаяніемъ, бѣшенствомъ и стыдомъ.

Когда онъ былъ уже за садомъ на обрывѣ берега, куда вынесла его эта сатанинская волна, и разбитый, истерзанный, упалъ на траву, влажную отъ ночной росы, хохотъ умолкъ какъ будто или онъ самъ ушелъ отъ него далеко и уже не слышалъ его. И онъ замеръ такъ, прислушиваясь къ тому, что жило въ немъ и что казалось теперь чудовищнымъ, когда они осмѣяли его и все чистое въ немъ.

XII.

Такъ онъ лежалъ долго на влажной травѣ, уничтоженный и смятый, до тѣхъ поръ, пока легкое прикосновеніе къ плечу не разбудило его.

Тогда онъ вскочилъ, какъ дикій звѣрь, готовый къ самозащитѣ.

Была ночь. Было темно. Иллюминація потухла и рѣдкія капли дождя, падая на землю, возвратили ему сознаніе. Бѣлая фигура, показавшаяся ему призракомъ, наклонялась къ нему.

— Не бойся. Я это. Они тамъ, а я пришла. Я—Анна!—послышался вздрагивающій голосъ.

— Зачѣмъ ты?—удивился Маркъ, ничего не понимая.

— Не знаю. Жалко стало. Какъ всегда, жалко. Пойдемъ. Когда душа болитъ, ходить лучше. У меня душа всегда болитъ, когда я вижу, что люди злые. И у тебя болитъ. Я знаю. Вотъ и пришла. Ты не бойся. Я смѣяться не буду. Ты бѣдный. Я тоже. Мы оба одинаковые, и оттого намъ легче вдвоемъ.

Маркъ машинально прислушивался къ ея голосу, какъ прислушивается сонный человѣкъ къ явленіямъ извнѣ. И почему-то словно во снѣ припомнился фактъ изъ далекаго дѣтства. Глѣбъ и дѣвочки говорили ему, что интересно было-бы послушать, какъ поютъ лебеди, и что поетъ лебедь только разъ въ жизни, передъ смертью, и его охватило жгучее любопытство узнать, правда-ли это. Онъ взялъ ножъ и пошелъ на прудъ. Но когда онъ рѣзалъ, подстрекаемый любопытствомъ, горло лебедю, онъ не слышалъ его пѣсни, потому что въ воздухѣ висѣлъ крикъ, пронзительный крикъ и плачъ Анны, посылавшей ему проклятія. И когда они встрѣтились снова, ему стало стыдно ее и жалость къ ней и къ лебедю прожгла его сердце.

Онъ вспомнилъ все это сейчасъ съ поражающей ясностью и это воспоминаніе точно приблизило его къ Аннѣ, выросшей такой-же одинокой и ненужной, какъ и онъ самъ. И не отдавая себѣ отчета, онъ покорно послѣдовалъ за нею отъ обрыва въ темную мглу іюльской ночи.

— Они злые,—говорила Анна, быстро шагая о бокъ съ нимъ,—потому что они никого не любили, только себя. У нихъ пустота въ душѣ. И у Лидіи, и у Глѣба, и у Китти. Грѣха въ нихъ много. Отъ праздности ихъ грѣхъ. Имъ молиться надо, думать, а они... Богъ милостивый. Онъ поможетъ... Когда много молишься о чемъ, Онъ помогаетъ всегда. Только вѣрить надо. И ты вѣрь, Маркъ! Вѣришь ты?—неожиданно обратилась она къ юношѣ.

Тотъ отрицательно покачалъ головою.

— Нѣтъ. Когда меня били до смерти, Онъ-бы заступился, а Онъ молчалъ! Значитъ, Его нѣтъ.

— Молчи, молчи,—испуганно зашептала Анна,—Онъ молчитъ потому, что тебя не знаетъ, а ты покажись Ему, приди къ Нему. Онъ узнаетъ и поможетъ. Онъ вездѣ будетъ, гдѣ ты, и будетъ съ тобой.

— Казанскій говоритъ,—снова глухо заговорилъ Маркъ,—что въ насъ самихъ и есть Богъ. И онъ въ церковь не ходитъ и не молится. А какой онъ умный, большой!.. Ты не знаешь его: выше всѣхъ. Онъ говоритъ, что правда и Богъ то же самое. И совѣсть имѣть—это то же, что имѣть Бога.

— Онъ отвергаетъ церковь и это нехорошо. Молиться надо. Такъ хорошо будетъ. Праздникъ на душѣ. Вотъ Казанская подойдетъ,—и голосъ Анны дрогнулъ отъ волненія,—икону поднимутъ, хоругви. И всѣ молиться будутъ. И я... Я книгу прочла... Хорошая книга. Во Франціи, въ Лурдѣ люди больные молились, прося исцѣленія. И дѣвушка тамъ одна между ними... безъ ногъ. Все молилась, чтобы поправиться... И помогло. И я тоже буду... Подъ иконами пройду, чтобы исцѣлиться. Глаза болятъ, на тѣлѣ струпья постоянно. Больно, непріятно... Золотушная я. Не лѣчили. Богъ поможетъ. Вылѣчитъ Богъ.

Дождь сталъ накрапывать сильнѣе. Они незамѣтно дошли до гарнизонныхъ казармъ, тянувшихся въ предмѣстьѣ, и повернули обратно.

Машинально держа другъ друга за руки и даже не чувствуя этого, они шли, задохшіеся отъ скорости ходьбы, смятые дождемъ, одинокіе, шли прямо въ ночь.

И ночь накрыла ихъ какъ заботливая мать, и не видя другъ друга, они шли, странно сблизившіеся въ одномъ общемъ одиночествѣ, оба маленькіе среди этой большой черной ночи, оба затерянные среди огромнаго чужого міра, и оба съ смутной жаждой иной, болѣе отрадной доли.

— Вотъ эта Мансурова...—помолчавъ, снова начала Анна,—она говоритъ, что религія это условность... Что легко человѣку живется отъ него самого. И все книжки читаетъ, такія нечистыя... И сестрамъ даетъ. Оттого и мается. Больная... Чахоточная... А все отъ грѣха... Въ насъ Богъ долженъ быть... а не гордость... И не любовь...

— Любить хорошо,—произнесъ Маркъ.—Казанскій говоритъ, что въ любви правда. И отъ нея свѣтло.

— Я про другую любовь, про ту, что въ книжкахъ. Эта

дурная. Ты Лизу любишь? — спросила неожиданно Анна и въ голосѣ ея дрогнуло замѣшательство,—а ее не надо любить. Она дурная.

— Всѣ дурные,—угрюмо проговорилъ Маркъ.

— Она дурная,—упрямо повторила Анна,—сестры и наши не знаютъ, а я знаю. Она по вечерамъ, когда всѣ спать лягутъ, къ Глѣбу ходитъ. Это нехорошо. Хромой отъ нея отказался и назвалъ ее обидно. Я слышала. И съ Глѣбомъ они цѣлуются. Не люби ее.

Тѣло Марка вздрогнуло, какъ подъ ударомъ ножа. Онъ все еще надѣялся, все не вѣрилъ, а теперь... Впрочемъ, мука его была остра, но не продолжительна на этотъ разъ. Онъ уже пережилъ свою любовь и утопилъ ее въ томъ смѣхѣ, которымъ осмѣяли его сегодня. Только остались еще боль да зудъ и острая жалость къ этой любви и къ тому, что она была прекрасна и прошла. И этого прекраснаго ему было жаль. И вспомнивъ о томъ прекрасномъ, онъ всколыхнулся и зажегся весь. И щеки его загорѣлись, когда онъ подумалъ о Глѣбѣ и Лизѣ и о томъ, какъ цѣловались они.

И опять они шли молча, каждый поглощенный своими мыслями въ одномъ общемъ долгомъ молчаніи.

Потомъ Анна снова проговорила:

— Вотъ придетъ Казанская... Поднимутъ икону... и я, дастъ Богъ, исцѣлюсь. Мнѣ такъ вѣрится... Я сестрамъ говорила. Онѣ смѣются. А я знаю. А смѣются потому, что въ нихъ вѣры нѣтъ. А у меня есть. Я молюсь.

Начинало свѣтать. Дорога забѣлѣла въ медленно тающей мглѣ. Контуры деревьевъ таинственно обозначались по ея краямъ. Ночь уже не казалась такой безысходно темной и тяжелой, какъ прежде. Въ ней виднѣлся просвѣтъ. Дождь пересталъ.

Анна, зябко кутаясь въ платокъ, шла, тяжело передвигая отсырѣвшія ноги. И дума ея была тяжела и неотступна какъ кошмаръ. Все одна, все одна и та же: придетъ Казанская и она исцѣлится. Лишь-бы пройти подъ иконой, а тамъ... Дальше не шла мысль, мысль, тяжелая какъ кошмаръ.

И Маркъ думалъ все о Лизѣ, все о Лизѣ, и о той темнотѣ, которая наполняла его теперь. А щеки все горѣли сильнѣе и сырая прохлада ночи не освѣжала ихъ.

Изъ того сатанинскаго хохота поднялось и выросло злое,

мучительное чувство. Оно опутывало его и всасывалось во всѣ его поры. И онѣ наполнились имъ и весь онъ наполнился этимъ чувствомъ. И было ему оттого нехорошо и жарко, какъ въ горячкѣ. И въ немъ нарастало зло, больше его самого, больше мѣры.

Когда они подходили къ фабрикѣ, въ управительскомъ домѣ все еще горѣли огни.

Изъ оконъ неслись звуки рояля, прекрасные издалека, но, услыша ихъ, Маркъ схватилъ свою спутницу и потянулъ ее обратно.

Все прекрасное казалось ему теперь отвратительнымъ и ложнымъ, какъ сонъ. И люди, и звуки, и чуть-ли не природа, потому что во всемъ прекрасномъ онъ различалъ тлѣніе зла.

Когда они были у моста, высокая женская фигура неожиданно вынырнула изъ-за деревьевъ сада и преградила имъ дорогу.

— Лиза!—вскричали они оба разомъ и отступили на шагъ.

— Ну, да, Лиза!—передразнила она ихъ раздраженно.—Ну, и что-жъ изъ того? Лизой крестили, Лизой и буду. Я то Лиза, а тебѣ вотъ стыдно по ночамъ гулять съ мальчишкой. Ты барышня. Домой ступай. Отецъ сердится. Выдумали тоже... Ночь... слякоть... чернота...

— Не твое дѣло,—грубо оборвалъ Маркъ,—не суйся. Анна, не слушай ее. Не смѣетъ она ничего. Она дурная. Такъ и скажи отцу, какая дурная она. Онъ ее тогда метлами отъ васъ... Да...

Маркъ говорилъ грубо, обрывисто, бранчливо, какъ мужикъ, вылавливая изъ себя то зло, которое накопилось въ немъ въ избыткѣ.

— Вотъ дуракъ! Да чего ты?—пожимаясь отъ холода, протянула недоумѣвающе Лиза и вдругъ шепнула такъ, что онъ одинъ могъ ее услышать:—У меня дѣло до тебя есть. Прогони ее, Анну.

И вдругъ все раздраженіе Марка разомъ куда-то исчезло, какъ разомъ стало невыносимо ему и самое присутствіе Анны. Забывъ и свою жалость къ ней и ихъ общее одиночество, онъ сказалъ:

— Ты, Анна, ступай... ты барышня... Она правду сказала... Увидятъ... Не хорошо. Ты ступай... Отецъ еще узнаетъ. Нехорошо.

— А она дурная! Все-таки знай, что дурная она. Ты берегись, Маркъ! — послышался изъ тьмы сада удаляющійся голосъ Анны.

— Ишь, уродъ паршивый,—послала за ней вдогонку Лиза, —никто не глядитъ на нее, вотъ и бѣсится. Въ дѣвкахъ останется, дура. Не злись!.. Уродъ этакій. Туда-же! Отецъ дома?—неожиданно оборвала она себя.

— Не знаю. Да. Спитъ,—отвѣчалъ онъ, не понявъ вопроса.

— Ну, ладно!—усмѣхнулась она въ полутьмѣ.—Пусть спитъ, коли спитъ. Къ тебѣ нельзя. А мы на берегъ пойдемъ. Хорошо? Встанетъ солнце. Будемъ глядѣть, какъ солнце встаетъ. А?—что-то лукавое, что-то подзуживающее было въ ея словахъ и когда онъ, невольно повинуясь, пошелъ за нею, она обернулась къ нему нѣсколько разъ и тихо засмѣялась надъ чѣмъ-то, чего Маркъ не зналъ и не понялъ, невольно раздражаясь звуками этого страннаго смѣха.

Рѣка спала. Берегъ спалъ. И противоположный берегъ спалъ тоже. Былъ какой-то намекъ на разсвѣтъ, но до разсвѣта было еще далеко. Все спало, но сонъ природы былъ чуткъ и блѣденъ, какъ тщетная обманчивая греза.

Лиза сѣла на большой камень у обрыва надъ берегомъ, сырой отъ дождя, сѣла и тотчасъ же встала, почувствовавъ его сырость.

— Ты вотъ что, ты сядь. А я на колѣни къ тебѣ. Нуже садись, когда говорятъ. Тюлень.

И съ тѣмъ-же тихимъ раздражающимъ смѣхомъ она толкнула его на камень, а когда, потерявъ равновѣсіе, онъ почти упалъ на него, разомъ сѣла къ нему на колѣни и, обвившись руками вокругъ его шеи, заговорила:

— Ты что-же удралъ? Что смѣялись они? Глупо это! Ей Богу, глупо! Собаки они. Зря все. А самимъ завидно. И барышня эта лядащая завидуетъ и ой-ой какъ еще! Думаешь нѣтъ? Какъ-же, видала я, какъ она глазами-то тебя лопала. Тоже. А сама холера. Какъ есть холера. Три капли крови изъ нея не высосешь. Чахоточная. И на такую-то, Господи, мужчины смотрятъ. Пѣтухи!—И она звучно сплюнула въ сторону.

Марку было едва видно ея лицо, бѣлѣвшее въ полумракѣ. Но оно казалось прекраснѣе оттого, какъ бываетъ

прекрасна мечта далекая, смутная, неуловимая. Ему близко сіяли ея глаза, большіе, потемнѣвшіе, черные теперь въ полутьмѣ.

И точно больное, точно раненое чувство его къ ней исцѣлялось въ немъ, разростаясь съ каждой минутой. И къ нему примѣшивалось что-то новое и сильное, какъ стихійная волна. Что-то выше его. Что-то роковое. Оно жгло его тѣло, сушило губы, затаивало дыханіе, и онъ почти задыхался, хватая и проглатывая воспаленными губами прохладу ночи. Большое, сильное, здоровое тѣло Лизы всей своей тяжестью давило ему на ноги и сквозь дешевенькую легкую ткань платья ему сообщался жаръ ея тѣла, молодого, упругаго и горячаго какъ огонь. Руки его сами собой поднялись, чтобы сжать ея тонкую талію, стянутую корсетомъ какъ у барышни. Потомъ потянулись къ ея плечамъ и замерли на нихъ, впиваясь въ шелкъ лифа.

Въ немъ просыпался звѣрь, спавшій до сихъ поръ подъ той стыдливостью отчужденія, которое онъ чувствовалъ къ людямъ.

Теперь, держа Лизу на колѣняхъ, онъ сознавалъ только одно: что она здѣсь.

И жгучая радость клокотала въ немъ, жгла его, доводя почти до мучительнаго ощущенія сладкой боли.

А Лиза все больше и больше прижималась къ нему, не замѣчая его состоянія, и безпечно болтала какъ ребенокъ.

— Они хохотали, — говорила она, — потому что зависть ихъ разобрала. Пуще всѣхъ Лидію эту. И ты на нихъ наплюй. А только мнѣ скажи одно, правда это, про гребень? И про волосъ тоже... А я думала зря... Не догадалась. А они подглядѣли... Свиньи. Да ничего. Пусть. Ты-то, глупенькій ты мой. Какъ любитъ тоже!

И разомъ вся извернувшись въ его рукахъ, она поцѣловала его прямо въ губы звонкимъ и сочнымъ попѣлуемъ.

Этотъ поцѣлуй сжегъ его—и силой страсти и силой ревниваго бѣшенства и муки.

Онъ вдругъ вспомнилъ все, что говорилъ ему тогда машинистъ у метрольезы, что говорила ему сейчасъ ночью Анна.

И онъ оттолкнулъ Лизу такъ грубо отъ себя, что она упала какъ камень, тяжело и мѣшковато, на мокрую траву.

— Дрянь ты! — вскричалъ онъ въ внезапномъ приливѣ

бѣшенства,—съ Глѣбомъ накостничала... — и онъ прибавилъ обидное, скверное слово.

Но она приняла его, какъ должное. Въ ней не было ничего, кромѣ жажды удовлетворенія и больной изголоданной злобы и на Глѣба, охладѣвшаго къ ней; и на Михайлу Хромого, отказавшагося закономъ прикрыть ея грѣхъ.

Этотъ дикій, заброшенный на произволъ жизни, но сильный, здоровый, крѣпкій юноша, который любилъ ее такъ свѣжо и сильно, оказывался лучше многихъ, кого она знала.

И потомъ Лидія Мансурова нашла его красивѣе и заманчивѣе всѣхъ этихъ „господскихъ“ и занималась имъ однимъ весь вечеръ, а Лиза не могла не признать авторитета столичной барышни, о которой говорили всѣ.

Лидія сказала; „Маркъ красивъ. Значитъ, Маркъ былъ красивъ на самомъ дѣлѣ. Она цѣловала его. Значитъ, Маркъ достоинъ поцѣлуевъ. Да и потомъ, когда онъ такъ пылко, горячо говорилъ объ этомъ Казанскомъ, онъ казался красивымъ даже ей самой, Лизѣ, казался лучше всѣхъ и въ томъ числѣ Глѣба во сто разъ. Къ тому же отъ Глѣба, пресыщеннаго ея ласками и увивающагося вокругъ институтки, ждать было нечего.

А Маркъ, захоти она только...

Къ тому-же Маркъ баринъ и по родству не хуже Глѣба. А что онъ бѣденъ, такъ это не страшно, когда владѣешь парой такихъ сильныхъ здоровыхъ рукъ, которыя только что сжимали ее какъ клещами.

И приподнявшись съ травы, она подползла къ Марку, какъ змѣя, протягивая къ нему свои полныя руки.

— Маркъ, Маркъ, не вѣрь ты имъ, — молила она голосомъ, полнымъ несбыточной ласки. — Никому не вѣрь, Маркъ. Все злоба. Все людская злоба... Ей Богу. Ни Глѣба я не знаю, никого. Росли вмѣстѣ, Дружили. Какъ ты, такъ и онъ. Ну... Ахъ, глупенькій, глупенькій. Право. Да развѣ-бы допустила я себя до того. Со свѣта-бы сжили меня. Люди кругомъ. Да и баринъ. Вѣдь у барышень бываю. Почти что подруги мы. Такъ допустили-бы если-бъ такъ? А Хромому налгали. Ей Богу. Вѣришь... Ну, чѣмъ хочешь, поклянусь.

Но Марку не надо было ея клятвъ... Она тянулась къ нему отъ земли къ камню, на которомъ онъ сидѣлъ весь полный накипавшаго въ немъ пламени страсти. И Марку каза-

лось, что это не она, а самая радость тянется къ нему и зоветъ его къ себѣ и манитъ и что только тамъ, гдѣ она, тамъ и есть жизнь. И обойти ее нельзя, потому что она прекраснѣй всей жизни, всей любви. Покоренный тѣмъ, что властно наростало въ немъ непобѣдимое, онъ опустился на землю и обнялъ Лизу. И руки его жадно искали ея тѣла подъ легкой, насквозь пропитанной сыростью тканью одежды, а губы примкнули короткими алчными поцѣлуями къ ея волосамъ, золотившимся во мракѣ, къ ея глазамъ, чуть испуганнымъ, но манящимъ, къ ея губамъ, протянутымъ ему. Въ виски стучало. Сердце билось, все огненное, все полное до краевъ. И въ своемъ безумномъ порывѣ онъ, этотъ загнанный, забитый и осмѣянный людьми дикарь былъ чистъ и прекрасенъ какъ ребенокъ. Много чище и прекраснѣе Лизы и другихъ подобныхъ ей. И она поняла это. И если не было въ ней любви, то страсть его не могла остаться безотвѣтной, страсть, не затронутая еще никѣмъ.

И вдругъ она заплакала, неожиданно для самой себя, чувствуя сожалѣніе къ себѣ самой, и къ своей молодости, и уязвленному самолюбію, и къ чему-то хорошему, чего она не была достойна, но что было въ немъ, въ его чистотѣ. Она была растрогана его любовью. И жалѣла его.

Но онъ уже не чувствовалъ ея добрыхъ слезъ. Онъ былъ слѣпъ и нѣмъ ко всему, что не было ея тѣломъ, ея несравненной красоты.

Когда солнце вставало, багровое какъ кровь, на востокѣ, онъ, насыщенный ея ласками и все еще жаждущій ихъ, сказалъ:

— Ты... смотри... Ты мнѣ жена теперь... Жена. Поняла. И если Глѣбъ, либо Хромой опять... Я не знаю... Только ты слушай... Я тебя убью... А теперь ты жена моя. Вотъ что.

И обнялъ ее еще разъ сильнымъ, крѣпкимъ объятіемъ, причиняя ей и боль, и сладость и наполняя ея сердце и гордостью и смутной тревогой заразъ.

XIII.

Подплыла Казанская и маленькій городъ всколыхнулся всѣмъ своимъ большимъ нервомъ. Съ утра загудѣлъ колоколъ городской церкви, ему отвѣтилъ лязгающій перезвонъ надъ

часовней Цѣлительницы у пароходной пристани, а далеко надъ сине-черной Ладогой простоналъ голосъ крѣпостного колокола. И все слилось въ одинъ общій голосъ, къ которому присоединились звуки церковнаго пѣнія и голоса народа, собравшагося на улицахъ въ этотъ день.

Главный священникъ арміи и флота совершилъ литургію въ крѣпостной церкви, залитой народной волной.

Другая волна, вдвое большая и медленно колыхающаяся какъ море, собралась въ городѣ въ ожиданіи процессіи.

И когда крестный ходъ показался въ сіяніи свѣтлаго іюльскаго утра со всѣми своими сверкающими на солнцѣ иконами, хоругвями, ризами и образами, все это живое море всколыхнулось и затрепетало, точно рябь моря, проползшая по его поверхности.

Впереди несли Владычицу. И глаза всѣхъ направлялись къ ней, окруженной древками хоругвей, къ Ней, золотой, сверкающей, ясной.

Икона Цѣлительницы плыла по свѣтлому фону утра и народъ стремился волной позади Нея, по бокамъ Ея, и сзади цѣлымъ моремъ головъ, цѣлымъ большимъ моремъ. Впереди, на встрѣчу Ей строилась длинная шеренга людей по одному человѣку въ рядъ, извилистая и тонкая какъ исполинская змѣя. И такъ далеко, далеко Владычица плыла надъ этой шеренгой пригнутыхъ головъ и спинъ, которымъ не предвидѣлось конца, казалось.

Слышались голоса кликушъ, слышались стоны придавленныхъ, слышались возгласы молящихся. И все покрывало пѣніе, чистое и прекрасное, еще болѣе увеличивающее своими хрустально-чистыми и гулкими звуками восторженный фанатизмъ толпы. Народъ двигался подъ это пѣніе, простое и несложное какъ самое настроеніе толпы, прекрасное какъ вѣчность, какъ безсмертіе, силой вѣры и духа.

Народъ шелъ, вѣровалъ и молился и вѣрилъ въ стихійное великолѣпное начало Божества, вѣрилъ въ милость Его безконечную. Наивно, свято и хорошо вѣрилъ и въ сердцахъ, полныхъ радости и въ глазахъ, полныхъ слезъ. Народъ пришелъ молиться, потому что потребность его была въ молитвѣ велика. Пришелъ молиться, побѣжденный ея призывомъ. И радость вѣры и сознаніе необходимости въ ней была дѣтски хороша въ этой живой простотѣ.

У оконъ управы сидѣла интеллигенція маленькаго города, жадная до зрѣлищъ, зрѣлищъ народа преимущественно, того народа, котораго она чуждалась и не знала, и слиться съ которымъ не хотѣла и не могла.

Окруженная своей свитой сидѣла Лидія Мансурова и скучающимъ усталымъ взглядомъ сквозь лорнетъ смотрѣла на толпу. Въ душѣ дѣвушки наростала тоска, сознаніе безцѣльности жизни и отчужденности отъ всего того, что было передъ ея глазами. Въ девятнадцать лѣтъ она устала, чувствуя себя разбитой. Въ институтѣ ее не любили и боялись за быстрый умъ и умѣнье понимать и осмѣять недостатки другихъ. И умная она была и злая, злая не по сердцу, а отъ ума. Она считала себя хуже и выше другихъ и это давало ей апломбъ и гордость. Она казалась выродкомъ среди другихъ своихъ сверстницъ и нимало не заботилась объ этомъ. Уже разъ заговорившій въ ней инстинктъ саморазвитія не могъ ни заглохнуть, ни остановиться ни передъ чѣмъ и она шла все впередъ и впередъ, смѣясь надъ своими сверстницами и подругами, полная безнадежнаго отчаянія сдѣлать ихъ похожими на себя. И всюду и всѣмъ она была странно нужна. Всюду чужая и здѣсь и вездѣ. Душа у нея была богата обиліемъ впечатлѣній и жаждой все понять, все узнать и испытать. Къ ней приковывались взгляды, ею интересовались, въ нее влюблялись, ей завидовали и подражали, и мужчины и женщины и дѣти, потому что она была особенная, не такая какъ всѣ. Но за глазами ее осуждали ея друзья и сверстницы, осмѣивали въ ней то, за что преклонялись передъ ней за минуту до того. И она знала это и мстила имъ, какъ могла, забрасывая въ ихъ души сомнѣнія, заманчивыми контурами обрисовывая то, что тщательно скрывалось отъ нихъ, заставляя подняться спавшее воображеніе и дѣлая ихъ смѣшными. Иногда она старалась поднять въ нихъ ту жажду, которая кипѣла въ ней. Не изъ мести уже, а отъ избытка жизни, которая била ключомъ въ ея тщедушномъ тѣльцѣ. Она думала, что разовьетъ въ нихъ самое себя и обманывалась, такъ какъ онѣ, эти ея сверстницы, были мельче и глупѣе и безсодержательнѣе ея.

Въ наукѣ жизни онѣ находили прежде всего грязь и пошлость, къ которой стремились, какъ бабочки на огонь. И въ мужчинахъ она искала сильнаго, могучаго, гигантскаго роста

чувства, а они подносили ей лишь жалкіе обглодки того, что оставалось отъ другихъ.

Единственный Маркъ, кого она встрѣтила отвѣчающимъ ея запросу, казался ей непосредственнѣе и чище другихъ, но Маркъ былъ чужой. И любовь его была чужая.

Когда она узнала его исторію о золотомъ волосѣ и гребнѣ, исторію его любви, ей хотѣлось заплакать отъ зависти къ этой толстой, здоровой, красивой дѣвкѣ, сумѣвшей заронить въ его сердце любовь. Но она не умѣла плакать. Она хохотала надъ нимъ, хохотала зло, до изступленія... Ей хотѣлось именно такой любви... Именно такой прекрасной, сильной и поэтичной, какою въ ея обществѣ не умѣли и не могли любить. Отъ тоски она занялась Глѣбомъ, но Глѣбъ былъ слишкомъ пошлъ и разсчетливъ, чтобы не опротивѣть ей. Онъ искалъ въ женщинѣ только тѣла или ничего не искалъ. А ея нервная экспансивная натура требовала иныхъ, болѣе сложныхъ ощущеній. И скучно ей было и тоскливо. Грудь болѣла... Фантазія притуплялась... Не хотѣлось жить. Молодости, красоты не хотѣлось. Ее тянуло уйти куда-нибудь изъ чаднаго, удушливаго, маленькаго города, отъ жизни, уйти вообще дальше... совсѣмъ.

Глѣбъ тоже скучалъ. И сейчасъ скучалъ... Лидія обманула его ожиданія. Лидія больше обѣщала, чѣмъ могла дать. Онъ гулялъ съ нею, катался верхомъ, состоялъ ея „attaché“, какъ она смѣясь говорила; наединѣ цѣловалъ ея губы—эти двѣ кровяныя полоски, неудержимо притягивающія его къ себѣ, и читалъ ей книги, гдѣ все была смѣлая любовь, любовь безъ удержу, выше условности и предубѣжденій... А когда онъ потребовалъ у нея такой точно любви, она разсмѣялась. Она не Лиза, и взять ея любовь нельзя; ее можно заслужить. А Глѣбъ не имѣлъ охоты заслуживать. Онъ, жадный и прямой въ своей чувственности, предпочиталъ томиться, дуться и скучать. И снова имъ овладѣла мысль о Лизѣ. Лизу можно было любить просто и легко безъ той сложной духовной махинаціи, которой требовала отъ него замысловатая душа Лидіи. И потомъ, любя Лизу, онъ не рисковалъ ничѣмъ. И онъ снова остро жаждалъ Лизы и досадовалъ на себя, что упустилъ ее, здоровую, сильную, красивую той животной, выпуклой красотой, которая дразнила его воображеніе и чувственность.

И теперь, сидя за плечами Лидіи, онъ думалъ о Лизѣ и искалъ ее глазами и нашелъ въ толпѣ.

Маркъ и Лиза были на улицѣ. Къ нимъ присоединилась ускользнувшая отъ семьи Анна.

Анна была невмѣняема всѣ эти дни, надѣясь и сомнѣваясь и снова надѣясь на неизбѣжное. Вся дрожащая, блѣдная какъ смерть стояла она подлѣ Марка на краю дороги въ ожиданіи процессіи. И губы ея шептали, съ смутнымъ сознаніемъ того, что говорятъ:

— Вотъ Она подплыветъ... Близко уже Она... И когда подплыветъ и взглянетъ, тогда исцѣлитъ. И отъ глазъ и отъ струпьевъ, какъ ту дѣвушку въ Лурдѣ... Только-бы взглянула. И тогда исцѣлитъ... Знаю и вѣрю! Вѣрю! Вѣрю! Господи! Я вѣрю въ это! Пойми!

Она была какъ безумная. Маркъ держалъ ее крѣпко подъ локоть, такъ какъ она вся рвалась впередъ, въ толпу. Другой рукой онъ держалъ Лизу и, искоса взглядывая на нее, любовался ею. Лиза казалась ему еще лучше теперь, съ тѣхъ поръ какъ принадлежала ему. Она точно вошла въ его кровь и для нея одной бились теперь его пульсъ и сердце. Она вошла въ это сердце и одна наполнила его до краевъ. Даже образъ Казанскаго потускнѣлъ передъ нею и стоялъ туманный и далекій сейчасъ. И любовь къ нему куда-то отступила, уступая дорогу его новой любви.

Онъ уже не чувствовалъ благоговѣйнаго трепета передъ нимъ, Казанскимъ, и какъ-бы сжился съ нимъ. Его любовь къ Лизѣ какъ-то сравняла ихъ, потому что казалась такою-же сильной, какъ та, что горѣла въ сердцѣ Казанскаго. Такъ думалъ Маркъ и гордился огромной силой своей любви.

Въ ту самую минуту, когда Цѣлительница была уже на разстояніи сорока шаговъ, и Анна, вся закипая въ своемъ неудержимомъ экстазѣ, задыхаясь отъ слезъ потянулась къ Ней, Маркъ увидѣлъ или, вѣрнѣе, почувствовалъ Казанскаго за плечами, позади себя.

— Здравствуй!—сказалъ тотъ.

— Здравствуйте! — отвѣчалъ Маркъ и опять Казанскій показался ему простымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ онъ самъ и какъ всѣ, кто были кругомъ нихъ, и какъ другу и обыкновенному человѣку онъ сказалъ ему радостно и гордо, указывая на Лизу:

— Вотъ жена моя! она—жена моя!—повторилъ онъ еще разъ, упиваясь музыкой этихъ словъ.

Лиза засмѣялась. Казанскій улыбнулся вдумчиво и свѣтло. Это хорошо, — сказалъ онъ,—гдѣ любовь, тамъ люди. Молиться пришли?—обратился онъ съ вопросомъ къ дѣвушкѣ.

— Молчите!—вдругъ изступленно вскричала Анна, о присутствіи которой они позабыли всѣ трое,—молчите вы! Идетъ Она! Идетъ! Близко ужь.

И вдругъ глаза ея расширились отъ благоговѣйнаго ужаса. Она схватила руку Казанскаго и заговорила задыхаясь и волнуясь, чуть внятно, почти неслышно:

— Вотъ вы такой... И Маркъ говоритъ и всѣ... Вы умны и сильны... Вы понимаете все... Скажите, исцѣлюсь я? Да? Глаза... золотуха... И вся я слабая, больная! Бога люблю. Богъ исцѣляетъ... А меня? А меня? Исцѣлитъ Онъ, спрашиваю я?

Глаза у нея воспалились, покраснѣли. Бѣлесоватыя рѣсницы замѣтно слиплись отъ присохшаго къ нимъ гноя. Все лицо, блѣдное, какъ известь, подергивалось судорогой и ждало.

— Я не пророкъ!—сказалъ Казанскій тихо и внушительно,— я и не вѣрующій, то-есть не такъ вѣрую, какъ надо... какъ всѣ. Въ то, что во мнѣ есть, въ то я вѣрю, а не въ то, что извнѣ. А только думаю, чего человѣкъ хочетъ, достичь можетъ того всегда. Не по писанію, нѣтъ, а потому, что внутри его говоритъ. Надо себя пересилить вѣрой, душой, всѣмъ. Надо приказывать себѣ...

— И исцѣлитъ тогда? Исцѣлитъ, говорите вы?—приставала Анна, впиваясь въ него сухими воспаленными глазами.

— Не знаю. О здоровьѣ не знаю. Я про душу говорю! Что нужнѣе? Тѣло или душа? Нужнѣе душа. Безъ нея нельзя. Она побѣждаетъ, а не кости и мясо и кровь. Такъ думаю. Тѣло ни къ чему. И все равно, какое оно. Вамъ зачѣмъ оно?

— Она любить хочетъ! Замужъ выйти... — насмѣшливо усмѣхнулась Лиза.

— Глупая!—вскричала Анна,—глупая, здоровая. Оттого что здоровая... Какъ звѣрь... Пусти меня, пустите меня!—И неожиданно вырвавъ свою руку изъ рукъ Марка, она съ плачемъ метнулась впередъ навстрѣчу народной волнѣ, навстрѣчу иконѣ, плавно заколыхавшейся въ воздухѣ надъ головами людей.

— Вотъ она всегда такъ... Святоша... Ханжа... Ругается и молится все заодно заразъ, — полусердясь, полушутливо говорила Лиза.—А все отъ злобы, злобы въ ней много, что ненужная она, что уродъ.

— Ненужныхъ нѣтъ! — серьезно, почти строго произнесъ Казанскій, — ненужныхъ быть не можетъ. Всѣ нужны. Одни тѣмъ, что сами необходимы, другіе—что на нихъ примѣръ былъ. Великій разумъ знаетъ, какъ распредѣлить...

— Какой разумъ?—удивилась Лиза.

— То, что правитъ людьми... Душа, разумъ, все едино.

— А вы зачѣмъ пришли? Вы не молитесь Богу, Маркъ говоритъ, а на крестный ходъ пришли глазѣть... Зачѣмъ-же?..

— Не молюсь. Да! А хочу видѣть, какъ другіе молятся. Хочу радоваться. Кто молится, тотъ вѣритъ. И въ этомъ моя молитва можетъ быть и есть вся. Я съ дѣтства молитвы не зналъ, не учили, а теперь, какъ старъ сталъ, и подавно не знаю. А только любить доброе—то-же самое будетъ. Истина будетъ и любовь. Это хорошо.

— Смотрите! Смотрите!—закричала Лиза,—идутъ!

Икона была уже передъ ними и Маркъ впился въ нее широко раскрытыми глазами. Онъ, какъ и Казанскій, не умѣлъ молиться и не зналъ Бога. Его не учили и не говорили о Немъ. Но онъ словно почуялъ Его съ тѣхъ поръ, какъ узналъ свое счастье. И онъ былъ благодаренъ Ему безсознательной благодарностью человѣка, получившаго больше того, чего смѣлъ ожидать. Онъ въ силу инстинкта не могъ не признавать Божества, не понимая Его и не охватывая, въ силу вѣчнаго сознанія, что власть быть должна надъ всѣми владѣніями земли и неба, потому что Кто-то создалъ это все и самую власть. Божественная тайна, которую онъ осязалъ едва, смутно, существовала уже въ инстинктѣ его.

И теперь, глядя на приближающуюся икону Владычицы, онъ думалъ, что Тотъ, для кого собрался народъ и для кого поютъ гимны и передъ кѣмъ кланяются до земли, въ Томъ власть. Онъ видѣлъ, какъ толпа катилась сплошной пестрой волной, безшумной, безмолвной и подавляющей самое себя. Было что-то стихійное, роковое въ этомъ ея безмолвіи и силѣ. Было что-то прекрасное, величавое въ ней. Всѣ нервы и фибры народа слились въ одинъ. Одинъ онъ бился и дышалъ и трепеталъ въ безконечности своего порыва.

Анна вмѣстѣ съ другими метнулась навстрѣчу толпы. Ее оттерли, отбросили. И снова она кинулась туда, ища пробиться, и снова ее отбросили, какъ ничтожную бацилку того громаднаго атома, который состоялъ изъ милліоновъ ей подобныхъ. Тогда она, потерявъ надежду попасть въ шеренгу, встала въ сторонѣ, блѣдная отъ возбужденія, въ порванномъ отъ толкотни платьѣ и съѣхавшей на бокъ шлянѣ, и ждала и твердила: „Приблизится, взглянетъ и исцѣлитъ! Исцѣлитъ... Исцѣлитъ... Сейчасъ“.

И все ждала... Ждала безъ конца... До боли въ глазахъ, до рѣзи. Вотъ Владычица близко... Вотъ ясно различаются Ея большіе, темные, печальные глаза... И слезы на нихъ о Предвѣчномъ. Уже чувствуется запахъ ладона изъ кадилъ... И вѣя на золотыхъ древкахъ, шуршатъ хоругви. Какая-то ласточка рѣетъ надъ тѣмъ изъ нихъ, который ближе къ иконѣ Цѣлительницы. Анна думаетъ напряженно, дико: „Останется ласточка—хорошо. Улетитъ—худо...“

Она жаждетъ исцѣленія и достигнетъ его. Такъ надо и такъ должно. Ради этого она молится напролетъ цѣлыя ночи и хочетъ быть чистой, доброй, не какъ сестры, не какъ Лиза, не какъ всѣ.

Гдѣ-то крикнула кликуша, долго, пронзительно, монотонно. Крикъ ея спугнулъ ласточку... Она взмахнула крыльями и утонула вдали.

А Владычица все подплывала и подплывала къ Аннѣ. И глаза Ея и слезы стали яснѣе вблизи. Вотъ они близко... Вотъ уже тутъ... Анна упала на колѣни, потомъ ударилась лбомъ о землю и зарыдала крикомъ, похожимъ на только что замершій крикъ кликуши. И билась головой о дорогу и повторяла одно: „Исцѣли! Исцѣли! Исцѣли“. Она лежала такъ до тѣхъ поръ, пока кто-то не тронулъ ее за плечи и не позвалъ:

— Анна! Очнись!

Это были Маркъ и Лиза, пришедшіе за ней.

Она встала безмолвная, чуть живая, закрывая больные глаза отъ солнца, красные, распухшіе отъ слезъ.

Она сознавала, что все осталось попрежнему, и въ боли ея сердца не было зла. Ея разумъ не постигъ непостижимаго и вѣра въ ней не была тверда. Такъ думала она, идя за Маркомъ и Лизой.

А толпа все шла, безмолвная, стихійная, вѣрующая и большая, подъ голосъ тропарей и молитвъ, дивно звучащій надъ ней.

XIV.

Маркъ давно не былъ въ ротѣ. Съ тѣхъ поръ какъ узналъ Лизу, съ тѣхъ поръ не ходилъ туда.

Онъ искалъ у Казанскаго цѣли и истины жизни и найдя ее теперь въ своей любви—уже не искалъ ничего. Онъ работалъ у метрольезы, работалъ въ лабораторіи, работалъ въ сушильнѣ и у спиральнаго ножа рѣзалки, работалъ всюду, куда ни посылали его, чтобы излить изъ себя тотъ избытокъ силы, который клокоталъ въ немъ теперь.

Когда наступила Казанская съ ея трехдневнымъ шабашомъ для рабочихъ, съ процессіями и гулянкой на ярмаркѣ, онъ, сопровождая Лизу всюду, былъ безконечно счастливъ, что можетъ дать ей все, что она ни просила у него, потому что онъ имѣлъ заработокъ, которымъ гордился безъ конца.

И это былъ праздникъ для него—накупать ей обновъ и, видя улыбку на ея лицѣ и блескъ въ глазахъ, сознавать свое счастье, сознавать, что она прекрасна и подняла его къ такой огромной и смѣлой любви.

Казанская прошла какъ сонъ, и только на седьмой день ея послѣ окончанія работъ онъ зашелъ въ роту. Но старшины не было тамъ.

— Гдѣ онъ?—спросилъ Маркъ Черняка, встрѣтившагося ему у порога.

— Почемъ я знаю?—грубо оборвалъ тотъ. — Подожди, придетъ, не съѣли его волки, твоего старшину.

Маркъ удивился. Никто не смѣлъ до сихъ поръ непочтительно отзываться о Казанскомъ. Дисциплина по отношенію къ ротному старшинѣ была доведена въ ротѣ до тонкости. И подумавъ, что Чернякъ пьянъ, онъ пошелъ къ нарѣ Казанскаго, легъ на нее и скоро уснулъ, уставъ какъ волъ за свой рабочій день у машины.

Спалъ онъ долго и тяжело, ничего не чувствуя, ничего не слыша, глухимъ, пустымъ сномъ безъ грезъ и видѣній. А когда проснулся, то не понялъ, проснулся-ли онъ, или сонъ продолжается, или начался кошмаръ какой-то тяжелый и давящій и гнетущій.

Въ ротѣ галдѣли. Рота была не на мѣстахъ, какъ бывало передъ ночью, а толпилась одной сплошной сѣрой кучей по серединѣ казармы. И что болѣе всего удивило Марка,—это присутствіе женщинъ. Женскій персоналъ золотой роты былъ по ходатайству того же Казанскаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ переведенъ въ пустое помѣщеніе мучныхъ сараевъ, приспособленныхъ къ жилью, гдѣ онѣ и жили, такъ-же, какъ жили и мужчины, подаяніемъ, субботнимъ поборомъ и заработкомъ кое-гдѣ. Съ золоторотцами, среди которыхъ выбирали онѣ любезныхъ, женщины видѣлись въ ротѣ, какъ гостьи, или у „Оленя“, или просто на улицѣ. Но жить сообща Казанскій запрещалъ, видя по опыту, что прочной семьи у этихъ людей быть не можетъ, и пьянство и разгулъ въ ротѣ съ бабами ведетъ къ опаснымъ столкновеніямъ и къ злу.

Вотъ почему удивился Маркъ, увидя здѣсь въ такой неурочный часъ женщинъ. Особенно бросилось ему въ глаза присутствіе Варьки, исключительнаго продукта сѣрой семьи.

Варька золоторотка происходила, какъ и многіе между ссыльными женщинами, „изъ благородныхъ дѣвицъ“. И тѣмъ ужаснѣе было ея паденіе, тѣмъ страшнѣе. Грязная, циничная, жадная до разврата, до пьянства, она по странной игрѣ судьбы была какъ-то своеобразно красива притомъ. Въ ея вспухшемъ отъ водки лицѣ, въ пепельныхъ густыхъ волосахъ, въ маслянистыхъ глазахъ и толстыхъ губахъ было что-то увлекающее этихъ сѣрыхъ людей, погрязшихъ въ порокѣ.

Въ этомъ обаяніи Варьки и таилась драма, съ которой враждовалъ Казанскій, Варьку „искали“ всѣ. Изъ-за нея дрались, пили и чуть-ли не убивали. И пресѣчь это зло, искоренить его до конца, было трудно, почти невозможно, пока живетъ, дышитъ и пьянствуетъ Варька.

Теперь, въ этотъ поздній вечерній часъ Варька прибѣжала въ роту не зря... Съ нею прибѣжали другія женщины и смѣшались съ сѣрой толпой, рваныя, похожія на фурій.

Маркъ хотѣлъ уже спросить, что это значитъ и о чемъ галдитъ рота и чего хочетъ, какъ неожиданно взоръ его упалъ на единичную фигуру человѣка, отдѣленнаго нѣкоторымъ разстояніемъ отъ толпы.

Это былъ Казанскій.

Онъ говорилъ что-то, но голосъ его терялся въ томъ гулѣ вскрикиваній и возгласовъ, которые рождала эта глухо вол-

нующаяся толпа. Среди мужскихъ голосовъ хрипло и пискливо звенѣли женскіе. И все сопровождалось бранью, грубой, циничной, безпощадной и дрянной.

Казанскій началъ было говорить что-то и смолкъ, не имѣя возможности перекричать эту бѣснующуюся, оголтѣлую толпу.

Едва онъ смолкъ, какъ изъ нея неожиданно вынырнулъ „Извозчикъ“ и, обернувшись лицомъ къ толпѣ и спиной къ Казанскому, заоралъ, перекрикивая всѣхъ своимъ хриплымъ басомъ:

— Надулъ! Вѣрно говорю, надулъ... Самъ знаю. Хошь въ моментъ подъ присягу!.. Къ Евангелію, Кресту... Онъ, дьяволъ, исправнику насъ продалъ... Ей-ей! Онъ сыщничаетъ. Исправникъ на томъ и пригналъ его. Вытребовалъ, значитъ... Что здѣсь въ ротѣ все ему извѣстно... Онъ вотъ Калмыка запоролъ. А за что! Все исправникъ. Велѣно ему Каину, видно, робя, „Пуговишнику“ окаянному, чтобы не дошло до Питера худыхъ дѣлъ тѣхъ, что въ ротѣ у насъ. Вотъ онъ и поставилъ ево, Казанскаго... Что доглядчикъ былъ и переносилъ ему все. Не самоваръ тутъ, а „Пуговишникъ“. Самоваръ что? Тьфу, самоваръ.—И энергично сплюнувъ, онъ присовокупилъ циничную фразу, отъ которой заржала толпа,

— Вѣрно!—послышался заикающійся голосъ Калмыка,—пороли меня! А за что пороли: самоваръ-то! Велика важность самоваръ... Кто изъ насъ не „облюбуетъ“, коли плохо что! Не монастырь тутъ, а рота. Тоже полиція—Пуговишникъ какой!.. Фараонъ треклятый... Сволочь!—и цѣлый каскадъ мерзкой тлѣтворной ругани изрыгнули сведенныя бѣшенной злобой губы Калмыка.

— И бабы опять-же! снова загудѣлъ „Извозчикъ“, оборачиваясь уже прямо лицомъ къ Казанскому,—что тебѣ жалко что-ли?—и онъ снова ввернулъ циничную фразу.—Зачѣмъ отдѣлилъ? Бабы наши! Бабы безъ насъ не хотятъ. Вѣрно, бабы?

Бабы запищали что-то. Варька золоторотка, вытиснутая впередъ, подскочила къ Казанскому и безсмысленно завизжала, точно ее рѣжутъ.

— Что-жъ это, робя!—послышался снова голосъ Михайлы Ивановича,—доколи допустимо? Покуда самъ Пуговишникъ не нагрянетъ да учить насъ не будетъ? Говорю, проданы мы, какъ сукины дѣти, какъ бараны!

— Проданы. Проданы. Сами знаемъ. Тутъ одно намъ говоритъ, а тамъ у Пуговишника свое тянетъ. Извѣстно въ холуяхъ при немъ и застрѣльщикомъ! Каинъ! Мразь,—послышались громкіе возгласы въ толпѣ.—И не пьетъ, гляди, робя, до пьяна не пьетъ. Чтобы не провраться. Хитеръ, сволочь.

— А меня поролъ, какъ сидорову козу поролъ, а самъ хуже. Чортъ. Кровопивецъ. Я укралъ, а онъ продалъ, своихъ-то, кровныхъ продалъ. Старшина-то. Гы! Не бывало такого. Не бывало.

— Что тебя поролъ, тоже не бывало!—Подзуживался, весь вьюномъ извиваясь и юля, Чернякъ къ Калмыку.—Тебя теперь ни одна баба не захочетъ... поротаго-то. Ей-ей.

Кругомъ снова заржали. Но хохотъ разомъ оборвался, когда снова выступилъ изъ толпы „Извозчикъ“ и, приблизившись къ Казанскому, заговорилъ:

— Ты слышишь, что рота говоритъ? А? Ты что-же молчишь? Языкъ проглотилъ или пропилъ што-ли?

Маркъ взглянулъ на Казанскаго и изумился тому спокойствію, которое было разлито по его лицу... Только глаза его, свѣтлые, ясные, потемнѣли какъ-будто и какъ-бы ушли въ себя мрачнымъ и грознымъ взглядомъ. И ничего они точно не видѣли и въ то же время какъ-бы видѣли все, и опять онъ показался Марку необыкновеннымъ, не человѣкомъ, а великимъ и страннымъ, гораздо выше другихъ.

И голосъ Казанскаго прозвучалъ мощно, когда онъ началъ:

— Врете, собаки, и сами знаете, что врете на меня!

— Не ругайся,—взвизгнулъ Калмыкъ,—не судья ты, а отвѣтчикъ теперь и что-бы нини!—И онъ погрозилъ ему кулакомъ, робко какъ-то, косо, съ оглядкой, какъ трусливый ребенокъ.

Казанскій поймалъ его движеніе взглядомъ и усмѣхнулся снисходительной, почти доброй улыбкой. И улыбка эта еще болѣе осатанила толпу.

— Дьяволъ! Чего зубы скалишь?! Исправницкій досмотрщикъ! Сыщикъ. Чуетъ кошка... Не разжалобишь, дьяволъ; нечего глаза-то пялить,—задыхаясь, бѣснуясь и брызгая слюной вопилъ Калмыкъ, глупо и безпомощно топчась на одномъ мѣстѣ.—Что-жъ это, робя,—оглянулся онъ на толпу.—Когда-же всему безобразію конецъ будетъ? А? До коль терпѣть измытки его намъ?

— Да, когда-жъ конецъ будетъ, чортова пуля, твоимъ измывательствамъ?—загудѣлъ хриплый басъ Михайлы Ивановича,—ты што облыжно насъ ведешь? Отецъ, этецъ... старшина, заботникъ, а на дѣло-то что. Сжалъ насъ въ кулакъ, ни ходу, ни свободы, ни дохнуть... Монастырь и то... Пенсивонъ какой, видишь, выискалъ... Рота мы, рота, чуешь ты? А ты какъ?.. И сжалъ и связалъ и продалъ... Какъ спеленутыхъ продалъ! Мразь! Чего молчишь-то? Уставилъ бурколы окаянные. Говори. Говори, гниль, тля подземельная,—заоралъ онъ неистово и, сорвавшись разомъ, замолкъ.

— Говорить мнѣ съ тобой нечего?—Прозвучалъ спокойный, ровный голосъ Казанскаго,—не умѣешь ты говорить со мной. Я прежде всего твой начальникъ и старшина.

— Какого дьявола начальникъ! Какого чорта,—всколыхнулась и загалдѣла толпа.—Мы те въ шею начальнику, да по мордѣ накладемъ. Вотъ тебѣ и старшина и начальникъ, ваше благородіе! Выискался тоже! Ты нашу кровь въ Пуговишника перелилъ, а мы тебѣ кланяйся? Начальникъ и есть, какъ-же, будьте безъ сумлѣнія. Паршь ходячая.—И опять циничная, грязная ругань безпросвѣтнымъ, густымъ и смраднымъ туманомъ наполнила казарму.

— Бить такого-то! Бить его, сволочь, до смерти бить его,—взвизгивалъ пронзительными нотами голосъ Варьки.—Чего стали, черти. Бить до смерти! Пусть издохнетъ. Собака окаянная. Падаль!

— И то правда. Кафтаномъ его накрыть до вздрючить до седьмого пота Іуду, Каина!—Послышались мужскіе голоса.

Какая-то женщина выскочила на середину казармы и завыла пьянымъ безсмысленнымъ воемъ, какъ животное, какъ звѣрь затравленный и запуганный на смерть.

Другая, растрепанная и безобразная какъ фурія, перекрикивая ее, изрыгала изъ себя цѣлый снопъ скверныхъ проклятій.

И толпа, зараженная этимъ новымъ выраженіемъ неистовства, окончательно опьянѣла, наэлектризованная имъ.

Рота какъ-то разомъ, точно по командѣ, метнулась въ сторону Казанскаго, точно сѣрая лавина, вышедшая изъ береговъ.

И вдругъ чей то болѣзненно напряженный голосъ крикнулъ, стараясь заглушить гулъ людей:

— Не смѣть! Не смѣть трогать его! Не смѣть.—И Маркъ соскочилъ съ нары въ самую середину толпы.

Рота остановилась и словно проснулась, отрезвленная этимъ протестующимъ крикомъ со стороны.

У всѣхъ по лицамъ проползло выраженіе тупого недоумѣнія какъ спросонья. Потомъ прежнія страсти и жажда исхода еще сильнѣе въ нихъ заговорили.

Разъ начавъ, толпа уже не могла остановиться и всякое сопротивленіе только раздувало ея страсть.

— Не путайся... баринъ, не дѣло,—солидно заговорилъ „Извозчикъ“, стараясь придать устойчивость своему пьяному озвѣрѣлому лицу,—не дѣло путаться... Не мѣшайся. . У насъ свое... Когда собаки грызутся. Рота рѣшила, такъ тому и быть. Онъ насъ продалъ, онъ и отвѣтилъ... А ты не лѣзь... Потому когда грызутся... Того... чужая не...

— Собаки вы впрямь...—истерично выкрикнулъ Маркъ тѣмъ-же срывающимся голосомъ,—собакии есть... На кого идете? Не видите, гады?—И подойдя къ Казанскому добавилъ заикаясь, весь дрожа прямо въ лицо толпѣ:—Онъ все для васъ... по правдѣ... Соблюдалъ васъ. Вотъ что... А вы. Собаки вы, подлецы вы. Старшина онъ вашъ, а вы того. Позабыли! Старшина...

— Не старшина онъ... Не надо намъ... Такого не надо... Предателя Каина...—неслось съ визгомъ и руганью изъ толпы. —Не надо намъ старшины, коли такъ. Сами по себѣ будемъ. Знаемъ его чорта-дьявола... Іуду... Знаемъ. Уйди, баринъ. Слышь, уйди.

И она наступала опять, опьянѣвшая, озвѣрѣлая, безъ тѣни человѣческаго и разумнаго въ ней, наступала, забывъ себя, забывъ все, кромѣ жажды исхода.

— Уйди,—тихо сказалъ Маркъ Казанскому,—они собаки... Ты не видишь развѣ. Уйди пока что; они разорвутъ тебя... Это люди развѣ... Тебѣ говорю, уйди.

— Зачѣмъ?—произнесъ Казанскій или однѣ губы Казанскаго, потому что того человѣка, котораго звали Казанскимъ, уже не было здѣсь, а былъ другой, ожидающій, странный и грозный.

И на этого грознаго, страннаго человѣка разомъ кинулась толпа. Впереди всѣхъ былъ „Извозчикъ“... Не глядя на грознаго человѣка, онъ бросился на него съ подбадривающею его

самого бранью съ поднятыми и засученными отъ рукавовъ руками, гнусный, подлый, отвратительный, какъ призракъ всего мерзкаго.

— Стой! Держись!—взмахивая жилистыми кулаками, заоралъ онъ въ лицо Казанскому, кидаясь на него.

И вдругъ разомъ отступилъ, точно обезсиленный, побѣжденный. И толпа отступила, осадивъ, подавшись назадъ.

Какъ камень спокойный, гордый и величавый, со скрещенными на груди руками стоялъ Казанскій передъ ними. И ничего живого не оставалось въ этомъ дивно измѣненномъ и мертвенно-спокойномъ лицѣ. И только одни глаза жили. Только глаза горѣли на немъ.

Бѣшенно, грозно горѣли. И отъ всего его спокойствія и отъ глазъ вѣяло тою-же силой и грозой.

И эта сила побѣдила толпу, стихійную, слѣпую, опьянѣвшую отъ страстей и злобы.

И толпа отступила, осѣла и очистила мѣсто. И на это мѣсто шагнулъ Казанскій, гордый какъ тріумфаторъ, блѣдный, грозный, прекрасный въ своемъ величіи и грозѣ.

— Вы позвали меня обманомъ,—началъ его голосъ, звучно наростая и крѣпчая съ каждой новой нотой.—Вы позвали меня какъ подлая, трусливая гниль... И я пришелъ, не чуя вашей подлости и засады. Потому что вѣрилъ въ васъ и въ себя. Чистъ я былъ передъ вами. И думалъ, что и вы чисты. Я искалъ въ васъ людей... Человѣческаго въ васъ искалъ. Я хотѣлъ выудить въ васъ остатки души, хотѣлъ обчистить васъ отъ парши, отскоблить, какъ паршивыхъ овецъ. Гнало меня къ вамъ, какъ суку къ щенятамъ. И всю жизнь о васъ думалъ, любя васъ. Жалостью своей къ вамъ горѣлъ. А вы что? Вы въ чемъ упрекнули меня? Если трусы и воры сами и подлость въ себѣ таите, такъ и во всѣхъ видите подлость и гниль. Сгноило васъ, не отдѣлаться вамъ отъ гнили этой и струпьевъ. Потому что гной вашъ вамъ слаще меда. И смердите вы имъ и не чувствуете и не чувствуя задохнетесь. Задохлись вы въ немъ совсѣмъ. Нѣтъ вамъ пути. Грѣхъ переросъ васъ, выше головы сталъ. Отупѣли какъ овцы, какъ свиньи... Выбираете новаго вожака, того, кто кричитъ громче. Дѣло. А то забыли, что мало крикомъ однимъ взять. Правда нужна. Я тѣмъ и силенъ былъ, что правдой моей къ вамъ васъ и велъ. А теперь хоть осталась правда да вѣры нѣтъ?

въ васъ. А нѣтъ вѣры—любви нѣтъ. Почерпнуть не откуда. Не старшина я вамъ больше. Вы вѣрно сказали... Не потому, что вы не хотите меня, а я не вижу въ васъ правды и ухожу отъ васъ... Будь по вашему. Ухожу. Не осилить вамъ меня и ухожу я отъ васъ сильный, зная себя и то, что надо, зная... А вы слѣпые... Слабые, безпомощные, живите, какъ умѣете. Чужой я для васъ. Жилъ для васъ прежде, теперь для себя жить буду. Хуже вамъ будетъ, на себя пеняйте... Худа въ васъ много самихъ. Не измыть вамъ всего изъ себя. Больше нѣтъ ничего для васъ у меня. Все вынули и смяли своими руками грязными, смердящими. Прощайте всѣ. Казанскій ушелъ отъ васъ. Такъ и знайте—ушелъ Казанскій навсегда.

И онъ пошелъ прямо на толпу, въ сопровожденіи Марка, гордый и сильный своимъ безсиліемъ передъ нею. Какъ король среди шумящей черни, какъ апостолъ, вѣрный своему ученію, какъ воинъ, не сложившій оружія до конца. И толпа разступилась передъ нимъ и пропустила его, подавленная, нѣмая.

XV.

На фабрикѣ случилось событіе, о которомъ говорили всѣ отъ мала до велика и въ камерахъ, и въ кладовыхъ, и въ управительскихъ комнатахъ, и въ служебныхъ пристройкахъ, всюду, гдѣ только могли говорить и рабочіе и досужіе люди.

Внезапно, неожиданно нагрянулъ противъ своего обыкновенія директоръ фабрики Штокъ и произвелъ сверхкомплектную ревизію работамъ. Всегда корректный и спокойный нѣмецъ, онъ былъ неузнаваемъ на этотъ разъ. Взволнованный, красный, возбужденный, звѣремъ метался онъ по фабрикѣ изъ одной камеры въ другую, отъ одной машины къ другой, всюду отыскивая погрѣшностей зоркимъ начальническимъ взоромъ. За нимъ спокойный и уравновѣшенный по своему обыкновенію ходилъ Лавровъ. Въ машинѣ Макъ-Ноба Штокъ нашелъ какое-то поврежденіе. Призванный механикъ почтительно опровергъ подозрѣніе принципала, и Штокъ, нимало оттого не успокоенный, понесся дальше, покачиваясь всей своей комически-толстой старообразной фигурой, посаженной на крохотныя, почти дѣтскія ножки.

Около набивного стола и „печатни“ онъ помедлилъ немного и, безтолково толчась на одномъ мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ разглядывалъ машины, точно замѣчая ихъ въ первый разъ. Потомъ, нахмуренный и озабоченный вышелъ изъ камеры, слѣдуя въ отдѣленіе для варки. Жирный, пряный и маслянистый запахъ отъ массы составныхъ веществъ, входящихъ въ загустокъ, кружилъ голову не только свѣжему, но и привычному рабочему человѣку. Щелочные испаренія натра и соли оставляли чуть примѣтный окисленный вкусъ во рту. Но Штокъ, не обращая вниманія на запахъ и испаренія, самолично заглядывалъ въ котлы, вдыхая въ себя ѣдкій растворъ веществъ. У котловъ стояли рабочіе и съ почтительнымъ любопытствомъ между дѣломъ слѣдили за движеніями шефа. Всѣ они были одинаковы съ сосредоточенными, тупыми и потными лицами, на которыхъ читалось одна усталая покорность судьбѣ. Но тѣмъ ярче выдѣлялось среди нихъ лицо одного изъ нихъ, на которомъ не было ни усталости, ни тупой покорности, ни тупой сосредоточенности въ трудѣ. Онъ работалъ на фабрикѣ около недѣли, и самый трудъ, какъ и все на свѣтѣ, казался ему простымъ и легкимъ. Вниманіе директора невольно привлекло выраженіе лица этого рабочаго, невысокаго блѣднаго человѣка съ яснымъ пристальнымъ взглядомъ, устремленнымъ на все и ни на кого особенно. На лицѣ было спокойствіе и готовность принять на себя весь трудъ. Человѣкъ этотъ, съ систематической точностью, отъ времени до времени, впускавшій черезъ кранъ холодную воду для охлажденія сваренаго загустка, проводомъ приводилъ въ движеніе металлическую мѣшалку котла. Дѣлалъ то, что дѣлали и другіе. Но Штокъ не различалъ другихъ лицъ рабочихъ. Всѣ они одинаково безъ впечатлѣнія проходили передъ его глазами, какъ въ калейдоскопѣ, представляя изъ себя одну сплошную массу сѣрыхъ и пустыхъ существъ, сошедшихъ въ его понятіи на ступень машинъ. Это были тѣ же стригальни, метрольезы, набивные столы и ситцепечатни въ его понятіи, но только болѣе хлопотливыя и менѣе полезныя, нежели желѣзная сила съ ея парами и водой.

Но видъ работающаго у котла человѣка поразилъ директора фабрики, сразу привлекъ все его вниманіе, какъ только онъ увидѣлъ его.

— Кто это? — словно срывая, бросилъ онъ сопутствую-

щему его Лаврову. Тотъ кликнулъ надсмотрщика. Справились. Рабочій, оказалось, былъ безпаспортный ссыльный изъ золотой роты. Работалъ уже недѣлю на фабрикѣ. Не оштрафованъ, замѣченъ ни въ чемъ не былъ.

Едва выслушавъ донесеніе, Штокъ, еще болѣе взвинченный и недовольный, зашагалъ далѣе.

Управляющій шагалъ за нимъ, не понимая глухого раздраженія своего принципала.

Едва только они вышли изъ зданія фабрики, Штокъ съ свойственной ему живостью обернулся къ Лаврову и заговорилъ отрывисто, раздраженно, самъ какъ-бы подхлестывая себя напускнымъ раздраженіемъ.

— Чтожъ это такое?—говорилъ Штокъ.—Чтожъ это такое, спрашиваю я. Такъ нельзя, Евгеній Адольфовичъ, нельзя, милѣйшій. Весьма понятно, почему вы изволите тормозить дѣло по выписыванію машины новой системы. Вамъ рабочей силы жалко. Вы забываете, что, покровительствуя труду этихъ скотовъ, вы урѣзываете, да, именно урѣзываете часть моего благосостоянія. Не мудрено-съ, когда вамъ помимо старыхъ рукъ надо занять еще новыя въ работу. Мало своего фабричнаго профессіональнаго люда у васъ... должно быть, мало, если вы берете этихъ... Какъ ихъ... Этихъ неблагонадежныхъ, ссыльныхъ... Я уже говорилъ разъ противъ. Не солидно-съ. Я слышалъ о нихъ. Они бунтари. Ихъ въ тюрьмы надо-съ. Да-съ, въ тюрьмы. И полная безнадежность въ трудѣ. Они не примѣнимы.

— Но позвольте-съ,—воспользовавшись минутной передышкой шефа, произнесъ сдержанно Лавровъ,—этотъ человѣкъ у котла. Онъ ушелъ отъ нихъ... Это старшина. Онъ не доволенъ ими и ищетъ у насъ заработка. Это совсѣмъ исключительный человѣкъ и работникъ. Безъ устали. Желѣзный какой-то, настоящая машина. Онъ далеко пойдетъ. Служилъ когда-то машинистомъ и будетъ полезенъ... За гроши.—Послѣднія слова управляющій произнесъ поспѣшливъ, послѣ легкой паузы, какъ-бы подчеркивая свою несолидарность по этому вопросу съ шефомъ.

Шефъ закипѣлъ.

— Я не о томъ только... Дѣло не въ ссыльномъ этомъ,—затянулъ онъ снова, значительно повышая тонъ.—Мнѣ говорили, что рабочіе машины портятъ умышленно... И что вы, узнавъ о томъ... не дѣлали розыска вовсе. И что вообще

цѣли рабочихъ стать необходимыми фабрикѣ большимъ числомъ рукъ вамъ лично симпатичны. Но вѣдь это ужасъ, ужасъ ликвидаціи въ будущемъ. Да-съ. Я видѣлъ многое сегодня. А все оттого, что гуманность не достигаетъ цѣли. Машины портятъ, чтобы замѣнять ихъ руками, да-съ. Что-же это?

— Вы ошибаетесь, Германъ Германовичъ,—спокойно, но съ внезапнымъ блескомъ въ глазахъ произнесъ Лавровъ.—Машинъ вашихъ не портитъ никто и численность рабочей силы не превышаетъ нормы.

— А норма что? — неожиданно взвизгнулъ внезапно вышедшій изъ себя Штокъ.—Нормой опять-таки берется ваша гуманность. Прелестно! — протянулъ онъ въ носъ и потеръ руки. — Но вы забываете, господинъ Лавровъ, что вы служите мнѣ, моему дѣлу и должны стремиться къ единственной цѣли, къ полному процвѣтанію ситцевой мануфактуры. А превышающую норму...

— Я повторяю еще разъ, численность рабочихъ не превышаетъ запроса фабрики, — повторилъ съ тою-же холодной сдержанностью Лавровъ и его сѣрые стальные глаза загорѣлись ярче.

— Вы ошибаетесь, господинъ управляющій, — произнесъ Штокъ крикливо, окончательно разсерженный тѣмъ, что его перебили,—могу васъ увѣрить, что ошибаетесь, да-съ. У меня есть подробный списокъ, сколько паръ рукъ насчитывается у васъ при каждой машинѣ въ камерѣ и какую численность допускаетъ норма. Неугодно-ли взглянуть? — И Штокъ съ язвительной усмѣшкой вынулъ изъ кармана жилета какую-то въ нѣсколько разъ сложенную бумажку и подалъ ее Лаврову.

Лавровъ вскинулъ глазами на мелко исписанный листокъ и вдругъ что-то больно ущипнуло его за сердце. Бумажка, поданная ему принципаломъ, оказывалась анонимнымъ письмомъ и почеркъ этого письма показался ему странно, до смѣшного знакомымъ.

Неизвѣстный благодѣтель указывалъ директору на тѣ упущенія и пробѣлы по дѣлу управленія фабрикой, о которыхъ ему только что упоминалъ Штокъ, напирая главнымъ образомъ на полное игнорированіе управляющаго новымъ движеніемъ машиннаго прогресса въ виду интереса рабочихъ. Были кое-какіе намеки въ письмѣ и на порчу машинъ и какое-то

смутное упоминаніе о солидарности управляющаго съ рабочей средою фабрики.

Лавровъ не читалъ дальше. Онъ узналъ автора по почерку и весь похолодѣлъ отъ неожиданности и гнѣва. И все-же, призвавъ на помощь все свое хладнокровіе, спросилъ по мѣрѣ силъ спокойно:

— Вы недовольны мной, г. директоръ?

Толстенькій человѣчекъ не ожидалъ такого прямого вопроса и испугался. Онъ привыкъ къ управляющему и кончать съ нимъ не было въ его расчетахъ. Но авторъ анонимнаго письма выкладывалъ попутно съ доносомъ и свои собственные взгляды на дѣло промышленности и капитализма. И эти взгляды нравились Штоку. Ему хотѣлось удержать стараго управляющаго и не терять изъ виду новаго, который весь вылился въ своемъ письмѣ такой энергичный, сильный и полезный. Штокъ догадывался уже, кто былъ авторъ-анонимъ, а догадавшись, еще болѣе призналъ его необходимость. Но старый управляющій имѣлъ свои заслуги, которыхъ не могъ не оцѣнить по справедливости онъ, Штокъ.

А тотъ, будущій былъ еще неопытенъ въ дѣлѣ и молодъ. Непозволительно молодъ. Поэтому онъ подумалъ и сказалъ:

— Напрасно вы горячитесь, Евгеній Адольфовичъ. Я не имѣю основанія быть недовольнымъ вами. У каждаго человѣка есть слабость... И всѣ мы слабы, каждый по своему,— попробовалъ пошутить онъ.

— Но не каждый способенъ дѣлать подлость,—сухо произнесъ Лавровъ, указывая на письмо, скомканное въ его пальцахъ.—Обративъ вниманіе на пошлый доносъ, вы доказали, что не имѣете довѣрія ко мнѣ. А безъ довѣрія...

Лавровъ не кончилъ своей фразы и, сухо поклонившись, отошелъ отъ Штока. Шефъ какъ-то смущенно и суетливо потоптался на мѣстѣ, заговорилъ что-то въ спину управляющаго о недоразумѣніи и окончательно разстроенный сѣлъ въ свою коляску. И все время, пока лошади несли его къ пароходной пристани, онъ досадливо думалъ о томъ, какъ не въ мѣру обидчивъ старый управляющій и какъ непростительно молодъ будущій, новый.

Евгеній Адольфовичъ прямо прошелъ на террасу, гдѣ въ ожиданіи завтрака сидѣла его семья. Китти, уткнувшаяся въ книгу, переданную ей Лидіей Мансуровой, книгу, раскрываю-

щую ей такія стороны жизни, которыя она не знала и которыя были полны обаяніемъ недоговоренности и тайны, лежащей въ основѣ ихъ. И щеки Китти пылали и щеки Дани, примостившейся за нею и читавшей черезъ ея плечо, пылали тоже. Анна, ничего не видя отъ тряпокъ съ примочкой, положенной на ея глаза, сидѣла молчаливая, безучастная къ цѣлому міру. Старая тетка, учившая дѣвочекъ по утрамъ катехизису, языкамъ и молитвамъ, тоже безучастная и тупая отъ скуки и раздраженія, сидѣла на хозяйскомъ мѣстѣ, неподвижная какъ мумія. Всѣ ждали главу дома.

Евгеній Адольфовичъ оглянулъ всѣхъ и, остановивъ глаза на Глѣбѣ, спокойно читавшемъ газету у своего прибора, сказалъ:

— Мнѣ надо поговорить съ тобою. Выйдите всѣ на минуту.

И когда дѣвочки и тетка гурьбой, недоумѣвая и торопясь, пошли къ двери, онъ разомкнулъ руку и, выпустивъ изъ нея письмо, бросилъ его на приборъ Глѣба.

— Вотъ,—произнесъ онъ,—съ трудомъ выговаривая слова, смотри. Твоихъ это рукъ дѣло, или я, къ счастью, ошибаюсь?

Глѣбъ бросилъ взглядъ на бумажку и густо покраснѣлъ до корней волосъ.

Въ его взглядѣ, поднятомъ на отца и затѣмъ вмигъ опустившемся, мелькнуло что-то подлое и трусливое заразъ. Точно онъ ожидалъ удара и боялся его.

— Твоихъ это рукъ дѣло?—еще разъ спросилъ Лавровъ странно спокойнымъ, не повышающимся голосомъ, — почеркъ твой. Имѣй же гражданское мужество сознаться въ своей мерзости.

Глѣбъ снова метнулъ косымъ взглядомъ на бумагу и его свѣжее, здоровое, красивое лицо вдругъ приняло выраженіе какой-то безшабашной удали, почти дерзости.

Онъ понялъ, что скрываться глупо уличенному съ поличнымъ. И разомъ сжигая свои корабли, произнесъ:

— Я не скрываю. Авторъ анонима—я. Что-же тебя такъ удивляетъ, папа?

— Негодяй, — тихо и вѣско произнесъ Лавровъ, — мой сынъ негодяй. Мой сынъ—авторъ подобной подлости!

— Не говори громкихъ словъ, папа,—спокойно произнесъ Глѣбъ, успѣвшій нѣсколько оправиться отъ непріятной неожиданности.—Неужели ты видишь подлость въ моемъ корректъ-

номъ отношеніи къ дѣлу? Какъ будущій участникъ дѣла, а ты всегда говорилъ, что я замѣню тебя современемъ, я долженъ былъ безпристрастно и трезво отнестись къ настоящему теченію фабричнаго строя. Ея директоръ—мой будущій принципалъ, и вся моя задача, служить его интересамъ. Какъ человѣкъ видящій все со стороны, я не могъ не замѣтить того, что можетъ затормозить дѣло и считаю избѣжать этого долгомъ чести. Пусть упущенія происходятъ вслѣдствіе твоей гуманности или порядочности, папа, но и гуманность и порядочность однѣ условности. Да. Ты считаешь порядочнымъ, дѣйствуя въ интересахъ рабочихъ, увеличивать запросъ рабочихъ рукъ въ ущербъ благоустройства и процвѣтанія капитализма, который, замѣняя рабочую силу желѣзной, выигрываетъ вдвое оттого... Почему ты противился выпискѣ новѣйшаго пресса? Я знаю. Потому что два десятка твоей черной силы отойдутъ отъ дѣла. А старая система пресса требуетъ именно этого числа рабочихъ рукъ и, придерживаясь твоей пословицы „и волки сыты и овцы цѣлы“, ты допускаешь возможность дать овцамъ пожрать волковъ. Но согласись, папа, что подобнымъ тормозомъ на зло прогрессу ты не избавишь народъ отъ безхлѣбія. Ты спасешь сотню, а тысячи и десятки тысячъ отхлынутъ, отброшенные всесильной волной въ море пролетаріата. Такъ необходимо, такъ надо. На этомъ зиждится вѣкъ.

— Подло разсуждать такъ! — произнесъ Лавровъ съ несвойственною ему горячностью,—подло. Когда люди остаются безъ хлѣба, надо измышлять способъ дать имъ этотъ хлѣбъ. Взгляни на Англію: развитіе капитализма и царство желѣзной воли создали въ ней цѣлые милліоны пауперовъ, а съ ними бѣдствіе цѣлаго сословія. Я не отрицаю необходимости промышленности въ рукахъ единичнаго капитализма, но роскошь усовершенствованія лишаетъ необходимаго тѣхъ, кого примиpаетъ этотъ поднявшійся поверхъ головъ буржуазный капитализмъ.

— А все-таки здѣсь ничего нѣтъ подлаго,—упрямо произнесъ Глѣбъ. — Хуже благодѣтельствовать въ засчетъ другихъ. Твой взглядъ отдаетъ библіей, отецъ. Я сужу просто. Я не скрываю. Я написалъ это письмо принципалу, потому что я люблю дѣло ради самого дѣла и жилка промышленнаго капитализма бьется во мнѣ слишкомъ сильно. Только еди-

ничнаго капитализма... не націи, нѣтъ, и ту сѣрую кучу, которую зовутъ народомъ, я презираю за ея безсиліе и примитивность развитія и за животную борьбу существованія наравнѣ съ нами. И если-бы я могъ только, то всю эту рабочую рвань я замѣнилъ-бы машинами-автоматами и...

— О, ты добьешься многаго,—съ горькой усмѣшкой произнесъ Лавровъ-отецъ, взглянувъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ на сына.

— Можетъ-быть,—произнесъ Глѣбъ хладнокровно.—Я и иду къ тому. Штокъ и я—мы отлично поняли другъ друга. Онъ пріобрѣтетъ во мнѣ ревностнаго хранителя его интересовъ и тотъ корабельный мостикъ, по которому я шагну въ мое море благополучія. Я не знаю еще самъ, чего я достигну... но достигну я многаго, ты правъ. Въ этомъ я увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ. Я буду феноменально богатъ, потому что слишкомъ хорошо сознаю необходимость денегъ. Вотъ въ чемъ моя подлость, отецъ, и только. Стать капиталистомъ гораздо легче, нежели стать хорошимъ человѣкомъ. Да. Я выбираю первое, какъ видишь, я сторонюсь борьбы...—пошутилъ онъ съ улыбкой.

— Мнѣ жаль одного... — спокойно произнесъ, отчеканивая каждое слово, Лавровъ...—Мнѣ жаль одного, что я любилъ тебя и искренно считалъ своимъ сыномъ.

— Ахъ, папа,—безпечно, почти весело разсмѣялся Глѣбъ,—отецъ... сынъ... и все это опять-таки условности... Люди животныя и на первомъ планѣ у нихъ борьба. Кто кого осилитъ... И родство и голосъ крови глохнутъ въ этой борьбѣ. Штокъ видитъ во мнѣ одного изъ представителей новаго зарождающагося движенія и цѣнитъ мою энергію и силу. Твои понятія о гуманности отжили свой вѣкъ. Это было хорошо въ 60-хъ годахъ. Теперь это только химеры. Пусть растетъ народный пролетаріатъ, вѣдь попутно растетъ и единичный промышленный капитализмъ, а съ ними благоденствіе тѣхъ могучихъ единицъ, которыя въ концѣ-концовъ осилятъ жалкихъ, тупыхъ болвановъ, стремящихся занять также мѣста на промышленномъ вселенномъ рынкѣ.

— Да,—перебилъ сына съ внезапно поднявшимся раздраженіемъ Лавровъ.—Но можно было-бы производить свои спекуляціи, не наступая на горло другихъ.

— Оставь, папа!—произнесъ Глѣбъ,—ты самъ понимаешь,

что это абсурдъ. Развѣ можетъ сила промышленнаго прогресса возникнуть на почвѣ человѣческой гуманности? Смѣшно и нелѣпо, папа. Ты отжилъ или пережилъ себя.

И сказавъ это, Глѣбъ, не торопясь, всталъ изъ-за стола и, бросивъ скомканную салфетку, ушелъ съ террасы, не ожидая отвѣта со стороны отца.

А Евгеній Адольфовичъ какъ сѣлъ, такъ и остался сидѣть, подавленный, пришибленный разомъ нахлынувшими на него мыслями.

Онъ пережилъ себя... Онъ пережилъ. И это говоритъ его сынъ, его мальчикъ, на котораго онъ возлагалъ свои лучшія надежды.

Онъ перевелъ глаза на стеклянныя окна террасы. Въ нихъ рисовалась фабрика, та фабрика, которой онъ отдалъ всѣ свои силы. О благосостояніи этой фабрики, этого любимѣйшаго своего дѣтища онъ заботился день и ночь. И любовь къ дѣлу соединялъ съ любовью къ той трудовой, покорной, безгласной силѣ, которая отдавала себя фабрикѣ, такъ-же какъ и онъ самъ.

Онъ сплотился и сжился съ нею. Идея о ея благосостояніи была ему не менѣе дорога какъ и самое дѣло ситцевой мануфактуры. Голосъ этой толпы былъ ему такъ-же доступенъ и внятенъ, какъ фабричный гудокъ, какъ шипѣніе ея машинъ и котловъ въ знакомыхъ, любимыхъ камерахъ.

И дѣло ему было дорого и люди,

Онъ вѣрилъ свѣтло и твердо, что его первенецъ и наслѣдникъ продолжитъ то, что началъ онъ.

Но Глѣбъ не оправдалъ его ожиданій. У Глѣба были свои идеалы, отъ которыхъ съ презрѣніемъ отвернулся старшій Лавровъ.

Пробиться впередъ и на чужомъ фундаментѣ заложить прочную основу своего золотого будущаго, вотъ въ чемъ состоялъ идеалъ Глѣба.

Какъ молодой хищникъ онъ рвался къ цѣли, слѣпо отстраняя препятствія на своемъ пути.

Лавровъ болѣзненно поежился, вспомнивъ объ этихъ средствахъ своего красавчика-сына, которыми не брезгала его нетребовательная совѣсть.

И опять его взглядъ упалъ на фабрику, дымившую всѣми своими трубами, кипящую котлами и машинами, на сердце

его души. И опять нудно засверлила въ немъ боль, зудящая, несносная. Онъ свыкся съ нею, съ этой фабрикой, онъ сжился; онъ любилъ ее какъ женщину, какъ семью... Нѣтъ больше женщины, больше семьи. Его жена, сошедшая безвременно въ могилу, упрекала его не разъ въ томъ, что въ ущербъ семьѣ онъ весь отдается себя дѣлу. Можетъ быть она и захирѣла отъ тоски по его любви, какъ цвѣтокъ, лишенный солнца. И дѣвочекъ своихъ онъ позабылъ для фабрики, во имя ея. Онѣ росли болѣзненныя, съ нездоровыми инстинктами одиноко и рано развившихся дѣтей. Ему некогда было заняться ими ради нея, этой фабрики, которая теперь скоро отойдетъ отъ него, какъ измѣнившая ему женщина къ новому любовнику, болѣе сильному и нужному, нежели онъ.

Лавровъ горько усмѣхнулся этой мысли.

Глѣбъ окрѣпъ, оперился. Онъ выросъ. Въ двадцать два года судитъ какъ старикъ, выгодно и прочно, безъ молодыхъ иллюзій и поэзіи, присущими ей. Онъ почти юноша, не снявшій ученическую кокарду, онъ старше его—своего отца. И онъ, Глѣбъ, нужный дѣлу, потому что самъ онъ, Лавровъ, отжилъ, отсталъ или пережилъ себя, какъ только что выразился о немъ этотъ мальчикъ.

Можетъ быть и пережилъ. Можетъ быть онъ и правъ этотъ мальчикъ, такъ отзываясь о немъ.

Онъ пережилъ себя, свои стремленья, цѣли и идеалы, которые кажутся теперь затхлыми и ненужными, смѣшными.

Онъ отбылъ свое время. Отдалъ изъ себя всѣ силы, всю мощь духа, всю энергію и долженъ отойти назадъ. Теперь время другихъ, болѣе смѣлыхъ и отважныхъ. Болѣе предпріимчивыхъ, нежели онъ. Болѣе безсердечныхъ и безстыдныхъ, потому что безсердечіе и безстыдство стали существенными началами ихъ вѣка. Можетъ быть они правы, эти другіе, не признающіе ни узъ родства, ни голоса крови, для кого выгода—все. И жизнь будетъ легче доставаться имъ, этимъ новымъ, не задумывающимся надъ способомъ борьбы къ достиженію цѣли.

Ихъ время наступило. Его отжито. Онъ пережилъ себя. Такъ сказалъ Глѣбъ. И можетъ быть онъ правъ и такъ надо.

XVI.

Маркъ попрежнему упивался своимъ счастьемъ. Работая день на фабрикѣ, вечеръ онъ весь цѣликомъ отдавалъ Лизѣ, гуляя съ ней по окрестностямъ маленькаго города или просиживая на берегу у обрыва, не отрывая глазъ отъ нея всюду и всегда. Онъ вспоминалъ ей свое дѣтство, вспоминалъ все пережитое, почти позабытое, теперь казавшееся темнымъ кошмаромъ. Онъ говорилъ ей о томъ, какъ пусто было ему прежде всегда и какъ теперь ему радостно и свѣтло вмѣстѣ съ нею. Онъ, не умѣвшій говорить, вдругъ пріобрѣлъ краски для выраженія тѣхъ чувствъ, которыя его наполняли. И въ его односложной рѣчи таилась красота и поэзія любви, потому что любовь его была трогательно-прекрасна, потому что въ ней царствовала и ею управляла чистота.

И эта чистота и неподкупная сила побѣждали Лизу. Мелочная, корыстная, чувственная и пустая, она однако не могла не признать всего великолѣпія этой стихійной, безграничной и чистой любви Марка. Признала ее и отдалась ему. И сама жадно впивая его первыя ласки, ласкала его, въ то же время ярко сознавая всю разницу между его любовью и тѣмъ ничтожнымъ приторнымъ чувствомъ, которое питалъ къ ней Глѣбъ.

Первыя двѣ недѣли ихъ связи пролетѣли сплошнымъ роковымъ сномъ, сказкой безъ начала и конца.

Ихъ видѣли вмѣстѣ, надъ ними трунили и смѣялись въ тиши, потому что явно никто не посмѣлъ-бы осмѣять Лизу; Маркъ съ его горящими глазами волка и угрюмымъ лицомъ могъ постоять за свою подругу, не задумываясь надъ способомъ защиты ея, какъ дикарь.

Отецъ Лизы, надсмотрщикъ изъ сортировочнаго отдѣленія, зналъ похожденія дочери. Но они не особенно досаждали ему. Въ маленькомъ городѣ царилъ свой особенный порядокъ и строй жизни, господствовали иные взгляды на нравственность и грѣхъ не казался такимъ темнымъ и значительнымъ на общемъ фонѣ жизни маленькаго города, далеко не безупречной въ грѣхѣ.

Иногда къ Марку и Лизѣ присоединялся Казанскій, ориентировавшійся на фабрикѣ и вполнѣ свыкшійся съ его новой

жизнью. И всѣ трое они казались счастливыми вмѣстѣ, между тѣмъ какъ порознь каждаго изъ нихъ точилъ червь неудовлетворенія въ глубинѣ души.

Казанскій тосковалъ по ротѣ, Казанскій страдалъ по его дѣтямъ, оскорбившимъ его чувства и измѣнившимъ ему. И переживая свою огромную любовь къ нимъ, онъ не могъ вырвать ее изъ себя и одиноко томился ею, какъ узникъ въ единичномъ заключеніи тюрьмы.

Мало-по-малу стала томиться и Лиза, по прошествіи угара поглотившей ее было страсти, стала скучать по своей прежней незамысловатой жизни, полной неоглядной веселости и смѣха. Увлекшаяся было любовью Марка, она вскорѣ начала безсознательно тяготиться ею. Любовь эта накладывала на нее извѣстныя обязательства, которыхъ она боялась, какъ и всего преграждающаго ей свободу.

Она потянулась было обратно къ прежнимъ веселымъ досугамъ укладчицъ съ ихъ гулянкою на бульварѣ и веселымъ чаепитіемъ съ кавалерами въ городскомъ саду. Но Маркъ упрямо воспротивился этому и она покорилась ему съ глухой злобою въ сердцѣ.

Маркъ сознавалъ себя хуже, ничтожнѣе, незначительнѣе другихъ и инстинктивно боясь сравненій, нелестныхъ для него въ глазахъ Лизы, не отпускалъ ее отъ себя туда, гдѣ она могла встрѣтиться съ болѣе достойными ея вниманія.

Самъ Маркъ жаждалъ иного.

Передъ его взоромъ неотступно стоялъ примѣръ Михайлы Хромого. И онъ хотѣлъ послѣдовать ему. Хотѣлъ жениться на Лизѣ, во что бы то ни стало жениться на ней. Въ представленіи его одинокой дикой души Лиза-жена казалась ему чѣмъ-то болѣе прямымъ и прочнымъ, гораздо болѣе прямымъ и прочнымъ, нежели любовница-Лиза. Но заговаривать съ нею объ этомъ онъ не смѣлъ. Ему надо было прежде достичь того, чего достигъ Михайло Хромой. Надо было сколотить хотя крошечную сумму, чтобы дать Лизѣ необходимыя удобства къ жизни. И еще изступленнѣе, съ утроенной силой, весь горя однимъ этимъ желаніемъ, стремясь къ одной цѣли, работалъ онъ у машины, весь сгорая въ огнѣ своей безпредѣльной любви.

Такъ шли дни и такъ жили они всѣ трое. Наружно мирно

и легко и нося каждый въ себѣ грозу желаній, невидимую для другого.

Однажды послѣ субботней получки, присоединяя новый недѣльный заработокъ къ прежнимъ, Маркъ нашелъ, что начать новую жизнь онъ можетъ съ тѣмъ, что у него уже есть, при возможности помѣстить жену у отца въ конторскомъ домѣ.

И онъ пошелъ къ отцу переговорить съ нимъ объ этомъ.

Былъ вечеръ. Отъ Ладоги тянулись тучи, какъ-бы налитыя тяжелымъ свинцомъ. Озеро глухо и гулко напѣвало свою боевую пѣсню. И рѣка пѣла заодно съ озеромъ и рѣчь ея казалась почти такой-же угрожающей и безумной.

Конторщикъ Ларанскій, поглотивъ свою обычную вечернюю порцію, сидѣлъ у стола, поддерживая голову руками, уставившись унылымъ взглядомъ въ скатерть.

Маркъ вошелъ въ столовую и, внезапно остановившись въ двухъ шагахъ отъ отца, сказалъ безъ предисловій и обиняковъ:

— Я жениться хочу... Вотъ... Жениться... Если тебѣ ничего, мы здѣсь заживемъ трое, а если того... я въ предмѣстьѣ найму... Я могу... Наработалъ. Ты скажи только, если что... Все-таки отецъ ты мнѣ. Я жениться хочу. Мнѣ девятнадцать стукнуло. Люди говорятъ, можно. Да. Я женюсь.

Артемій Ларанскій медленно повернулъ голову къ сыну, тяжело вдумываясь въ то, что онъ говорилъ. Слѣпой щеголъ неожиданно проснулся въ клѣткѣ и звучно защелкалъ спросонья. И какъ будто дождь сильнѣе забарабанилъ о крыши и кусты зашумѣли глухо за окномъ.

Прислуга, заспанная и грязная, съ подоткнутымъ подоломъ, внесла лампу съ закоптѣлымъ стекломъ и удалилась, тяжело шлепая туфлями.

— Я жениться хочу,—снова, морщась отъ усилія, продолжалъ Маркъ,—на Дориной, Лизѣ... Ты знаешь. Вотъ. Ты скажи, ежели въ домѣ нельзя... Мы въ предмѣстьѣ... Да... Я женюсь.

Слѣпой щеголъ защелкалъ сильнѣе, почти запѣлъ. И дождь запѣлъ за окнами... Кусты бузины шлепнулись мокрыми вѣтвями объ окна и все смѣшалось.

Артемій Ларанскій поднялъ голову и, словно просы-

паясь, взглянулъ на сына. Потомъ съ силой ударилъ по столу кулакомъ и, хрипло разсмѣявшись, сказалъ:

— Болванъ. Право болванъ. Ей Богу.—И помолчавъ съ минуту спросилъ:—На комъ женишься-то, животное, а? На комъ?

— Я сказалъ: на Лизѣ. Такъ и будетъ,—угрюмо произнесъ Маркъ.—Такъ и будетъ. Сказано. Я работникъ теперь. Можно. Ты только скажи: въ домѣ или въ предмѣстьѣ намъ? Ты скажи, отецъ, по правдѣ.

Артемій Ларанскій встрепенулся. Взглянулъ на сына и, взъерошивъ свою черную, кой-гдѣ уже посеребренную сѣдиной гриву, твердо сказалъ:

— Ты и впрямь! Ахъ, ты...—Онъ остановился на мгновенье, потомъ подхватилъ съ силой:—не будь болваномъ, Маркъ. Не будь болваномъ. Дулъ я тебя, а мало. Всей дури не выбилъ. Ты работникъ. Правда. Я радъ этому. Остепенился хоть поздно и дурѣть тебѣ теперь нечего. Не будь болваномъ, повторяю. Кого выудилъ, молокососъ? Лизка Дорина. Да вѣдь она...—и Ларанскій присовокупилъ циничное слово.

Маркъ задрожалъ такъ, точно его вытянули вдоль тѣла плеткой, и разомъ со сжатыми кулаками двинулся на отца.

— Пьянъ ты, заврался!—буркнулъ онъ сурово.—Заврался ты. Да отъ водки, отъ тумана. Жена она мнѣ. Молчи. Жена. Понялъ?

— Хороша жена,—засмѣялся конторщикъ нехорошимъ обиднымъ смѣхомъ.—Хороша жена, потому что не только тебѣ, она и кому хочешь женой будетъ. У жены твоей помимо тебя еще мужей будетъ не счесть. Ты ослѣпъ. Ты оболванился, Маркъ. Посмотри на то, чего одинъ ты только и не видишь. Лизка Дорина шушера, дрянь. У нея съ молодымъ Лавровымъ шашни и съ другими были. Всѣ знаютъ это. Ты глупъ, если чужой грѣхъ покрывать хочешь.—И Ларанскій-отецъ крикливо разсмѣялся не трезвымъ смѣхомъ.

Маркъ остолбенѣлъ. Его блѣдное лицо разомъ стало багрово-краснымъ. На лбу натянулись вспухшія, синія веревки жилъ. Ротъ перекосился. Глаза почти вышли изъ орбитъ, налитые кровью, какъ у звѣря. Судорога заиграла вдоль щекъ и все лицо стало безобразнымъ и страшнымъ въ этотъ мигъ аффекта. Онъ раскрылъ ротъ, чтобы отвѣтить бранью, бѣшенствомъ и проклятіемъ... и не могъ. Языкъ не повиновался ему. Онъ

попробовалъ сжать кулакъ и тоже не смогъ: пальцы, сведенные судорогой, не слушались. Тогда онъ застоналъ, какъ раненый звѣрь, отъ изступленной боли и съ силой бросился на полъ. И бился о деревянныя доски и стоналъ и вылъ и опять бился со стономъ. А голосъ отца хрипѣлъ надъ нимъ, пронизывая его остро, какъ ножъ, вонзаясь ему въ уши, въ душу.

Маркъ задыхался. Что-то огромное, безпросвѣтное налегло на него и давило его и давило. И въ сердцѣ наростало это огромное и тяжелое, какъ камень. Точно глыба упала въ него, разростаясь съ каждой минутой, поднимаясь все выше и выше къ горлу, грозясь задушить его.

И Маркъ задыхался.

Потомъ голосъ отца, назойливый, сверлящій, замолкъ внезапно, прервавъ свою рѣчь, изъ-за которой выросъ камень, душившій Марка.

Маркъ поднялъ голову и съ блуждающимъ взглядомъ оглядѣлся кругомъ. Отца уже не было въ комнатѣ, онъ самъ попрежнему лежалъ на полу, всклокоченный, измятый, разбитый. Кусты бузины глухо шуршали, просясь въ комнату, тяжелыми, мокрыми и упругими вѣтвями. Дождь пѣлъ и озеро и рѣка пѣли въ отдаленіи однимъ сплошнымъ голосомъ бури. Слѣпой щеголъ также пѣлъ спросонка, потревоженный непривычнымъ шумомъ. Тогда Маркъ вскочилъ на ноги, подошелъ къ окну, открылъ клѣтку и въ одинъ мигъ оторвалъ голову слѣпому щеглу. И тотчасъ же глыба, душившая его, отпала отъ горла, отошла во внутрь, снова въ самую глубь его сердца.

XVII.

Теперь Маркъ понималъ и сознавалъ только одно: надо узнать. Узнать прежде всего. А дальше этого не шла его мысль.

И онъ узналъ.

Въ маленькомъ домикѣ за шлюзами у канала жила Лиза, снимавшая крошечную комнатку у тюремной швеи.

Отецъ ея жилъ въ общежитіи надсмотрщиковъ, устроенномъ при фабрикѣ. И Лиза поселилась одна въ крошечной комнаткѣ съ единственнымъ оконцемъ, выходящимъ на каналъ.

Эта комнатка была хорошо знакома Марку, до мельчайшихъ подробностей. Здѣсь онъ переживалъ минуты, дѣлавшія его человѣкомъ.

Была ночь, жаркая, насыщенная электричествомъ, предгрозовая іюльская ночь.

Вода въ каналахъ хранила въ себѣ стальной отблескъ мѣсяца, изрѣзавшаго ее линіями свѣта; точно громадный ножъ провелъ по ней зигзаги, и они остались на поверхности ея, какъ остается на поверхности стекла слѣдъ ранившаго его алмаза.

Маркъ съ вечера сказалъ Лизѣ, что не придетъ, потому что отецъ посылаетъ его по своимъ дѣламъ въ большой городъ.

Лиза знала, что менѣе сутокъ нельзя употребить на поѣздку въ столицу и обратно, и вздохнула свободно.

Любовь Марка уже тяготила ее.

Она не понимала такой любви, роковой, невеселой, требовательной и грозной.

Жизнь дарила ей розы и тяжело и цѣпко опутывающій ее могильный плющъ его любви душилъ ее своей безысходностью.

Ей хотѣлось шума, смѣха, веселья. Ей хотѣлось жизни прежде всего. А онъ не умѣлъ ей давать ни того, ни другого.

Она узнала къ тому-же, что Глѣбъ бросилъ мечты объ институткѣ и скучаетъ по ней, Лизѣ. Такъ ей передала Китти съ таинственной миной лукавой, испорченной дѣвочки, успѣвшей уже почерпнуть отъ жизни кое-что. Она сказала еще нѣчто Лизѣ, отчего та зардѣлась до корней волосъ.

Она сказала:

— Черезъ годъ Глѣбъ приметъ фабрику отъ папы и будетъ въ ней все. Онъ поставитъ тебя главной надъ укладчицами и ты будешь важной госпожей. Поняла?

Лиза поняла конечно и встрепенулась отъ той розовой перспективы, которую сулили ей. Лизѣ хотѣлось быть важной, она была тщеславна, къ тому-же она соскучилась по утонченной и капризной любви Глѣба, смутно жаждая ея.

Они были оба продукты одной семьи, истыя дѣти маленькаго города, не задумывающагося слишкомъ надъ тѣмъ, какъ выливается въ нихъ самый процессъ жизни.

Какъ-то, не задолго до того, они столкнулись носъ къ носу въ саду и въ глазахъ обоихъ разомъ вспыхнула одинаковая радость.

Безъ объясненій и лишнихъ словъ, которыя казались такими ненужными обоимъ, Глѣбъ приступилъ къ главному, отъ чего зависѣло мимолетное счастье его и Лизы.

Съ блескомъ въ глазахъ и животной улыбкой спросилъ ее только:

— Когда?

Она поняла его разомъ, окинувъ жаднымъ взоромъ всю его выхоленную, стройную фигуру въ безукоризненномъ костюмѣ, дышащую самодовольствомъ, и безъ колебаній назначила ему ночь у себя, въ маленькой комнаткѣ съ единственнымъ оконцемъ, выходящимъ на каналъ.

Ту самую ночь, которую Маркъ по ея расчету долженъ былъ провести въ городѣ.

Осторожно крадучись, какъ кошка безшумно и неслышно, пробирался Маркъ въ эту ночь къ знакомому домику по уснувшимъ улицамъ маленькаго города.

Было мертво-тихо кругомъ, но все ему казалось шумнымъ, потому что шумъ наполнялъ его мозгъ и сердце, безпросвѣтный, глухой и темный шумъ.

Было душно, и воздухъ, насыщенный электричествомъ, точно весь пылалъ жаромъ желаній. И лицо Марка пылало и мысли также. Онъ шелъ, скользя и спотыкаясь каждую минуту, какъ слѣпой, лишенный вожака, какъ недужный...

Его ноги, тяжело отдѣляясь отъ почвы, были точно налиты свинцомъ.

А дума росла, все одна, громадная.

Онъ зналъ и не зналъ, что будетъ. Онъ зналъ, что любитъ Лизу, что она его жена по природѣ, по любви, по жизни. Она вся, со своей красотой и улыбками и съ тѣломъ своимъ, молодымъ и прекраснымъ, стала принадлежать ему. И съ той минуты онъ уже не жилъ раздѣльно отъ нее, онъ отдалъ ей себя всего. И взялъ ее всю. Она жена его. Такъ онъ понималъ любовь.

Онъ подвигался медленно, чуть замѣтно. И чѣмъ больше гнала, торопила его мысль, тѣмъ медленнѣе несли его ноги. Онъ точно отдалялъ роковую минуту, опасаясь того, что

долженъ былъ пережить сейчасъ. И смутно колебалась въ немъ надежда на лучшій исходъ, смутно, почти неощутимо.

Когда неожиданно вынырнулъ передъ нимъ маленькій домикъ съ освѣщеннымъ окномъ на каналъ, онъ вздрогнулъ и остановился. Освѣщенное окно таило загадку. И казалось загадочно само, единственное яркое среди общей темноты ночи. Точно глазъ того чудовища, которое зовутъ судьбой.

Онъ всталъ на колѣни, чтобы не шумѣть подошвами, и подползъ къ окну... Потомъ, придерживая рукою изступленно бившееся сердце, разомъ выпрямился во весь ростъ и приникъ къ стеклу. Занавѣска не позволяла ему увидѣть, что происходило въ комнатѣ, но на ней ясно обрисовывались силуэты двухъ движущихся тѣней.

Дыханіе замерло въ груди Марка. Мысль притупѣла. Заглохла. И вдругъ неожиданно, не помня себя, онъ закричалъ дико, какъ сычъ въ темнотѣ ночи и сильно ударилъ кулакомъ по стеклу и выбилъ окно. Стекло съ жалобнымъ звономъ, дробно крошась, упало къ его ногамъ. Не замѣчая кусковъ, вонзившихся въ его руку и залившей ее крови, онъ сильно рванулъ занавѣску и заглянулъ внутрь комнаты.

Глѣбъ и Лиза съ блѣдными испуганными лицами, полуодѣтые, растрепанные стояли посреди нея и смотрѣли полные ужаса въ его лицо. Онъ дико захохоталъ и отпрянулъ назадъ во тьму ночи. И мысль его почему-то неожиданно вырисовала ему мертвое тѣльце слѣпого щегла.

XVIII.

Было утро... Былъ день. Былъ вечеръ и ночь, опять было утро и вечеръ. А Маркъ все ходилъ, все ходилъ ритмически ровнымъ и быстрымъ шагомъ по кладбищу, городу, по предмѣстью и лѣсу. Онъ не работалъ больше на фабрикѣ. Онъ не могъ работать и думать онъ не могъ. Онъ уснулъ. И уснувши, ходилъ и ходилъ только до устали, до изнеможенія, до боли и судорогъ, которыхъ не чувствовалъ даже. Онъ былъ страшенъ со своимъ помутившимся взглядомъ и встрѣчные съ ужасомъ смотрѣли на растрескавшіяся губы и сухіе глаза.

Казанскій искалъ его и не нашелъ. Отецъ посылалъ за нимъ—онъ не вернулся.

— Пропалъ Маркъ!—заговорила Китти и нездоровое любопытство зажигалось въ ея глазахъ.

Анна молилась и плакала. Она была одинока, какъ Маркъ, и жалѣла его.

Лидія Мансурова, слушая „исторію“ Марка, разошедшуюся по городу, тонко улыбалась своими кровяными полосками, торжествовала... Какъ должно было быть, такъ и случилось. Пошлая, пустая и глупая дѣвчонка не могла понять цѣльность этой натуры, первобытной и прямой. И въ торжествѣ Лидіи таилось злорадство. Злорадство и тоска. Всѣ эти дни со встрѣчи съ Марконъ грудь у нея болѣла. И кашляла она сильнѣе и сильнѣе чувствовала всю безцѣльность жизни и пустоту.

Глѣбъ и Лиза сходились и расходились и опять сходились для ласкъ и любви, не требующихъ обязательствъ въ ихъ непрочной связи. Они были довольны и собой и другими, потому что звено, связывающее ихъ, не досаждало никому.

А Маркъ все ходилъ, все ходилъ безъ думъ, безъ желаній, какъ во снѣ.

Пробираясь какъ-то по кладбищу, гдѣ глухо шумѣли старыя сосны, загнанный, полуживой отъ усталости, едва-ли ощущающій ее, онъ случайно наткнулся на компанію дѣвушекъ-укладчицъ, которыя пришли сюда съ ихъ „милыми“ провести праздничный досугъ. Среди нихъ была Мотря. Она первая замѣтила его и первая крикнула:

— Вотъ Маркъ! Вотъ Маркъ, глядите!—и добавила, смѣясь, въ его сторону:—Эй, Маркъ!, когда-жъ ты позовешь на твою свадьбу, а?

Маркъ, какъ дикій звѣрь, отпрянулъ въ кусты. Пробираясь сквозь гущу вѣтвей, бившую и хлеставшую его по лицу, онъ желалъ одного: остаться въ этой чащѣ и забыть о томъ, что есть маленькій городъ, гдѣ живетъ Лиза и другія, подобныя ей. Кругомъ пѣли птицы. Какая-то щебетунья птаха звонко крикнула надъ самой его головой. Онъ взглянулъ на нее и снова вспомнилъ слѣпого щегла со свернутой шейкой. И вдругъ ясно и свѣтло ему стало въ мысляхъ, несмотря на тьму, сгущенную въ сердцѣ, несмотря на ту глыбу, которая лежала на немъ. Онъ понялъ. Онъ увидѣлъ. Разомъ прозрѣлъ и понялъ, что надо было дѣлать. Сонъ прошелъ.

Онъ проснулся и рѣшеніе его проснулось вмѣстѣ съ нимъ. У него былъ исходъ этой боли и муки, вцѣпившейся какъ клещами и рвавшей его. Исходъ былъ.

И какъ только къ нему вернулась первая сознательная мысль, онъ ясно почувствовалъ, что онъ живетъ, чувствуетъ и дышитъ. Почувствовалъ усталость во всѣхъ членахъ и потребность физическаго забытья. И онъ забылся, уснулъ крѣпкимъ сномъ, безъ грезъ и сновидѣній, безъ больной кошмарной тоски.

Проснулся онъ рано, когда солнце еще не вставало и птицы чуть шарахались въ кустахъ съ легкимъ попискиваніемъ и щебетомъ, безъ пѣсенъ. Небо чуть розовѣло, предшествуя румянцу зари. Но все было сѣро еще, сѣро, свѣтло и ясно, какъ бываетъ утромъ до солнца, до зари, до птицъ.

Прохладная, здоровая свѣжесть разомъ охватила его, когда онъ проснулся, и освѣтила его сознаніе. Онъ не зналъ, сутки-ли проспалъ онъ, или двое, или всего нѣсколько часовъ. Онъ не понималъ, но въ членахъ его не было ни усталости больше, ни боли. Онъ былъ свѣжъ и бодръ и мысль его была ясна, какъ это предсолнечное утро. Онъ зналъ одно. Душа его твердила: исходъ есть, и это наполняло его яснымъ сознаніемъ того, что неминуемо, какъ смерть.

Онъ всталъ, привелъ себя въ порядокъ и пошелъ. И точно на праздникъ пошелъ, точно на свиданіе къ любимой.

И взглядъ его былъ ясенъ, когда онъ шелъ, и лицо спокойно и свѣтло, какъ на праздникѣ.

Онъ шелъ по городу, по глухимъ, пустыннымъ улицамъ, надъ которыми еще не вставало солнце. И былъ онъ одинъ. И оттого ему было ясно и свѣтло. Онъ шелъ къ Лизѣ.

Онъ зналъ, что она спитъ теперь, и что совладѣть съ нею сонной легче и проще, потому что, когда ея синіе глаза открыты, они умѣютъ побѣждать его и смѣшивать съ ничтожествомъ. Съ закрытыми глазами онъ убьетъ ее. Такъ лучше. Онъ нащупывалъ рукою небольшой финскій ножъ въ карманѣ, ножъ, съ которымъ не разставался съ тѣхъ поръ, какъ полюбилъ Лизу, готовый защищать ее имъ всегда, каждую минуту отъ другихъ. Защищать отъ другихъ—и самъ же выбралъ его орудіемъ мести.

Мести-ли? Нѣтъ. Онъ не хотѣлъ ей мстить. Не думалъ. Онъ просто не могъ признать то, что было и будетъ.

Онъ не могъ отдать Лизу другому, когда она глубоко вошла вовнутрь его души. Вырвать ее оттуда онъ не могъ и отдать не могъ. Значитъ, надо было оставить ее у себя, хоть мертвую, но оставить.

И онъ шелъ теперь, не переставая думать о ножѣ, маленькомъ и остромъ, легко умѣщавшемся въ его карманѣ. А вмѣстѣ съ нимъ думать объ исходѣ.

Онъ представлялъ себѣ ясно, какъ онъ прыгнетъ въ окно, какъ подойдетъ къ ней, къ ея постели, какъ запрокинетъ ея голову рукою и перерѣжетъ ей горло легко и просто, какъ легко и просто снялъ голову слѣпому щеглу. И тогда съ души его сразу упадетъ глыба, придавившая его. И онъ станетъ дышать и исчезнетъ эта прозрачная, холодная, какъ сталь, больная ясность мысли, исчезнетъ навсегда и ему будетъ снова легко. Какъ только Лиза перестанетъ дышать, онъ вздохнетъ впервые свободно, потому что имъ мало воздуху для двоихъ. И разомъ дышать они не могутъ. Онъ задыхается отъ смрада, лжи и гнилости, выходящихъ изъ ея дыханія. А она будетъ дышать такъ смрадно, пока она живетъ.

Городъ спалъ. И было тихо, могильно тихо на улицахъ, въ каналахъ и на рѣкѣ. Звуки спали вмѣстѣ съ городомъ и въ этой тишинѣ чудилось все величіе небытія.

Маркъ шелъ быстро и легко, точно крылья выросли за его плечами.

Онъ зналъ теперь все и охватывалъ все и понималъ. Онъ убьетъ ее, потому что не можетъ имѣть ее, какъ прежде, женою, потому, что любитъ ее и потому, что вся она ложь. И тяжелая глыба все росла и росла въ немъ, а мысль странно свѣтлѣла съ каждымъ мгновеніемъ, съ каждой минутой. Глыба, казалось, переростала его самого, переростала безмолвіе и тишину утренняго разсвѣта. Она давила его. А мысль все свѣтлѣла и этотъ свѣтъ ея былъ нестерпимъ, потому что граничилъ съ тьмой. Онъ шелъ. И глыба въ сердцѣ шла съ нимъ вмѣстѣ. И мысль летѣла заодно съ ними, свѣтлѣя, какъ маякъ среди бурнаго моря, какъ свѣча въ темнотѣ.

Когда показался знакомый домикъ, онъ вздрогнулъ отъ неожиданности. Онъ ждалъ и не ждалъ этого. Хотѣлъ и не хотѣлъ скорѣйшаго осуществленія своего плана въ одно и то же время. Онъ взглянулъ на маленькій домикъ, на окно съ разбитымъ стекломъ, котораго еще не успѣли вставить. Ему

стало разомъ холодно при видѣ этого разбитаго стекла. Воспоминаніе нахлынуло на него хлесткой, какъ бичъ, волной, ударило его и вызвало въ немъ животное бѣшенство, ярость.

Разбитое окно... отдернутая занавѣска... Глѣбъ... Лиза...

Онъ нащупалъ ножъ, прыгнулъ въ окно и въ два прыжка очутился въ комнатѣ.

Она спала... Въ узкой бѣленькой постелькѣ, вся чистая, безпомощная во снѣ. Синіе глаза ея спали подъ прижмуренными вѣками. Ей снилось что-то сладкое. Она улыбалась. Со спутанной золотистою косою, съ прижмуренными вѣками, она казалась моложе и цѣльнѣе. Всегда здоровая, пышущая, яркая красота ея теперь какъ-то уступала мѣсто дѣтской безпомощности во снѣ.

Маркъ, затаивъ дыханіе, склонился надъ нею... Вотъ она вся здѣсь, красивая, молодая, страстная, лживая. Зачѣмъ она спитъ? Ему неудержимо захотѣлось увидѣть ея глаза, обманчивые и ясные, и выпить ихъ взглядъ. Его неудержимо потянуло еще разъ прильнуть губами къ ея рту и выхватить изъ него послѣднее дыханіе, чтобъ до послѣдняго мига она принадлежала ему, только ему.

Онъ наклонился къ ней ниже, дрожа какъ въ лихорадкѣ, весь обливаясь потомъ, блѣдный, какъ смерть. Его зубы стучали, судорога повела его ротъ и онъ разомъ впился въ ея губы дрожащими, алчущими губами.

Она проснулась, удивленная, заспанная, похожая на ребенка... Взглянула на него, безсознательно улыбаясь, какъ во снѣ, и машинально отвѣтила на его поцѣлуй. Тогда онъ обхватилъ ея теплое упругое тѣло и силой посадилъ на постель. Тутъ только она пришла въ себя, проснулась, взглянула на него и, увидѣвъ кто былъ передъ нею, разомъ поняла все и обомлѣла. Животный ужасъ сказался въ ея глазахъ, широко раскрывшихся, почти огромныхъ.

— Что ты?—впиваясь въ него обезумѣвшимъ взглядомъ вскричала она и съ силой толкнула его въ грудь обѣими руками. Онъ поддался, покорный ея движенію, благо оно давало ему возможность вынуть изъ кармана ножъ.

Вся трепещущая, она поймала это его движеніе, взглядъ, мрачно горѣвшій на бѣломъ, какъ известь, искаженномъ судорогой лицѣ, и съ воплемъ, вскочивъ съ постели, бросилась къ окну.

Маркъ кинулся за нею. Передъ нимъ мелькали ея бѣлыя, полныя, крупныя ноги, едва прикрытыя сорочкой, золотистая коса, бьющаяся вдоль спины, ея руки, безпомощно хватающія воздухъ.

Съ тѣмъ-же дикимъ воплемъ, сверлящимъ, какъ буравъ, нервы, пронзительнымъ, животнымъ отъ отчаянія, она выпрыгнула изъ окна и бросилась вдоль улицы по берегу канала. Онъ, осатанѣлый, захлебывающійся въ той волнѣ, которая клокотала въ немъ, какъ буря, несся за нею.

Теперь его мысль сводилась только къ одному: онъ соображалъ одно, что если ударить между лопатокъ, въ спину, туда, гдѣ коса кажется гуще и золотистѣй, она умретъ сразу, тотчасъ.

Онъ хотѣлъ одного—убить ее, убить сію минуту, потому что если онъ не убьетъ ее сейчасъ—не убьетъ никогда. Сію минуту, вопящая, испуганная, растерзанная, она поднимала въ немъ еще большую ярость, потому что въ ней исчезла красота. И онъ бѣжалъ за нею, нащупывая рукою въ карманѣ ножъ. Она впереди, онъ въ пяти шагахъ за нею.

Отчаяніе придало ей силы и скорость ея бѣгу. Онъ же задыхался и взоръ его туманился, потому что темная глыба выходила изъ него и накрывала собою его цѣликомъ. Оттого онъ и не могъ догнать ее сразу, какъ хотѣлъ.

Ея вопль разбудилъ дома... Заспанные люди выскакивали отовсюду и при видѣ бѣгущихъ посылали имъ крики и ругань, упреки и проклятія со всѣхъ сторонъ.

Маленькій городъ привыкъ къ бурямъ на озерѣ, къ бурямъ на улицахъ и въ домахъ. Его ничѣмъ нельзя было удивить. Ничѣмъ.

Лиза бѣжала и вопила о помощи. Люди смѣялись и ругались на встрѣчу ей, привыкшіе къ побоищамъ и брани. Они не видѣли ножа въ рукахъ Марка и все, что не касалось смерти, не стоило вниманія и участія въ ихъ глазахъ.

Маркъ уже нагонялъ Лизу... Еще только минута и рука его, сжимавшая костяную ручку, выдернула ножъ изъ кармана. Онъ взмахнулъ имъ и замеръ на мѣстѣ.

Чья-то сѣрая фигура выросла между нимъ и Лизой, заслоняя собою то, что онъ намѣтилъ для удара. Чья-то рука поймала его руку, съ силой опустила внизъ и вырвала ножъ. Потомъ чье то блѣдное лицо приблизилось къ нему и свѣтлые, ясные, „вѣчные“ глаза преградили ему путь.

XIX.

Казанскій сидѣлъ на обрывѣ и держалъ голову Марка на колѣняхъ. Съ покутившимся, безпросвѣтнымъ, отупѣлымъ взглядомъ онъ былъ ужасенъ, Маркъ. И голова его трепетала и билась о колѣни Казанскаго, какъ что-то бездушное и нечеловѣческое, какъ неодушевленный предметъ.

Казанскій смотрѣлъ на изступленное, потное лицо его, на его растрескавшіяся губы, на мрачные, ушедшіе глубоко въ себя глаза и тихо перебиралъ его волосы.

Онъ силой отвелъ его ударъ, силой привелъ его къ обрыву и, положивъ его къ себѣ на колѣни, смотрѣлъ на него своимъ яснымъ, никогда не потухающимъ взоромъ.

Маркъ не видѣлъ, но чувствовалъ этотъ взглядъ, и буря, клокотавшая въ душѣ и мысляхъ его, стихала. Судороги мало-по-малу исчезали съ лица, пробѣгая по нему рѣже и раздѣльнѣе. Онъ не бился уже на рукахъ своего друга. Онъ затихъ и погасъ весь, какъ мертвый. И когда черные блестящіе какъ уголья глаза его обратились къ Казанскому впервые съ сознательной мыслью отчаянія и боли, тогда Казанскій вздохнулъ свободно. Маркъ поймалъ этотъ облегчающій душу, радостный вздохъ и сказалъ, угрюмо избѣгая глазъ Казанскаго:

— Зачѣмъ ты помѣшалъ мнѣ? Такъ надо было. Я знаю. Легче мнѣ было бы тогда. Знаю. Зачѣмъ помѣшалъ?

— Кому легче?—сурово и строго спросилъ Казанскій. — Тебѣ или ей?

— Мнѣ легче. Душа горѣла. Душа просила, а ты помѣшалъ.

— Глупецъ! — вскричалъ Казанскій, — не ей ты-бы зло сдѣлалъ, а себѣ. Не ее убилъ-бы, а себя. Она что? Убита и тихо. Что ей? Смерть—мигъ. За ней пустота. Ни сожалѣній, ни злобы, ни радостей. А ты-бы себя убилъ. Человѣческое. Ты-бы отнялъ отъ себя правду и собакамъ-бы ее бросилъ, какъ кость. Чтобы глодали онѣ ее, чтобы грызли. Душу твою грызли, пойми. Что въ тебѣ ярость подняло? Ложь?

— Ложь и любовь,—произнесъ Маркъ глухо.

— Вотъ видишь. И новой ложью хотѣлъ накрыть старую. Вѣдь обманулъ-бы себя, убивъ ее. Любовь обмануть хо-

тѣлъ, а этого нельзя. Любовь живетъ. Ее убилъ бы. А любовь жила-бы. И къ ней и къ жалости своей и къ самому себѣ. Любовь безъ конца. И не кругомъ она, не въ томъ, кого любишь, а въ самомъ тебѣ. Самого себя, душу ты любишь. А въ ней другихъ. Понялъ? Ты для себя ее любилъ, чтобы никому ее не отдать, ни ему, ни другимъ. Оттого и задохнулся. А любилъ бы для нея, хорошо да добро, того-бы не было. И любовь-бы не народила въ тебѣ ни мерзости, ни злобы этой.

— Она дурная, — мрачно слетѣло съ устъ Марка,—она дрянь.

— Не дурная она... а слѣпая какъ всѣ и бѣдная она... Отъ слѣпоты бѣдная. Она въ томъ жизнь ищетъ, гдѣ тлѣніе и смрадъ, гдѣ заживо разлагается молодость и красота. Такъ потому убить ее надо, что она слѣпая? И потому злобу къ ней питать, что она въ грязи, какъ всѣ кругомъ. Такъ убивай всѣхъ, всѣхъ, а не одну ее... Когда ты бѣшеный.

— Я не могу быть другимъ... Люди сдѣлали... Зломъ накрыли до головы. Выше всего меня! Да. А я не злой.

— Не злой, а въ потемкахъ,—согласился Казанскій,—потому что любви у тебя нѣтъ настоящей человѣческой. А ты просвѣтлѣй. Ты забудь все худое. И думай про добро. Она тебя любила и ласкала. Ты и думай про то. Что было хорошо, про то только и помни. А дурное забыть. А ты убить... Ахъ, ты!

— Тебѣ хорошо!—прознесъ Маркъ угрюмо,—тебя обидѣла рота, ты ушелъ... Ты свободенъ, ты и дѣло найдешь и себя... Ты одинъ. Въ тебѣ любви нѣтъ такой... Ты не связанъ уйти и жить.

— А ты тоже найди себя. Разумомъ осилишь сердце... Твердый будешь, сильный. Постой!.. Ты сказалъ, любви во мнѣ нѣтъ большой... А эта самая любовь меня куда ведетъ, а? Не знаешь! Пока ты звѣремъ былъ и по лѣсу рыскалъ, „они“ приходили. „Они“! Ты не зналъ? Просили меня. Смирялись. „Будь старшиной, прости“. Я сказалъ: хорошо. Приду сказалъ. И пойду.

— Куда пойдешь? Въ роту? Обратно?

— Туда,—кивнулъ головой Казанскій.—Къ нимъ пойду. И не по охотѣ пойду. А любовь моя меня поведетъ, Потому что прощаетъ она все, потому что велика, больше меня, выше.

Не я прощаю, а она. Понимаешь? Они слѣпы всѣ... Ихъ надо прощать!

— Они убьютъ тебя, — уныло проронилъ Маркъ, — они убьютъ тебя, увидишь! Не ходи!

— Нѣтъ. Во мнѣ правда, и убить ее нельзя. Они хорошее чуютъ въ ней и не поднимется у нихъ рука на нее. Они дѣти, слѣпые, они не злые.

— Негодяи они, собаки. Что говоришь? Собаки!—и глаза Марка грозно сверкнули.

— Не негодяи, а слѣпота. И всѣ здѣсь слѣпота и въ ротѣ, и въ городѣ, и въ жизни. По слѣпотѣ, а не отъ грѣха, подличаютъ и лгутъ, бьются и обманываютъ. Говорю тебѣ, какъ тѣ вонъ, какъ мошкара слѣпая, гляди!

Казанскій поднялъ руку и указалъ ею впередъ.

Прямо къ солнцу, уже горѣвшему на востокѣ, застилая его, неслась туча, сплошная, сѣрая, однимъ огромнымъ движущимся клубкомъ. Она волнообразно измѣнялась въ воздухѣ, принимая все большіе и большіе размѣры. Она поднималась отъ земли до неба, безчисленными милліардами крапинокъ испещряя эфиръ. И когда разглядишь ее, то она состояла изъ безчисленныхъ мелкихъ существъ, сѣрыхъ, какъ моль, безтолково снующихъ, гадкихъ. Она металась вокругъ людей, бросалась въ ихъ дома, не причиняя вреда и если причиняя его, то только своимъ безсиліемъ, безпомощностью и тѣмъ смрадомъ, который шелъ отъ ея гніенія. Все стало густо, полно ею и дома, и сады, и бульваръ, и улицы. Люди шли по ней, этой массѣ, устилавшей почву, какъ по ковру, давя ее безчисленую и слѣпую. Отъ ея мертвой массы, застилавшей землю, шелъ острый, гнилой запахъ тлѣнія. Она безтолково металась, снуя вокругъ людей, навстрѣчу людямъ, не видя ихъ, не чувствуя, надоѣдливая, нудная, поднимая бурю бѣшенства и злобы къ ней, слѣпой, сѣрой, ничтожной и безвредной. Маркъ смотрѣлъ на мошкару, на тучи ея, несшіяся отъ рѣки къ городу и надъ рѣкою и всюду, и душа его ныла и болѣла въ тоскѣ. Прощать, какъ Казанскій, онъ не умѣлъ. Не по себѣ не могъ, а по року. Рокъ далъ ему иную душу, иную жизнь. А Казанскій говорилъ ему въ это время: они пришли, позвали меня и я пошелъ. Я иду. Такъ надо. У меня любовь есть... Они слѣпые... Мнѣ жаль ихъ и иду.

— Я одинъ!—произнесъ Маркъ и отъ словъ его повѣяло могилой.

— Не будешь одинъ, когда въ тебѣ прощеніе будетъ и правда. Не будешь одинъ. Работай. Трудись. Найди себя. Тутъ худо, уйди. Совсѣмъ уйди изъ нашихъ мѣстъ. Далеко уйди. Отъ мошкары, гдѣ другіе люди будутъ, гдѣ сильные. Гдѣ легче будетъ тебѣ подняться, окрѣпнуть... Человѣкомъ стать... Настоящимъ. Понялъ?

Маркъ понялъ.

— Уйти!

Вотъ гдѣ исходъ, гдѣ настоящее. Уйти. Отъ маленькаго города съ его мошкарою. Отъ тѣхъ, кто забилъ, принизилъ въ немъ душу. Гдѣ онъ не могъ быть, чѣмъ другіе. Уйти! Вотъ она, гдѣ истина. И гдѣ-нибудь тамъ, среди свѣжихъ новыхъ людей онъ начнетъ новую жизнь. Съ борьбой. Съ силой. Онъ найдетъ себя, какъ сказалъ Казанскій. Поднимется. И любовью своей будетъ жить. Не Лизой, а любовью, которая въ немъ, которая вела его убить по слѣпотѣ и которая прозрѣла.

Прозрѣла, вѣрно.

Уйти. Такъ вотъ гдѣ онъ—исходъ, который нуженъ!

Онъ нашелъ его — Казанскій. Онъ сказалъ. Маркъ послушаетъ его. Онъ сильный. Онъ выросъ и понялъ. Надо простить. Забыть и начать новую жизнь... Совсѣмъ. Простить надо и на томъ жить.

И Маркъ точно выросъ.

Маркъ былъ не тотъ.

Глаза горѣли. Глаза сіяли, но не прежнимъ мрачнымъ огнемъ. Въ лицо бросились краски.

Что-то гордое проснулось въ немъ. Что-то человѣческое.

— Я пойду!—сказалъ онъ Казанскому.—Я пойду. Я понялъ, здѣсь не подняться. Грязь здѣсь... И меня били какъ собаку. Собака здѣсь я. А тамъ все другое. Я пойду.

Казанскій улыбнулся. И солнцемъ повѣяло отъ этой улыбки, такъ она была свѣтла.

— Хорошій ты. Знаю я тебя. Впередъ ступай. Бодро, хорошо. Въ тебѣ начало ужь есть. И все хорошо впереди. А прежнее забудь. И мнѣ пора. Видишь, идутъ за мной. Дѣти мои. Мошкара моя.

На дорогѣ показались люди. Маркъ сразу узналъ ихъ.

То былъ „Извозчикъ“, Михайло Ивановичъ и Калмыкъ. Они искали Казанскаго. Они шли за нимъ. Тотъ всталъ и подалъ руку Марку.

— Ступай... Каждому свой путь. Не пропадешь ты, если по правдѣ. Руки есть и голова тоже... Ты чистый. Тебя я вижу насквозь, какъ стекло. Люди тебя другимъ хотѣли сдѣлать по слѣпотѣ только. Не сумѣли они... Не судьба имъ. Такъ. Ступай отсюда, отъ нихъ. И унеси съ собой то, что въ тебѣ есть. И человѣческимъ дополни душу. Правдой дополни. Есть она въ тебѣ. И будетъ хорошо. Человѣкъ ты!— говорилъ Казанскій,—человѣкомъ и будь. Гдѣ хочешь, а будь человѣкомъ. Правда въ тебѣ будетъ горѣть какъ свѣча. Прощай. Мои зовутъ, слышишь? Мнѣ пора. Будь счастливъ. Я тебя любилъ.

Онъ улыбнулся Марку, кивнулъ и пошелъ, все такой-же улыбающійся, свѣтлый, ясный.

А Маркъ остался. И былъ онъ одинъ, и было въ немъ двое. Человѣкъ въ немъ былъ. И былъ Маркъ, котораго били и принизили, и ненавидѣли котораго, какъ мразь.

И человѣкъ сказалъ Марку:

— Ты, гордый, поднимись, потому что ты сила. Встань!

И онъ всталъ. Онъ поднялся.

Мошкара застилала ему солнце, но не затмила его. Онъ видѣлъ свѣтъ его и въ небѣ и въ себѣ.

И свѣтомъ наполнилась душа.

И было въ ней ясно, и было тихо. И было свѣтло.

Онъ гордо выпрямился и улыбнулся.

Улыбнулся свѣтло, какъ солнце. Въ первый разъ.

КОНЕЦЪ.

ВП № 53-1015/19.

45
51-1-6